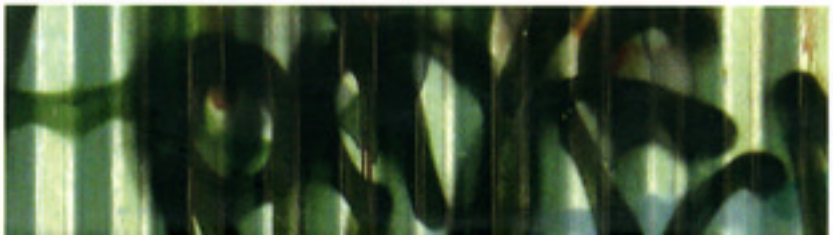
Российское государство: вчера, сегодня, завтра

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ



Коллектив авторов

Российское государство: вчера, сегодня, завтра

«Новое издательство»

2007

авторов К.

Российское государство: вчера, сегодня, завтра / К. авторов — «Новое издательство», 2007

Книга «Российское государство: вчера, сегодня, завтра» объединяет материалы дискуссии, инициированной Фондом «Либеральная миссия» и объединившей ведущих российских политологов различных идеологических направлений вокруг вопроса о специфике российской государственности.

© авторов К., 2007
© Новое издательство, 2007

Содержание

Игорь Клямкин 6
Три позиции в монологах и диалогах 7
История и историческое сознание 9
Вызовы реальности и ответы интеллектуалов 15
1 15
2 17
3 20
О структуре книги 24
ЧАСТЬ I 25
Михаил Краснов 25
Опасности персонализма 25
Россия в «матрице»? 27
Президент как гарант 31
Президент как политический актор 40
Подводя итоги 51
ЧАСТЬ II 82
Виктор Кувалдин 82
О природе нынешнего Российского государства 82
Мифы о Путине versus то, что было им реально сделано 83
Как изменять и выправлять недостатки сформировавшейся системы? 84
О роли внешнего фактора 87
О воле к жизни российской элиты 89
О программе-минимум и программе-максимум 90
Иосиф Дискин 92
О модернизации «вообще» и модернизации России 92
«Новая Россия» и путинская конвенция 94
Российская политическая стабильность носит негативный характер 96
Сценарии предстоящего выбора 99
Перспективы консолидированной демократии в России 100
Александр Архангельский 102
Ельцин и силовики 102
Шанс раннего Путина 103
Ставка на «вертикаль власти» 104
Предчувствие грядущего кризиса 105
Дилеммы Путина 107
О роковых моментах истории и свободе политического выбора 108
Попытка политического консультирования 109
О шансах России на будущее 111
Евгений Гонтмахер 113
Российское государство сегодня не выполняет ни одну из своих базовых функций 113
О причинах государственной немощи России 114
Неизбежность политического землетрясения 117

Активизировать бизнес – главная задача нового президента 119
«Проблема преемника» как проблема обновления властвующей элиты 121
Дмитрий Тренин 124
Конституция «на вырост». Российское общество между подданством и гражданством 124
Национальная элита и новый либерализм 126
Исторический путь длиной в три поколения 127
ЧАСТЬ III 130
Борис Межуев 130
Дмитрий Володихин 134
Русский консерватизм versus либерализм 134
Русский консерватизм и Российское государство 136
Русский консерватизм и перспективные задачи политической трансформации 137
Политическая тактика 139
Духовная основа русского консерватизма 139
Политический идеал русского консерватизма 140
Максим Артемьев 143
Михаил Юрьев «Естественным для русских вариантом государственного устройства является смесь идеократии и имперского патернализма» 148
Три модели государства 148
Логика и вектор самопреобразования Российского государства 149
Конец ознакомительного фрагмента. 150

Российское государство: вчера, сегодня, завтра Под общей редакцией И.М. Клямкина

Игорь Клямкин Постмилитаристское государство Предисловие

В этой книге представлены материалы большой интернет-дискуссии, инициированной фондом «Либеральная миссия» и проходившей на его сайте и сайте журнала «Полис» в 2006–2007 годах. Тема обсуждения – российская государственность, ее прошлое, настоящее и перспективы развития в обозримом будущем.

Дискуссия началась со статьи Михаила Краснова «Фатален ли персоналистский режим в России?» В ней утверждалось, что существование этого режима в значительной степени предопределено действующей российской Конституцией и что без ее коррекции преодоление персонализма невозможно. Статья была обсуждена экспертами «Либеральной миссии», близкими автору по политико-идеологическим ориентациям, и даже среди них встретила возражения. Особенно сомнительным показался им тезис, согласно которому персонализм может быть устранен самой персоналистской властью, призванной инициировать необходимые конституционные изменения. Читатель, который незнаком с этим начальным обсуждением статьи М. Краснова, может найти его в первой части книги, равно как и саму статью.

А потом мы пригласили принять участие в дискуссии всех желающих, независимо от их политических и идеологических предпочтений, равно как и профессиональных специализаций. И большинство ведущих экспертов приглашение приняли, за что всех их хочу поблагодарить. Возможно, приняли они его и потому, что мы сознательно расширили тематический диапазон обсуждения, оставив единственное ограничение – представляемые тексты не должны отклоняться от проблематики, касающейся российской государственности. Естественно, что в дальнейшем обсуждение хотя и возвращалось периодически к статье М. Краснова, ушло от нее довольно далеко, причем в самые разные стороны.

Три позиции в монологах и диалогах

По ходу дискуссии нам пришлось выслушать немало упреков по поводу размытости, недостаточной сфокусированности ее предмета. Высказывалось недовольство и составом участников: бессмысленно, мол, дискутировать с людьми, исповедующими другие базовые ценности, а также с теми, кто скомпрометировал себя «ренегатством», продемонстрировав отсутствие каких-либо ценностей и убеждений вообще. В ответ на это могу сказать, что в обществе, где отсутствует ценностный консенсус, уместен и спор о ценностях. Людвиг Эрхард, например, считал для себя нужным и важным полемизировать с традиционалистами о «немецкой духовности», а у нас некоторые (не все) «западники» считают почему-то мировоззренческо-идеологические споры занятием недостойным.

Еще более уместен, по-моему, диалог с аналитиками, обосновывающими нынешний курс российских властей и получившими привилегированный доступ к массовым медиааудиториям. Их называют кремлевскими политологами, в чем я, в отличие от М. Краснова (см. его заключительную статью в дискуссии), не вижу никакой заведомой предвзятости уже потому, что сами они против этого не возражают. Диалог же с ними уместен хотя бы потому, что позволяет перевести разговор о создаваемой и укрепляемой Кремлем государственности на экспертный уровень, выслушав аргументацию ее защитников и их ответы на критику в их адрес. И если они готовы принять вызов (а они такую готовность обнаружили), то отказ от публичного анализа их позиций свидетельствовал бы не столько об интеллектуальном или нравственном превосходстве, сколько о бессилии. А отказ предоставить им слово – тем более.

Что касается более четкой и жесткой фокусировки тематики, то ее сужение как раз и сказалось бы неизбежно на идеологической репрезентативности участников обсуждения. Ведь проблемы, которые считают главными, скажем, Лилия Шевцова или тот же Михаил Краснов, для Александра Дугина или Сергея Кургиняна вообще никакие не проблемы. И, соответственно, наоборот. Мы, разумеется, не рассчитывали, что люди, озабоченные утверждением в России вместо персоналистского режима демократически-правового порядка, будут обсуждать вопрос о том, как превратить ее в евразийскую «империю постмодерна» или восстановить в стране самодержавную православную монархию, а сторонники такого превращения и такого восстановления будут дискутировать на темы демократической конституционной реформы. Мы рассчитывали на то, что широкая тематическая рамка обсуждения позволит высказаться всем желающим, свободно выбирая «объекты» для полемики либо от нее уклоняясь. В результате же мы получили много идеологических монологов, претендующих на проектность, и их критику, нередко содержательную, ответов на которую, за редкими исключениями, не последовало.

Зачем же все-таки, могут спросить (и некоторые спрашивают), такая дискуссия, участники которой избегают друг с другом дискутировать? Ну, во-первых, это не совсем так. В книге читатель найдет, повторяю, немало полемических текстов, свидетельствующих о готовности многих экспертов к содержательному диалогу. Во-вторых, дискуссия – это противостояние позиций, которое в данном случае налицо и которое вовсе не требует обязательного оспаривания тех или иных тезисов противостоящей стороны. В-третьих, само отсутствие готовности к диалогу только в ходе дискуссии и могло обнаружиться. И свидетельствует оно о том, что в нашем экспертном сообществе сохраняется слой, причем достаточно широкий, носителей монологичной культуры – замкнутой, самодостаточной и нечувствительной к инокультурным сигналам, отталкивающей их как нечто чужое, чуждое и заведомо неистинное, а потому и не заслуживающее серьезного внимания.

Читателю, который впервые знакомится с текстами, представленными в книге, советую посмотреть на них и под этим углом зрения. Советую, говоря иначе, помимо их содержа-

ния, обратить внимание и на то, как выглядят они именно в пространстве дискуссии, которая выявила не только интеллектуальные возможности отдельных участников, но и их ментальные особенности.

Не может не броситься в глаза и очевидная корелляция монологичности с идеологическими предпочтениями. Приверженность ей демонстрируют прежде всего (хотя и не только) те авторы, которые образ будущей российской государственности ищут и находят в ее прошлом и которые считают утопическими и пагубными для страны политические проекты, предполагающие утверждение в ней государства-нации западного типа. Поэтому и спорить всерьез с приверженцами таких проектов они полагают бессмысленным, равно как и отвечать на их критику в адрес проектов собственных.

Оба эти идеологические течения («патриотическое» и «космополитическое», как назвал их один из участников дискуссии), непримиримо друг другу противостоящие, в той или иной степени дистанцируются от государственной системы, которая сложилась в последние годы в России. И оба они (тоже в той или иной степени) противостоят течению третьему, в публичном пространстве ныне доминирующему, которое представлено в дискуссии кремлевскими политологами. Но по ходу обсуждения становилось очевидным, что это третье течение самостоятельным не является, ибо заимствует основные идеи у первых двух и так или иначе их комбинирует. Более того, его представители, защищая нынешнюю форму российской государственности и считая ее на данный момент оптимальной, рассматривают ее как преходящую, а будущий образ государства тоже ищут либо в западном настоящем, либо в его сочетании с отечественным политическим прошлым.

А отсюда, в свою очередь, следует, что все три течения растут из одного и того же корня, представляя собой разные реакции на *одну и ту же проблему*. Проблему, которая обнаруживает себя именно в *нынешнем* состоянии нашей государственности, выглядящей в глазах едва ли не всех участников обсуждения ситуативной или, по меньшей мере, неустоявшейся. И вместе с тем проблему не только трудноразрешимую, но и трудноуловимую в ее конкретном современном содержании и в ее исторических истоках.

В этой вводной статье я не собираюсь задним числом включаться в дискуссию и в дальнейшем ограничусь лишь некоторыми критическими замечаниями общего порядка. Тем более что многие возражения, которые я мог бы сделать отдельным ее участникам, в ходе обсуждения были уже сделаны. Главную же свою задачу усматриваю в том, чтобы попробовать обозначить саму проблему, о которую спотыкаются все предъявленные в ходе обсуждения политические проекты независимо от того, осознают это их приверженцы или нет.

Некоторые участники называют ее «проблемой колеи», в которую на протяжении столетий втиснуто развитие отечественной государственности. Вопрос, однако, в том, как понимать саму эту колею в ее нынешних и прошлых особенностях.

История и историческое сознание

Участники дискуссии часто и охотно обращаются к отечественной истории, которую видят неодинаково.

В глазах одних она выглядит историей «тысячелетнего рабства» и государственного произвола. В глазах других – историей подвигов и побед, в которых проявилась особая духовность народа и которые позволили создать могучую и влиятельную государственность.

Для одних это история европейской страны, сбившейся с первоначального пути. Для других – история азиатской деспотии, интегрировавшей в себя европейскую культуру и тем самым обрекшей себя на хроническое системное заболевание, которое как раз и проявляется как «проблема колеи», т. е. циклического чередования либеральных реформ и авторитарных контрреформ, «перестроек» и «застоев».

Одни считают, что сущность отечественной государственности на протяжении веков остается неизменной, меняются лишь ее формы. Другие полагают, что в эволюции форм проявляются трансформации самой сущности.

И все это – не просто разные интерпретации прошлого. Это разные типы исторического сознания, предполагающего соотнесенность образа прошлого с образами настоящего и будущего.

Дискуссия в очередной раз показала, что разнотипность исторического сознания на сегодня сохраняется. В том числе и потому, что оно предельно идеологизировано. Однако в ходе обсуждения были и попытки такого рода идеологизированность преодолеть, объясняя ее саму специфическими особенностями отечественной государственности и ее развития, на разных этапах востребующей разные типы идеологов и, соответственно, интерпретаторов прошлого. Думаю, что пафос объяснения продуктивнее и перспективнее оторванного от реальности пафоса долженствования. Но дискуссия выявила и то, что при этом возникает соблазн методологически репрессировать долженствование как таковое, о чем мне еще предстоит говорить. А главное, она показала, что и при установке на объяснение сама реальность, подлежащая объяснению, не очень-то ему поддается и не столько укладывается в те или иные объяснительные схемы, сколько вываливается из них.

Эта реальность отторгает теоретический язык, изобретенный западной гуманитарной наукой для описания европейской истории. Она отторгает и язык, созданный той же наукой для интерпретации истории Востока и фиксации ее отличий от европейской. Потому что в России было то, чего ни на Западе, ни на Востоке не было. Ни Запад, ни Восток не знали форсированной принудительной модернизации в духе и стиле Петра I, проложившей историческое русло для российского великодержавия, и даже не предполагали, что таковая возможна. Ни Запад, ни Восток не знали и модернизации типа сталинской, превратившей страну в одну из двух мировых ядерных сверхдержав. Нигде не было и прецедента распада такой сверхдержавы в мирное время. Но если для описания российской истории нет адекватного ей теоретического языка, то невозможна и рационализация исторического сознания: оно обречено быть на разный манер идеологизированным.

Проблема усугубляется еще и тем, что изобрести особый язык для описания реалий отдельно взятой страны невозможно в принципе. Потому что знание, претендующее на статус научного, имеет дело не с единичными объектами, а с классами явлений и процессов. Дискуссия показала, что проблема эта некоторыми участниками осознается. Предлагались и ее решения, причем не только с помощью уже существующих в мире подходов, но и посредством понятийных новаций. Я вижу в этом плодотворную тенденцию к преодолению идеологизированности нашего исторического сознания и его расколотого состояния. Но я вижу и то, что отмеченные выше и многие другие особенности отечественной истории объяснению так и не

поддались. Более того, эти особенности развития не попадали даже в число фактов, интерпретируемых с помощью предлагаемых объяснительных схем. А если и попадали и даже оценивались как беспрецедентные (я имею в виду упомянутые выше форсированные модернизации), то вопрос о том, почему такой маршрут стал возможен именно и только в России, интереса все равно не вызывал.

Нам предстоит научиться описывать уникальный объект, каковым является российская государственность и ее история, не изолируя его от других, а как уникальный объект *в ряду* этих других. Как объект, чьи особые свойства свидетельствуют лишь о том, что в нем превышена некоторая мера того, что само по себе вовсе не уникально. Именно к такой постановке вопроса вплотную подводит, мне кажется, наша дискуссия, и я надеюсь, что внимательный читатель книги со мной согласится. Во всяком случае, вариант ответа, который я хочу предложить, явился непосредственным результатом размышлений над текстами ее участников: дискуссия заставила додумать многое из того, к чему раньше только подступался.

Рельефнее всего уникальность России проявилась в советскую эпоху, отмеченную наивысшим державным взлетом и последующим падением, сопровождавшимся территориальным распадом. И потому именно советский период может служить той точкой обзора, с которой лучше всего просматривается и многое из того, что было характерно для периодов предшествовавших. Речь, разумеется, идет не о властных институтах, лишь внешне сходных с самодержавно-монархическими, а тем более не о коммунистической идеологии, в отечественном прошлом аналогов не имевшей. Речь о том, какое историческое и культурное содержание было облачено в советские институциональные и идеологические формы.

Вспомним об «осажденной крепости» и других особенностях официальной политической лексики сталинской эпохи. Вспомним обо всех этих «штурмах», хозяйственных, культурных, бытовых и прочих «фронтах», не говоря уже о всепроникающей «борьбе». Вспомним об искусственно насаждавшемся образе врага и культе секретности. Вспомним, что даже достижения в труде поощрялись на военный манер – «медаль за бой, медаль за труд из одного металла льют». Вспомним, наконец, о «солдатах партии» и о том, что сама партия во всех редакциях своего устава именовала себя *боевой* организацией. Все это свидетельствует о том, что Советское государство было *милитаристским* и что именно в этом заключалась главная его особенность.

Но милитаризм, фиксируя уникальность советской государственной организации, позволяет и сравнивать ее с государственными образованиями иного типа. Потому что сам по себе милитаризм ничего необычного собой не представляет: в разное время он имел место в самых разных странах. Он становится уникальным лишь тогда, когда *мера* милитаризации позволяет говорить о появлении нового исторического качества, аналогов не имевшего. Это новое качество и было продемонстрировано миру «первой страной победившего социализма».

Раньше милитаризм понимался как сдвиг экономической жизни в сторону увеличения расходов на армию и производство вооружений при одновременном насаждении в массовом сознании образа внешнего врага и предощущения неизбежной войны с ним. Но в сталинском СССР было не только это. Там было еще и то, что можно назвать милитаризацией повседневного жизненного уклада, т. е. выстраивание *мирной* жизни по *военному* образцу, что и позволяет говорить об уникальности советского типа государственности. Интересно, что некоторые немецкие идеологи предлагали Гитлеру заимствовать русский опыт милитаризации и героизации труда («административно-командную систему», как стали говорить во времена перестройки), но он к их советам не прислушался.

Почему же в Советском Союзе стало возможным то, что до того считалось немыслимым? Это стало возможным потому, что большевики получили в наследство культуру народного (прежде всего – крестьянского) большинства, в которой ценности военной и мирной жизни не были расчленены. Речь, разумеется, идет не о том, что в глазах населения не было никакой

разницы между крестьянином-хлебопашцем и воином. И, тем более, не о том, что мирный и ратный труд в его сознании как-то совмещались. Наоборот, когда русским крестьянам такое совмещение было навязано посредством организации военных поселений, их возмущению не было границ. И от рекрутчины они были отнюдь не в восторге. Речь идет о том, что *по военной модели выстраивались отношения людей с государством* и что политической альтернативы этой модели в народной культуре изначально не было, а ее формирование властями блокировалось.

Славянофилы в свое время правильно указали на негосударственный, неполитический характер этой культуры. Но они не заметили, что она была *до*государственной и *до*политической, так как именно в таком состоянии столетиями консервировалась властями. Не заметили они и того, что в вопросах, касающихся отношений населения с государством, в ней ценностно не отчленились друг от друга военная и мирная составляющие. Однако после советско-коммунистического эксперимента не замечать это – значит закрывать глаза на очевидное. И, соответственно, оставлять наше историческое сознание в том растрепанном состоянии, в котором оно сегодня находится.

Культуру, о которой идет речь, насадили не большевики. Да, они использовали ее так, как никто до них, но отсюда не следует, что до них она в государственном строительстве не использовалась. Взгляд на досоветскую историю с советской точки обзора как раз и позволяет осмыслить эту историю иначе, чем обычно делается. Причем осмыслить в ее динамике, потому что сама советская государственность тоже менялась, пройдя в своем развитии два цикла – сталинской милитаризации и послесталинской демилитаризации. Но ведь то же самое без труда обнаруживается и в досоветской истории.

Ко времени большевистского переворота Россия тоже успела пройти длинные циклы милитаризации и постепенной демилитаризации жизненного уклада. Первый начался после освобождения от монголов, и это своеобразие начальной стадии развития давно зафиксировано историками самых разных направлений. Либерал В. Ключевский писал о «*боевом строе государства*» в Московской Руси, а евразиец Н. Алексеев – о том, что оно «имело характер военного общества, построенного как большая армия». Читая выступления участников дискуссии, ищущих аналоги послемонгольской Московии в Европе, Византии или средневековом Китае, примите во внимание и эти констатации старых историков, вызывающие скорее ассоциации с древней Спартой или империей инков. И тогда, возможно, дискуссия станет стимулом для дальнейших полезных размышлений о нашей истории, нашей самобытности и идентичности и, соответственно, о нашем историческом сознании.

Этот цикл милитаризации завершился при Петре I, который довел ее до предельных для своего времени глубины и масштабности, осуществив с ее помощью беспрецедентную по меркам той эпохи принудительную модернизацию. И возможной она стала только потому, что в культуре с размытыми границами между ценностями военной и мирной жизни в отношениях людей с государством для сопротивления такой модернизации не было и не могло быть необходимых ресурсов. Ее истоком и аналогом можно считать не знавшую таких границ культуру родо-племенную, но в постоянно воевавшей Московии она была приспособлена – с учетом опыта оккупационного ордынского правления, осуществлявшегося с помощью московских князей, – к нуждам государства и навязана всем его подданным. Поэтому на Руси и стал возможен уникальный феномен Петра, благодаря успешным войнам сумевшего заложить основы новой – *державной* – идентичности. Но при отсутствии культурной почвы, обеспечивающей непротивление государственному диктату и предписанным сверху радикальным переменам, не было бы ни модернизации, ни победной войны со Швецией, ни державности. Упадок всесильной Османской империи, в которой такой почвы для появления своего Петра не оказалось, – достаточно убедительное тому подтверждение.

Однако у такого рода милитаристской государственности есть ахиллесова пята. И обнаруживается она именно после того, как державный статус оказывается достигнутым. С одной стороны, его уже нельзя не поддерживать: став ядром государственной идентичности, он становится для власти важнейшим легитимирующим фактором. С другой – сверхнапряжение, которым сопровождается его достижение и которое требует полного, как на войне, растворения частных интересов в интересе общем, не может продолжаться бесконечно долго. Частные интересы рано или поздно начинают претендовать на признание – прежде всего интересы элиты. Поэтому после Петра она стала настоятельно просить самодержцев о послаблениях. Результатом и стало вступление страны в длинный цикл демилитаризации, начавшийся с раскрепощения дворянства и дошедший до упразднения крепостной зависимости крестьян, декларации прав и свобод в Октябрьском манифесте 1905 года и учреждения выборного института народного представительства. Помня о том, что происходило в СССР после смерти Сталина, мы получаем основание утверждать, что история страны представляет собой циклическое чередование милитаризаций и демилитаризаций жизненного уклада. И, тем самым, важный импульс для формирования рационального исторического сознания.

Такое сознание исключает как нигилизм по отношению к прошлому, так и его апологетику. Оно чувствительно к величию военных побед, имевших место в милитаризаторских циклах и даже за их пределами – правда, лишь до тех пор, пока достигавшийся в этих циклах военно-технологический уровень не становился уровнем вчерашнего дня. Чувствительно оно и к величию культурных взлетов, которыми отмечены циклы демилитаризации. Но такое сознание не может быть и апологетичным. И не только потому, что отдает себе отчет в цене, которой оплачивались модернизации и победы. Оно без труда обнаруживает и стратегическую неустойчивость российской государственности, которая к демилитаризованному состоянию оказывалась плохо приспособляемой. После обусловленных внешними и внутренними вызовами нескольких зигзагообразных колебаний между либеральными реформами и авторитарными контрреформами, сопровождаемыми порой частичной поверхностной ремилитаризацией (скажем, в духе Павла I или Николая I), она попросту обваливалась.

Эти колебания давно уже привлекли внимание историков, которые возвели их в ранг некоей закономерности и распространили ее на *всю* послемонгольскую историю страны. Некоторые участники дискуссии пошли еще дальше и, под влиянием опыта двух последних десятилетий, перенесли данную закономерность не только в настоящее, но и в будущее. Но при подобном понимании «проблемы колеи» стирается разница между такими «контрреформаторами», как Петр I и Сталин, с одной стороны, и Николай I или Брежнев – с другой: все они, вместе с Павлом I, Александром III и Владимиром Путиным, оказываются в одном ряду. Иными словами, милитаризаторские циклы, отмеченные форсированными модернизациями петровско-сталинского типа, растворяются в колебаниях внутри циклов демилитаризаторских. В результате же мы получаем не только концептуальное насилие над историей, но и искажение содержания современной проблемы, перед которой оказалась страна.

Ведь «проблема колеи» сегодня вовсе не в том, как вырваться из порочного круга сменяющих друг друга либеральных оттепелей и консервативно-авторитарных подмораживаний. Ее содержание иное. И заключается оно в том, существует ли в России альтернатива милитаристской модернизации на манер петровской или сталинской в условиях постиндустриальной эпохи, когда сам тип подобной модернизации выглядит, мягко говоря, нереалистичным.

При такой постановке вопроса историческое сознание актуализируется и фокусируется на «проблеме колеи» не только в ее прошлых истоках и вариациях, но и в ее принципиальной новизне, а сама проблема неизбежно обретает и *культурное* измерение. Дело в том, что в отечественной культуре, в силу обозначенных выше особенностей эволюции страны, не получило и не могло получить развития понятие об *общем интересе*, как интересе национальном,

государственном. Точнее, *невоенное* понятие о нем. Именно поэтому в демилитаризаторских циклах и российский социум, и Российское государство начинали рассыпаться.

Понимаю: терминология не модная, напоминающая о временах, когда предписывалось «подчинение личных интересов общественным». Но конкретный смысл, которым наполняются в ту или иную эпоху те или иные слова, еще не повод для отказа от самих слов. Ведь понятие общего интереса придумали не коммунистические вожди, оно задолго до них, начиная с Античности, стало одним из базовых в европейской политической мысли. Если в отношениях между различными группами общества, социально или пространственно друг от друга отделенными, нет ничего, что этому понятию соответствовало бы, то неоткуда этому понятию взяться и в культуре. При таких обстоятельствах никакие апелляции к ценностям, идеалам, традициям, идеологическим принципам или правовым нормам устойчиво консолидировать общество не могут, что и проявилось уже в первом отечественном демилитаризаторском цикле.

Демилитаризация означала легитимацию частных и групповых интересов, которые сами по себе в органическую целостность не склеивались. Поиски же в культуре немилитаристских аналогов коллективистского «Мы-мировоззрения», о котором упоминалось, со ссылкой на С. Франка, в ходе дискуссии, успехом не увенчались. Славянофильская идея соборности фиксировала не столько то, что в данной культуре наличествовало, сколько то, что в ней отсутствовало, и призвана была это отсутствие идеологически компенсировать. Соответственно, били мимо цели и апелляции к крестьянским общинным устоям, как жизневоплощению принципа соборности. Потому что общинный коллективизм изолированных друг от друга крестьянских миров был локальным коллективизмом малых общностей, за деревенской околицей обнаруживавшим свою догосударственную, анархическую природу. Наконец, не принесло ожидавшегося эффекта и новое, немилитаристское толкование принципа законности как универсальной ценностной основы общественной консолидации.

В милитаризованном состоянии закон – это способ оформления приказа, не предполагающего субъектности тех, кому он адресован для исполнения. Ни в смысле их участия в законотворчестве, ни в смысле наличия каких-либо прав по отношению к государственной власти кроме права «беззаветного служения» ей. Демилитаризация же начиналась с дозированного предоставления прав, законодательно закрепляемых, и завершалась юридическим самоограничением верховной власти в пользу выборного института народного представительства с законодательными полномочиями. Но тут-то и выяснялось, что при отсутствии укоренившегося невоенного понятия об общем интересе интересы частные и групповые, освобожденные от дисциплинирующей милитаристско-закрепостительной скрепы, оказываются непримиряемыми. Институты народного представительства, созывом которых завершались оба демилитаризаторских цикла (и послепетровский, и послесталинский), не столько консолидировали общество, сколько выявляли его неконсолидируемость. Но и старые институты, будь то самодержавие (монархическое либо коммунистическое) или церковь (православная либо в виде коммунистической партии и ее идеологии), при трансформации военного понятия об общем интересе в невоенное обнаруживали в конечном счете свое бессилие, что, в свою очередь, подтачивало их авторитет. Это – и к вопросу о том, насколько плодотворно сводить природу отечественной государственности к таким институтам и насколько убедительными можно считать подобные попытки, неоднократно предпринимавшиеся в ходе дискуссии.

Вместе с тем выступления многих ее участников вплотную подводят к выводу: до тех пор, пока невоенное представление об общем интересе в культуре не укоренится, «проблема колеи» будет оставаться проблемой, шансов на решение не имеющей. Но рациональное историческое сознание фиксирует не только это. Оно фиксирует и то, что сама колея измельчала и что прежние ресурсы для модернизационных прорывов в ней полностью выработаны. Дополитическая культура, позволявшая предписывать представление об общем интересе посред-

ством милитаризации повседневного жизненного уклада, т. е. выстраивания мирной жизни по военному образцу, осталась в прошлом. Однако и культура политическая, предполагающая закрепление понятия о таком интересе как о подвижной равнодействующей интересов частных и групповых, в стране не сложилась. Поэтому третьей милитаристской модернизации в России не будет, но вопрос о том, какой именно эта модернизация может быть и какая государственность способна ее обеспечить, остается открытым.

Этот вопрос в явном или неявном виде присутствует в выступлениях всех участников дискуссии, какую бы из трех групп они ни представляли. Посмотрим, как они на него отвечают (и отвечают ли) и попробуем понять, как такие ответы (или их отсутствие) соотносятся с особенностями исторического сознания дискутантов.

Вызовы реальности и ответы интеллектуалов

1

Начну с тех, кто ищет ответы в прошлом или по аналогии с прошлым. Похоже, им трудно абстрагироваться от его милитаристской матрицы. Они могут о ней не думать, но полностью освободить от нее свое сознание, а тем более подсознание, они не в состоянии. И наша дискуссия это лишний раз убедительно продемонстрировала.

Знакомясь с позициями и аргументами представителей данной группы экспертов, обратите внимание не только на то, чем проекты и установки этих экспертов друг от друга отличаются. Обратите внимание и на то общее, что их роднит. Я имею в виду преломление в их мышлении опыта советской эпохи. Не в конкретном его идеологическом или институциональном проявлении (сторонников реставрации коммунистических порядков среди участников дискуссии не оказалось), а в его сущностных особенностях. Как правило, отношение к этому опыту позитивное, а те исключения, которые тоже встречаются, из разряда подтверждающих правило.

Сознание, ищущее ответы на современные вызовы в отечественном прошлом, не может игнорировать советский эксперимент, доказавший возможность самобытной модернизации незападного типа и создания на ее основе могучей военной державы. Однако такое сознание не может игнорировать и итоговые исторические результаты эксперимента, отнюдь не столь впечатляющие. Поэтому, проектируя будущее, оно оказывается перед нелегкой проблемой: из прошлого предстоит заимствовать то, что было в нем успешного, устранив то, что обнаружило свою несостоятельность.

Но конкретного решения такие задачи не имеют. Поэтому предлагаются решения абстрактные. Скажем, в виде призыва в творчески обогащенном варианте «повторить эксперимент на новом историческом витке». Или в виде идеи возрождения России как «состоятельного носителя некоего нового универсалистского замысла». Или, более скромно, как «идеократического государства» без имперских притязаний, т. е. в нынешних границах Российской Федерации. Но, в отличие от авторов советского проекта, у которых вдохновлявшая их идея изначально была, у нынешних сторонников идеократии есть лишь вера в то, что такая идея *нужна*, а какой она может и должна быть, они не знают. В этом и заключается главная проблема, на сегодняшний день, как показала дискуссия, для них неразрешимая.

Правда, некоторые из них в поисках конкретных ответов обращаются к более отдаленному, досоветскому прошлому, где находят не только нужную идею, но и соответствующий ей базовый институт государственности. Речь идет о возвращении к православной монархии самодержавного типа. Но я хотел бы обратить внимание читателя на одно обстоятельство. На то, что в описании данного варианта идеократии тема модернизации, которой озабочены сторонники творческого развития советского опыта, отсутствует вообще. И не потому, думаю, что отечественных монархистов тема эта не интересует. Возможно, отсутствие упоминания о ней свидетельствует об адекватности их исторического сознания особенностям и возможностям той государственности, которую предлагается реанимировать.

Дело в том, что технологические модернизации, сопровождавшиеся военными победами и державными взлетами, происходили в России не тогда, когда идеи самодержавия и православия друг с другом соединялись, а тогда, когда они разъединялись. Модернизация Петра I осуществлялась государством, превращенным им в светское, а советская модернизация – и вовсе атеистическим. И, наоборот, попытки эти две идеи соединить (достаточно вспомнить о триаде графа Уварова) относятся к временам не державных взлетов, а национальных катастроф. Ведь первое в послепетровской России военное поражение на ее собственной террито-

рии случилось именно тогда, когда православие и самодержавие (дополненные «народностью») в государственной идеологии находились рядом.

Так что, повторяю, историческое сознание современных приверженцев православного самодержавия, обходящих в своих проектах тему модернизации, вполне соответствует модернизаторскому бессилию этой государственной модели. Но уход от проблемы, в прошлом уже обнаружившей свою нерешаемость, лишает такого рода проекты той конкретности, на которую они претендуют. Не знаю, насколько убедительной показалась их авторам критика со стороны других участников дискуссии, оставшаяся безответной, но я бы на их месте к ней прислушался.

Тем более что возрождение православного самодержавия само по себе не решает и ту главную задачу, ради решения которой его, собственно, и предлагается возродить. Непонятно, почему оно вернет атомизированному российскому социуму утраченное им понятие об общем интересе. Непонятно уже потому, что такого не наблюдалось и прежде. Православие, призванное в послепетровском демилитаризаторском цикле на помощь самодержавию, чтобы компенсировать размывание военного представления об этом интересе, с задачей не справилось. Почему же тогда православное самодержавие сможет справиться с ней сегодня?

Итак, историческое сознание, проектирующее государственное будущее из элементов государственного прошлого, не имеет твердых точек опоры и в самом этом прошлом. В данном отношении абстрактные идеи творческого обновления советского опыта выглядят, как ни странно, более конкретными именно потому, что ориентируют на *трансформацию* прежних государственных форм, а не на их копирование. Ведь в самой неопределенности этих идей проявляется осознание сложности и новизны проблемы, не содержащей в отечественной истории готовых идеологических и институциональных решений. В ней нет ответа на вопрос о том, как консолидировать страну и обеспечить ее модернизацию в условиях, когда милитаризация жизненного уклада населения выглядит заведомо нереальной. Но об этот вопрос спотыкаются и те приверженцы идеократии, которые ориентируются на повторение в иной форме советского эксперимента. И дело не только в том, что они не знают, какой именно эта форма может и должна быть.

Похоже, они понимают, что идеократия и милитаризация – вещи нераздельные. Но они понимают и то, что милитаризаторские проекты шансов на общественную поддержку сегодня не имеют. Поэтому, возможно, эти проекты и не оформляются в программные целеполагания, а выдвигаются в виде пугающих предупреждений и прогнозов, призванных вернуть в культуру советскую нерасчлененность ценностей военной и мирной жизни. Предупреждений о том, что без «креативно-жертвенного мегапроекта» российской государственности грозит гибель, и прогнозов, согласно которым в обозримом будущем «мир войдет в жесткую эпоху войн и конфликтов», потребующих мобилизационной готовности государства и общества.

В тех же случаях, когда милитаристские целеполагания примеряются к *нынешней* социальной реальности, они смягчены дополнениями, заимствованными из современной немилитаристской культуры. Например, читатель найдет в книге проект неоимперской «постмодернистской» государственности, соединяющей в себе наследие Чингисхана, Византии и практику Евросоюза. Или, говоря иначе, военную экспансию, православную веру и современную либеральную демократию. А суть этого проекта его автору видится, между прочим, как раз в том, чтобы повторить *советский* эксперимент «на новом историческом витке».

Обратите внимание на эти ходы мысли, равно как и на то, что даже над сторонниками православного самодержавия, отторгающими советский вариант идеократии, довлеет советский опыт милитаризации. Они полагают, что их политическая (или протополитическая) организация, прокладывающая стране дорогу в будущее (оно же прошлое), «должна напоминать кадрированную военную часть», которая, в свою очередь, очень уж напоминает другую такую организацию, вошедшую в отечественную историю как «партия нового типа». Так что, при всех различиях между экспертами данной группы, все они сознательно или подсознательно

ориентируются на третий цикл милитаризации, отдавая себе отчет в ее слабой сочетаемости с современными социокультурными реалиями, но и не видя ей стратегической альтернативы.

Реакцией на трудности, которые при этом возникают, можно считать проект формирования общего интереса на *этнической* основе, т. е. посредством радикального перехода от имперской государственности к государственности *русской*. Показательно, однако, что преодоление имперско-милитаристской традиции опосредуется в данном случае межэтнической войной, которая эту традицию неизбежно реанимирует.

Таким образом, дискуссия показала, что и установка на возрождение идеократической государственности в ее имперской форме, и идея государственности русской, с такой установкой радикально порывающая, вопрос о формировании невоенного понятия об общем интересе оставляют открытым. Более того, сам вопрос, похоже, ни империалистами, ни националистами не воспринимается как актуальный. А раз так, то нет потребности и в диалоге: милитаристская матрица такового не предполагает, вступление в диалог уже само по себе означает начало ее разрушения. Поэтому, наверное, и не вступают, оставляя критику в свой адрес без ответа. А еще, возможно, потому, что невоенное понятие об общем интересе, которое было бы востребовано обществом и его культурой, не удается пока обосновать и критикам.

2

Другая группа участников дискуссии – кремлевские политологи, входящие в Общественную палату и объединенные представлением о том, что нынешняя российская государственность может исполнить роль субъекта экономической и технологической модернизации. Более того, признавая очевидные изъяны этой государственности, они, тем не менее, считают ее способной трансформироваться в государственность демократически-правовую – либо после завершения экономико-технологической модернизации, либо параллельно с ее осуществлением.

Историческое сознание данной группы экспертов заметно отличается от сознания тех, кто ищет точки опоры в милитаристской традиции. О них нельзя сказать, что они мыслят в логике третьего милитаризаторского цикла. Однако именно это и создает для них трудноразрешимые проблемы, отчетливо выявившиеся по ходу дискуссии.

Дело в том, что их проекты «модернизационных прорывов» должны, согласно замыслу, осуществляться государством, причем в мобилизационном режиме. Но это – *советская модель модернизации без ее милитаристской составляющей*. Не знаю, насколько фиксируется такая частичная преемственность историческим сознанием проектировщиков, но и сама преемственность, и ее частичность сомнений не вызывают. И возникают естественные вопросы. Во-первых, о том, насколько данная модель работоспособна, будучи лишенной своего милитаристского элемента. Во-вторых, о том, насколько она вообще переносима из индустриальной эпохи в постиндустриальную, мобилизационных модернизаций не знающую. На эти вопросы, задаваемые участниками дискуссии, ответов не последовало, но и убежденность проектировщиков такого рода вопросами поколеблена, похоже, не была.

Потому что у них есть то, чего нет у их критиков. Исторический оптимизм кремлевских политологов продуцируется наличным положением вещей. Это положение вещей – не плод экспертной фантазии, оно действительно реально существует, будучи созданным при непосредственном участии самих кремлевских политологов. Речь идет о феномене Владимира Путина, сумевшего консолидировать вокруг себя элиту и население. Сама возможность данного феномена и его эмпирически подтверждаемая устойчивость оказываются достаточным основанием для оптимистического мироощущения, в котором будущее выглядит как продолжение настоящего в улучшенном виде.

Такое мироощущение позволяет, если рассматривать ситуацию под избранным мной углом зрения, считать вопрос о формировании невоенного понятия об общем интересе в принципе решенным. Есть персонификатор этого интереса, который воспринимается таковым большинством общества, остающимся атомизированным, но от рассыпания авторитетом персонификатора удерживаемым. Или, говоря иначе, сохраняющим устойчивость в демилитаризаторском цикле. А это, в свою очередь, позволяет не думать о новой милитаризации жизненного уклада и возникших в ходе исторической эволюции культурных барьерах, такой милитаризации препятствующих. Но на чем все же основана уверенность политологов в том, что нынешняя модель государственности пригодна не только для поддержания статус-кво, но и для осуществления модернизационных прорывов, так и остается непроясненным.

Эксперты этой группы (хотя и не все) не уклонялись от публичного диалога, и читатель может судить, насколько они выдержали испытание им. Здесь же достаточно указать на то, что трудности, с которыми они сталкиваются и которые дискуссия сделала очевидными, проявились не только в обосновании проектов экономической и технологической модернизации. Они проявились и в вопросах, касающихся пороков современной российской государственности и путей их устранения при избранном способе легитимации верховной власти.

Ведь феномен Путина стал возможен благодаря тому, что изначально опирался именно на *военное* представление об общем интересе. Опять-таки ничего не могу сказать о том, фиксируется это историческим сознанием кремлевских политологов или нет. Но это – факт. Вторжение чеченских боевиков в Дагестан, взрывы жилых домов в Москве и других городах и вторая чеченская кампания актуализировали в массовом сознании образ врага и стали главным источником легитимации власти первого лица, периодически представавшего перед согражданами в военной форме в самолете, на корабле, подводной лодке и других негражданских объектах. Политическое лидерство должно было восприниматься как лидерство Верховного главнокомандующего, энергично и эффективно отвечающего на угрозы общей безопасности.

А потом, когда эти источники легитимации начали иссякать, инерция милитаристского сознания стала постоянно подпитываться целенаправленными напоминаниями о победе в Великой Отечественной войне и попытках внешних сил пересмотреть ее итоги, державно-патриотической антизападнической риторикой в СМИ и на официальном уровне, отыскиванием «шпионских камней» и другими акциями, демонстрирующими враждебность окружающего мира. Об этом способе легитимации власти, когда отношения России с миром преподносятся населению как «отношения осажденной крепости с осаждающей ордой», говорилось и в ходе дискуссии. Говорилось и о том, что тем самым легитимируется и вся нынешняя государственная система со всеми ее пороками. Однако кремлевские политологи на эти суждения и оценки не отреагировали, из чего следует, что такой способ легитимации выглядит в их глазах приемлемым, но публично обсуждать его они не считают полезным. А отсюда, в свою очередь, следует, что феномен Путина предполагается продлить в будущее – если и не в нынешнем, то в ином персональном воплощении. Но здесь опять возникают вопросы, на которые у экспертов данной группы нет ответов.

Дело не только в том, что легитимационный ресурс инерционного милитаристского сознания не бесконечен и в мирное время без милитаризации жизненного уклада имеет свойство иссякать. Дело и в том, что в границах демилитаризаторского цикла такой ресурс позволяет авторитарному правителю символизировать общий интерес, но не позволяет консолидировать элиту и население вокруг стратегических целеполаганий и добиваться их жизневоплощений. Потому что «вертикаль власти», которая выстраивается в таких случаях якобы для обслуживания общего интереса, может быть лишь коррупционной вертикалью интересов частных и групповых, не мотивированных ни на экономико-технологическую модернизацию, ни, тем более, на модернизацию самой государственной «вертикали».

Из таких ситуаций Россия дважды в своей истории находила выход в тотальной милитаризации, когда целеполагания правителя реализуются посредством превращения закона в приказ, неисполнение которого карается репрессиями. Если же этот путь отвергается (а он отвергается), то ничего другого не остается, как мотивировать на модернизацию общество, что, в свою очередь, предполагает трансформацию имитационно-правовой и имитационно-демократической государственности, скрепляемой инерцией милитаристского сознания, в правовую и демократическую. Однако и такой выход кремлевских политологов не устраивает. Они ищут третий путь.

Все они декларируют приверженность демократически-правовым ценностям. Все признают, что нынешняя «вертикаль власти» тотально коррумпирована, что в ней доминируют не функционально-деловые, а личные отношения, основанные на частных материальных интересах, что суды вмонтированы в эту вертикаль и действуют по тем же, что и она, понятиям. И тем не менее вопрос о системной трансформации никем из них не ставится.

Все они исходят из того, что популярный лидер авторитарного типа может осуществить не только экономическую и технологическую, но и политическую модернизацию. И до тех пор, пока высокий рейтинг лидера, кто бы им ни был, будет воспроизводиться, никто их переубедить не сможет. До тех пор они будут придерживаться и своей сегодняшней позиции в отношении демократии и права. Сегодняшняя же позиция заключается в том, что либо утверждение демократических и правовых норм откладывается на неопределенный срок; либо предусматривается их дозированное использование для очищения «вертикали власти» от коррупционных наростов, не покушаясь на ее устои; либо предполагается коррекция этих норм в соответствии с «русской идентичностью», что сближает отдельных представителей этой группы с теми, кто проектирует будущую отечественную государственность из элементов государственного прошлого. С той, правда, разницей, что в историческом сознании кремлевских политологов не обнаруживается ностальгии по милитаризаторским циклам.

В своих попытках совместить ориентацию на персоналистский режим с ориентацией на демократически-правовую государственность эти политологи не оказались в ходе дискуссии в полной изоляции. Более того, среди экспертов, близким к ним по политическим умонастроениям, встречаются люди, полагающие, что в сложившейся при Путине системе правления происходит *реальное* движение к правовому государству. Суть такой позиции в том, что между жизнью по понятиям и жизнью по закону пролегает промежуточный этап, на котором элитные группы соглашаются подчиняться неким неформальным «конвенциям», определяющим для каждой из групп, в зависимости от ее близости к власти, меру допустимого беззакония. Этап, на котором и находятся якобы сегодня российская власть и российская элита. И эту позицию можно было бы анализировать, будь она подкреплена информацией о том, что «конвенции» и формируемая ими «конвенциальная этика» ведут, скажем, к фактическому снижению уровня коррупции. Но так как таких сведений предъявлено не было, то неудивительно, что участники дискуссии отреагировали на данную позицию лишь несколькими язвительными репликами.

Что касается кремлевских политологов, то их идеи и проекты вниманием обойдены не были. И об обоснованности их суждений читатель может судить не только по их выступлениям, но и по жесткой критической реакции на эти выступления со стороны экспертов-либералов, равно как и по ответам на такую критику. Я же в заключение хочу еще раз обратить внимание на то, что в позиции кремлевских политологов главный акцент делается на субъектности *государства* при исключении (по крайней мере на неопределенное время) политической субъектности *общества*. И это тоже роднит их с представителями первой группы экспертов, ориентирующихся на государственный опыт прошлого. Что же смогли противопоставить в данном отношении тем и другим аналитики либерально-западнической ориентации?

3

В историческом сознании этой группы участников дискуссии не обнаруживается даже бледных следов мобилизационно-милитаристского прошлого. Но это сознание, как правило, глубоко пессимистично; в отечественном прошлом оно ищет чаще всего не точки опоры для проектирования будущего, а *объяснения* того, почему российская государственность в очередной раз повернулась спиной к демократически-правовым стандартам и снова оказалась в колее «особого пути».

Однако внимательный читатель обнаружит в выступлениях некоторых представителей данной группы и нечто большее. В них установка на объяснение доводится до принципиального отторжения проектных целеполаганий как таковых. То, что «должно быть», объявляется недостойным экспертного внимания; исследователям настоящим (не идеологизированным) предлагается сосредоточиться исключительно на углубленном изучении того, «что есть». Но, как и всегда в таких случаях, изгнанная в дверь природа находит для возвращения обходные пути.

Ценностно нейтральное изучение того, «что есть», приводит к тому, что это «что есть» превращается в причинно обусловленное и неизбежное, с чем следует примириться. Такой объективизм – скрытая форма апологетики доминирующей на данный момент политической тенденции. Точно так же, как и объективизм, не порывающий с ценностно окрашенным «должно быть», но отодвигающий его в неопределенное будущее в расчете на поступательный ход истории, смену поколений или что-то еще. В обоих случаях то, «что есть», превращается в то, «что будет» (всегда или неопределенно долго), в «иного не дано». В обоих случаях перед нами своего рода стыдливое гегельянство, которое в классическом своем виде апологетично не тайно, а открыто.

Если же в анализ того, «что есть», ценности все же включаются и объективный анализ становится одновременно и *критическим*, то это значит, что нормативное «должно быть» было изгнано не всерьез, а «как бы». Оно сохранило себя в виде должного, заимствованного из другого (западного) сущего: то, что наблюдается «у нас», плохо, ибо не соответствует норме, которая утвердилась «у них». А не соответствует потому, что не может соответствовать. Поэтому… Поэтому то, что «у нас», остается лишь углубленно изучать, отложив всякие целеполагания до лучших времен. Непонятно только, благодаря чему такие времена, даже умственная устремленность к которым объявляется предосудительной, когда-либо наступят.

И уж совсем непонятно, почему они наступят, если преодоление косного сущего и утверждение на его месте либерально-демократического должного будет поручено «автономной от общества власти», т. е. просвещенному герою-автократу, в расчете на то, что итогом его исторической работы станет «разложение основ» самой автократии. Не буду повторять сказанное выше по поводу аналогичной позиции кремлевских политологов. Не буду спорить и с тем, что в отечественной и мировой истории можно найти примеры того, как авторитарные лидеры продвигали свои страны по пути прогресса. Но не было еще в этой истории такого, чтобы автократы уходили со сцены при отсутствии людей, чьи политические ценности с автократией несовместимы. Если же эти ценности передать на хранение авторитарному лидеру, то на время его правления появление подобных преждевременных людей должно быть квалифицировано как объективному ходу истории (и, соответственно, конечному торжеству либерализма и демократии) препятствующее. Такие вот парадоксы неогегельянской методологии.

Все эти варианты исследовательского объективизма в дискуссии представлены, и читатель может судить о том, насколько я прав в их оценке. Вместе с тем я не хотел бы, чтобы мой краткий комментарий воспринимался как призыв отнестись к ним исключительно критически.

Все они отражают неподатливость исторической реальности, с которой сталкивается в России современная либеральная политическая мысль.

Ее представители, в отличие от представителей двух других экспертных групп, не приемлют инплантаций в мирную жизнь военного представления об общем интересе ни в последовательно милитаристском, ни в нынешнем имитационном воплощении этого представления. Но, в отличие от своих предшественников 1980-х и 1990-х годов (или от самих себя прежних), нынешние либеральные аналитики отдают себе ясный отчет и в том, что понимание общего интереса как *альтернативы* пониманию военному – это понимание его как интереса *общества, обретшего субъектность*. Или, что то же самое, общества не как некоего нерасчлененного монолита «народных масс», а как общества, с одной стороны, дифференцированного по интересам (частным и групповым), а с другой – умеющего согласовывать их, находя их приемлемую для всех равнодействующую. Но такого общества, именуемого обычно гражданским, в России нет, как нет и массового стремления населения к его формированию. Что, в свою очередь, позволяет властям вытравливать и те его ростки, которые появляются, удерживая монополию на представительство общего интереса за бюрократической властной вертикалью.

Понятно, что появлению оптимистического либерально-демократического мироощущения такие обстоятельства не благоприятствуют, как понятно и то, почему либеральный гражданский пессимизм находит утешение в исследовательском объективизме. Ведь приращение научного знания о реальности ценностно окрашено в современной культуре и само по себе – независимо от того, какова сама реальность.

Поэтому, возможно, именно на этом фланге отечественных интеллектуалов наблюдается отчетливо выраженная установка на поиск новых *теоретических* подходов (и нового теоретического языка), адекватных именно российским реалиям – прошлым и современным. На мой взгляд, такие попытки представляют безусловный интерес. Тем более что поиск ведется в разных направлениях, и результаты его у разных авторов разные, что проявилось в том числе и в полемике между ними в ходе дискуссии.

Жанр вводной статьи, накладывающий определенные ограничения, не позволяет мне углубляться в содержание предложенных подходов. Читателю же, который будет с ними знакомиться (они представлены в основном в последней части книги), могу предложить сопоставить их с тем подходом, который я в этой статье в общих чертах попытался наметить. Замечу лишь, что и теоретические новации участников дискуссии претендуют, как правило, только на объяснение того, что было и есть, а их авторы открыто либо по умолчанию дистанцируются от какой-либо проектности.

Однако и на либеральном фланге проектировщики все же окончательно не перевелись. Среди либералов тоже есть люди, интересующиеся не только тем, «что есть», но и тем, как приблизить его к тому, что «должно быть». И свой поиск они ведут в двух основных направлениях, друг с другом пока слабо соприкасающихся.

Представители первого направления делают основную ставку на преобразование российской государственности сверху, рассчитывая на то, что ее очевидная для них стратегическая несостоятельность в ее нынешнем виде рано или поздно станет очевидной и для властей. Исходя из этого выдвигаются проекты конституционной реформы, призванной демонтировать персоналистский режим и устранить юридические преграды, блокирующие свободную политическую конкуренцию и формирование политически ответственного правительства по итогам парламентских выборов. Предлагается и целый ряд других, вполне конкретных мер, направленных на дебюрократизацию государственной системы, отделение власти от бизнеса, выведение политики из теневой сферы в публичную.

Представители второго направления подобные упования на «верхи» считают иллюзорными и утопическими. Они исходят из того, что системная природа сложившейся в современной России государственности исключает ее трансформацию сверху, а потому главная ставка

должна быть на низовую активность, на развитие гражданского общества и выработку им собственной политической повестки дня, альтернативной официальной. Однако при этом отчетливо осознается и то, что у самого российского общества такая установка проявлена очень слабо, а потому властям не так уж и сложно удерживать его в атомизированном «объектном» состоянии.

Историческое сознание либералов не меньше, чем сознание кремлевских политологов, чувствительно к отсутствию у россиян навыков самоорганизации. Но если вторые на этом основании делают вывод в пользу замещения общества государством и создания им управляемых общественных организаций, то первые рассматривают такое историческое наследство как главную проблему российского либерального западничества. И, как показала дискуссия, пытаются искать способы ее решения.

Да, результативность этих поисков на сегодняшний день, мягко говоря, не впечатляет. Но результат все же есть, и он заключается в осознании самой проблемы. Ведь в 1990-е годы считалось, что высвобождение частных интересов из-под опеки государства чуть ли не само по себе приведет в светлое либерально-демократическое будущее. Ведь вопрос о новом понимании общего интереса и его опосредованности интересами *групповыми* тогда не ставился вообще. Плодом же такой интеллектуальной и политической установки и стал постсоветский атомизированный социум, довольно быстро ощутивший потребность в авторитарной склейке. Сегодня же, как показала дискуссия, «либерализм» 1990-х оставлен в прошлом и вытеснен либеральными установками без кавычек, что не так уж и мало.

Но дискуссия выявила и другое. Она выявила противоестественность интеллектуального противостояния тех, кто ставит во главу угла институциональные (в том числе конституционные) изменения, и тех, кто приоритетным считает развитие и консолидацию гражданского общества.

С последними трудно спорить, когда они говорят о том, что формальные нормы могут работать только тогда, когда опираются на неформальные и когда разные группы интересов (в обществе, а не только в элите) обретут способность договариваться без посредничества и арбитража государства. Трудно спорить и с тем, что при отсутствии общественного консенсуса относительно общих правил игры любое их изменение окажется бессмысленным. Действительно, при таких обстоятельствах сдвиг, скажем, конституционных полномочий от президента к правительству и переход к его формированию по итогам парламентских выборов приведет не к торжеству принципа разделения властей, а к появлению дополнительной политической площадки для бюрократии. Но ведь есть своя правота и у сторонников конституционных изменений. Ведь общественный консенсус предполагает и согласие по поводу Основного Закона, а оно, в свою очередь, не может быть достигнуто, если вопрос о конституционных изменениях объявляется производным и потому заведомо неактуальным.

Трудности и препятствия, с которыми сталкивается сегодня в России либеральная мысль, приводят к тому, что разные аспекты одной и той же задачи искусственно друг другу противопоставляются. Развитие гражданского общества и достижение общественного консенсуса – конституционной реформе. Изучение того, «что есть», – проектированию того, что «должно быть». Углубленное изучение отечественной истории и логики ее развития – исторической злобе дня. В совокупности же все эти и другие раздраи свидетельствуют о том, что либеральное западничество даже в интеллектуальном его воплощении всерьез не претендует в России, по словам одного из участников дискуссии, на *национальное лидерство*.

Рискну предположить, что отсутствие таких притязаний в значительной степени обусловлено неадекватным российской истории историческим сознанием. Либеральная политическая традиция имеет в России глубокие корни; она была заложена еще в первом (послепетровском) демилитаризаторском цикле. И если в 1917 году он (вместе с этой традицией) мог быть прерван, то из второго демилитаризаторского цикла, в котором застряла сегодня страна, выхода

в третий цикл милитаризации уже не существует. Это значит, что «проблема колеи» в прежнем ее виде снята ходом исторического развития. Это значит, что осталась в прошлом и возможность реанимации в мирное время военного понятия об общем интересе. Но и нынешняя имитационная милитаризация массового сознания, на повседневный жизненный уклад не распространяющаяся, стратегически тупикова, что для рационального исторического сознания должно быть очевидно.

Имитации милитаристской традиции, апеллирующие к державной идентичности, успели уже продемонстрировать в отечественном прошлом свою несостоятельность. И потенциал самой российской державности, как со временем выяснялось, они не обогащали и даже не сохраняли, а лишь растрачивали впустую. Тем более бессмысленно уповать на такие имитации в постиндустриальную эпоху. Никакая «вертикаль власти», легитимируемая с их помощью, ответить на вызовы этой эпохи при лишенном субъектности обществе заведомо не сможет. Поэтому российская либерально-демократическая перспектива не просто мыслима; она – безальтернативна. В том числе и с точки зрения патриотизма, если понимать под ним нечто иное, чем интересы самосохранения бюрократической «вертикали», понятие патриотизма приватизировавшей.

Но рациональное историческое сознание должно учитывать не только это. Будучи *историческим*, оно должно включать в себя и представление о том, что трансформация военного понятия об общем интересе в невоенное – задача не просто сложная, но и уникальная, аналогов не имеющая. И сегодня она если в чем-то и облегчилась по сравнению с досоветскими временами, то в чем-то, наоборот, стала еще труднее. Ведь вторая отечественная милитаризация сопровождалась разрушением традиционного жизненного уклада и традиций как таковых, никакой замены им после себя не оставившим. Подобного не было ни в Европе, ни в Азии, ни где бы то ни было еще. Поэтому искать ответы на задачи нашей модернизации в опыте Испании, Японии, Бразилии, Мексики, Тайваня или каких-то других стран, вопреки мнению некоторых участников дискуссии, вряд ли продуктивно. Разве что ответы очень приблизительные.

«Проблема колеи» осталась в прошлом только в том смысле, что наша «колея» больше не ведет в будущее. Но «проблема колеи» остается с нами как задача *выхода* из этой колеи ради обретения исторической перспективы.

Решением задачи может стать только сознательный выбор российского общества. Оно же может быть подготовлено к нему только сознательными действиями просвещенной и ответственной элиты, которой еще тоже нет. Но это, в свою очередь, означает, что ниша стратегического национального лидерства сегодня свободна. И пока политические силы, достойные и способные ее занять, в стране отсутствуют, основная тяжесть исторической ответственности ложится на интеллектуалов, которым предстоит осуществить экспертную и идеологическую подготовку системных перемен. В данном случае я лишь повторяю тезис, в ходе дискуссии уже прозвучавший. Но заинтересованного отклика он пока не нашел. Остается надеяться, что найдет.

О структуре книги

Материалы дискуссии представлены в книге не всегда в той последовательности, в которой они размещались на сайте «Либеральной миссии». При этом мы руководствовались несколькими соображениями. Во-первых, для удобства читателя тексты, авторы которых полемизируют друг с другом, должны располагаться рядом. Во-вторых, выступления представителей каждой из трех экспертных групп, о которых говорилось выше, тоже желательно сконцентрировать в одном месте. В-третьих, тексты, в которых преобладает политическая злоба дня, целесообразно отделить от тех, авторы которых претендуют на теоретическую концептуальность. В-четвертых, переструктурирование не должно лишать читателя возможности следить за ходом полемики в той последовательности, в которой она реально развертывалась.

В результате структура книги приобрела следующий вид.

В *первом* разделе представлена статья Михаила Краснова, открывшая дискуссию, и материалы обсуждения этой статьи за круглым столом «Либеральной миссии».

Во *втором* разделе размещены тексты, авторы которых с разных позиций оценивают период правления Владимира Путина и роль его президентства в развитии российской государственности.

В *третьем* разделе представлены выступления сторонников идеократического типа государства и их оппонентов.

В *четвертом* разделе – тексты кремлевских политологов и их критиков.

В *пятом* разделе размещены материалы, в которых представлены политические идеи и проекты экспертов либерально-демократической ориентации.

В *шестом* разделе собраны выступления, в которых в той или иной степени затрагиваются теоретические проблемы, касающиеся изучения истории и современного состояния отечественной государственности.

Завершает книгу заключительная статья М. Краснова.

Отдаю себе полный отчет в том, что такая структура не идеальна и что размещение текстов в том или ином разделе в ряде случаев не соответствует тем критериям, которыми мы пытались руководствоваться. Скажем, в соответствии с этими критериями место концептуальной статьи Симона Кордонского – не в третьем разделе, а в шестом, а текста Алексея Кара-Мурзы – не в четвертом, а в пятом. Однако перенесение статьи С. Кордонского в заключительный раздел создало бы неудобство для читателя, так как на этого автора есть ссылки в предыдущих разделах, а выступление А. Кара-Мурзы нельзя было изъять из контекста его полемики с Сергеем Марковым. Есть и определенная размытость самих критериев структурного членения материалов дискуссии. Так, тексты, размещенные в пятом разделе, по своей общей политико-идеологической направленности не отличаются, как правило, от текстов, размещенных в шестом, и некоторых материалов других разделов, сформированных по иным критериям. Тем не менее сохраняю надежду, что плюсы предложенной структуры перевешивают ее минусы и что последние не помешают читателю составить целостное представление о дискуссии и мировоззренческих позициях различных групп ее участников.

В заключение хочу еще раз выразить благодарность всем им, а также модераторам дискуссии Леониду Иосифовичу Блехеру и Владимиру Валентиновичу Лапкину, без огромной организаторской и редакторской работы которых эта книга не могла бы состояться.

ЧАСТЬ I
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ НЕПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Михаил Краснов
Фатален ли персоналистский режим в России? (Конституционно-правовой взгляд)

Опасности персонализма

Под *персоналистским режимом* автор понимает несбалансированное сосредоточение властных прерогатив, как явных, так и скрытых, в руках института-личности (в российском варианте – Президента РФ) при формальном сохранении принципов и институтов, свойственных конституционному строю. Если политическая система, т. е. система институтов и правил для выработки и проведения политики внутри страны и на международной арене, основана на чьем-то монопольном положении, то о политике, в современном ее смысле, говорить не приходится. То, что именуется в таких условиях политикой, является скорее лишь формализованной позицией одного институционального субъекта, или политического моносубъекта.

Никакие видовые черты, особенности демократии не могут отменить ее родовых черт, а родовым признаком демократии как раз и является система выявления, представительства и учета разных позиций, которые, переплавляясь посредством специальных институтов и правил, «на выходе» являют собой политику как компромисс[1].

Персоналистский режим не может быть признан особенностью демократии, поскольку он приводит к некрозу ее сущностных черт, в том числе: равных возможностей для политического представительства; самостоятельного функционирования органов государственной власти, относящихся к разным ее ветвям; политической конкуренции; выработки крупных государственных решений на основе согласования интересов.

Наиболее ярким индикатором персонализма при формальном наличии демократических институтов является не объем президентских полномочий, а практически полное отсутствие зависимости реальной политики от результатов парламентских выборов. При этом не играет особой роли, настроено ли парламентское большинство критично по отношению к данному президенту или абсолютно ему лояльно. В таком случае обессмысливается и сам принцип разделения властей. Даже если счесть нынешнее состояние обеих палат Федерального собрания, ставших своего рода «подразделениями» президентской администрации, временной флуктуацией, хотя само возникновение такой флуктуации говорит о многом, то и при «оппозиционном» парламенте теряется смысл разделения властей, поскольку законодательная власть не имеет возможностей реально противостоять президентско-правительственной политике. Так что при господстве персоналистского режима парламент в обоих случаях имеет черты, при которых презрительная характеристика («говорильня»), данная ему В.И. Лениным[2], становится справедливой.

---

[1] Об этом хорошо говорится в книге: *Варламова Н.В., Пахоленко Н.Б*. Между единогласием и волей большинства (политико-правовые аспекты консенсуса). М., 1997.

[2] См., например: *Ленин В.И.* Марксизм о государстве // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 46, 271.

На это мне могут возразить следующее: поскольку Россия до сих пор переживает период реформ, постольку доминирующее положение Президента РФ и периферийное положение парламента оправданно. Это чрезвычайно опасное заблуждение. Разумеется, ненормально, когда существует легальная оппозиция даже не политическому курсу, а самим основополагающим принципам политического и экономического строя. Например, КПРФ в своих программных установках предполагает восстановление советской власти, хотя пока не педалирует такое требование и тактически действует как парламентская партия. Причины подобной ненормальности различны и лежат в той исторической конфигурации, из которой родилась постсоветская Россия. Но, «обезопасив» себя от антидемократического реванша путем институционального гипертрофирования президентского поста, общество, от которого раньше еще кое-что зависело, прозевало другую опасность: создало условия для всевластия бюрократии.

Сосредоточение политической власти в руках института-личности, а значит девальвация парламентаризма, при том что этот институт еще и огражден практически от всяких сдержек и противовесов (см. ниже), неизбежно порождает единственную опору для проведения политики – бюрократию. Впрочем, было бы еще полбеды, если бы бюрократия проводила политику президента. Властный механизм так устроен, что бюрократия определяет еще и стратегические цели и методы их достижения, не давая при этом возможности обществу контролировать власть. В результате как минимум:

• народ отстраняется от своих суверенных прав, закрепленных за ним в ст. 3 Конституции РФ;

• президент объявляет «повестку дня»[3], но формирует такую «повестку» именно бюрократия, не важно, какая из ее групп – «либеральная» или «антилиберальная». Тем самым страна лишает себя всякой долговременной, последовательной и преемственной политики;

• демократические институты, используемые бюрократией для своих нужд, дискредитируются, что особенно опасно в стране, где демократические традиции далеко еще не укоренены;

• политическая конкуренция заменяется «подковерной» конкуренцией «групп влияния», кланов; институты государственного принуждения разлагаются, поскольку, с одной стороны, используются бюрократией для удаления с политического или экономического поля «несанкционированных» фигур, с другой – лишены гражданского контроля. Тем самым эти институты поставлены в такие условия, когда они вынуждены служить не закону и обществу, а бюрократии, взамен получая от нее «свободу действий», которая используется для произвола и коррупции;

• ротация политических лидеров становится проблемой для страны: даже если действующий лидер не устанавливает для себя новую легислатуру с помощью лукавых юридических приемов, его уход в отставку становится как минимум стрессом для общества, как максимум – поводом для нелегитимной борьбы за власть.

Однако самая большая опасность персонализма в нынешних условиях состоит в том, что в отличие от монарха, обладающего сакральной легитимностью, у избираемого народом президента нет такого «резерва прочности». Президент может сколько угодно заявлять, что он «президент всех россиян», но, хотя и не в равных долях, народ всегда будет делиться на сто-

---

[3] Маленький пример из личного опыта: несколько депутатов еще в 2003 году внесли мой проект закона о парламентских расследованиях (см.: *Краснов М.* Пояснительная записка. Проект Федерального закона «О парламентских расследованиях» // Закон. 2002. № 6. С. 108–115), который, хотя и был принят в первом чтении, остался невостребованным, поскольку в то время позиция Кремля была негативной в отношении этого института. Но стоило президенту в послании Федеральному собранию 2005 года упомянуть о желательности введения парламентских расследований, как «машина завертелась». При этом грубо был нарушен Регламент Госдумы, в ст. 110 которого говорится: «В случае, если в Государственную Думу после принятия законопроекта в первом чтении поступит законопроект по тому же вопросу, *такой законопроект Государственной Думой не рассматривается и возвращается субъекту права законодательной инициативы по мотивам принятия аналогичного законопроекта в первом чтении*».

ронников данного конкретного президента и на его противников, при этом не важно, что значительная часть общества остается нейтральной. Если же избираемый глава государства действует в режиме абсолютизма, повторю, не имея той же степени монархической легитимности, он неизбежно становится осью антагонистического разделения общества, причиной радикализации оппонентов, не находящих для себя легальных путей учета их позиций. Поэтому рано или поздно такой режим приводит либо к безвластию, влекущему за собой открыто авторитарное правление, либо к такому же правлению, минуя этап безвластия.

Можно и дальше перечислять негативные следствия политического персонализма, но гораздо важнее попытаться найти ответ на один принципиальный вопрос, без решения которого невозможно определить путь дальнейшего движения. Сформулировать его можно так: *насколько объективен для нас персоналистский режим? Или, говоря конкретнее, что именно предопределило его существование – исторические традиции и особенности общественного сознания либо некие институциональные пороки государственной организации, обусловленные конкретной политической ситуацией в России в начале 90-х годов XX столетия?*

Россия в «матрице»?

Этот вопрос является частью более фундаментального вопроса – о «социогенетической» предрасположенности или степени такой предрасположенности тех или иных обществ к тому или иному типу развития. Обсуждается этот вопрос в России весьма охотно, поскольку, с одной стороны, в нашем обществе остается актуальным разделение, условно говоря, на «традиционалистов» и «модернистов», а с другой – среди «модернистов» все чаще проявляет себя скепсис относительно возможности создания в России демократии без всяких лукавых прилагательных типа «управляемая», «суверенная» и проч. И если «традиционалисты» вообще употребляют слова «либерализм», «демократия» и т. п. не иначе, как с негативными коннотациями, то «модернисты»-скептики, наблюдая безуспешность попыток российского «модернизационного проекта», видимо, решили пойти на «интеллектуальный компромисс». Отсюда – выдвижение гипотезы о неких «метаусловиях», влияющих на демократическое строительство в России.

Сошлюсь, в частности, на гипотезу С.Г. Кирдиной *о двух типах институциональных матриц («X– и Y-матрицы»).* Согласно ее позиции, «институциональная X– или Y-матрица содержит в себе *генетическую информацию, обеспечивающую воспроизводство обществ соответствующего типа.* Самовоспроизведение, хранение и реализация информации в процессе роста новых институциональных форм, т. е. создание «плоти социальной жизни», происходит на основе взаимодействия матрицы базовых институтов и матрицы комплементарных институтов, имеющей в данном случае характер реплики (отзыва, реакции, необходимого элемента диалога). При этом матрица базовых институтов образует генетическую основу. Каждый из базовых институтов взаимодействует с определенным комплементарным (дополнительным) институтом (выполняющим ту же функцию в альтернативной институциональной системе) и „накладывает“ на него свою информацию, характер, отпечаток»[4].

Основываясь на этой теоретической посылке, С. Кирдина утверждает, что если в Y-матрице сочетаются экономические институты рынка, политические институты федерации и ценности, в которых закрепляется приоритет Я над Мы, а такая матрица доминирует в большинстве стран Европы и в США, то «X-матрица образована экономическими институтами редистрибуции[5], политическими институтами унитарного устройства (построения общества «сверху» на основе иерархической централизации) и идеологическими институтами комму-

[4] Эта и последующие цитаты взяты из работы: *Кирдина С.* Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 89–98 (поскольку данная статья автором анализировалась в ее электронной версии, в ссылках на цитаты не указаны страницы журнального варианта).

[5] Редистрибуцию – перераспределение – в данном контексте можно обозначить как экономический патернализм.

нитарности, в которых закрепляется приоритет Мы над Я. *Россия, страны Азии и Латинской Америки отличаются доминированием Х-матрицы*»[6].

С. Кирдина, впрочем, не настаивает на жестком детерминизме «матрицы», наоборот, видит «особенность проявления механизма самоорганизации социально-экономических систем, т. е. систем с участием сознательного человека» в том, что «для подстройки институциональной структуры посредством использования комплементарных репликативных форм необходима целенаправленная и взвешенная деятельность социальных субъектов. Иначе стихийное действие доминирующих структур хотя и будет обеспечивать развитие, но только через кризисы. Они хорошо описаны в экономической теории как кризисы перепроизводства (в рыночных экономиках) и кризисы недопроизводства (в редистрибутивных экономиках). В первом случае к ним приводит стихийное действие рыночных сил, не компенсируемое редистрибутивными механизмами централизованного (государственного) регулирования. Во втором случае – экономические кризисы являются следствием недостаточного внедрения в практику редистрибутивной экономики обменных рыночных институтов». Поэтому выход исследователь видит в том, чтобы «формировать оптимальный институциональный баланс и каждый раз находить требуемые пропорции базовых и комплементарных институтов»[7].

Я не собираюсь вступать в дискуссию по поводу само́й теоретической конструкции, хотя именно здесь и возникает ряд вопросов, например: какие институты или социальные группы являются собственно «генами», т. е. носителями «кода»? где следует искать причины возникновения той или иной «матрицы» – в истории, антропологии, религии и т. д.? из чего следует именно такая география «Х-матрицы», к которой отнесены страны с доминированием совершенно разных культур, и входит ли в эту «компанию» Япония? Тем не менее предположим, что данная гипотеза верна. Но согласиться с отнесением России к такому типу институциональной матрицы трудно.

И тут дело не в эмоциональном неприятии[8]. Дело в том, что усомниться в верности вывода С.Г. Кирдиной для России заставляет одна ее исходная посылка. «Изучая развитие государств, мы обнаруживаем, – пишет она, – что доминирование Х или Y-матрицы носит „вечный“ характер и определяет социетальный тип общества. Именно доминирующая матрица отражает основной способ социальной интеграции, *стихийно найденный социумом* в условиях проживания на данных пространствах, в определенной окружающей среде».

Вот в этом «способе, стихийно найденном социумом», кажется, и кроется главное заблуждение. Тут важно даже не то, что неизвестно, *когда* этот «способ был найден». Важно, что стихийность социального поиска предполагает все-таки субъектность социума. *Была ли эта субъектность в России?* Более или менее точный ответ могла бы дать историческая социология, но у нас ее нет, а есть лишь робкие попытки социологических изысканий у историков и исторических – у социологов. Разумеется, нельзя утверждать, что в России начиная с момента образования нашей государственности, т. е. с IX века, властители полностью игнорировали мнение подданных. Как заметил Х. Ортега-и-Гассет, «правление – это нормальное осуществление своих полномочий. И опирается оно на общественное мнение – всегда и везде, у англи-

---

[6] *Кирдина С.* Указ. соч.

[7] В качестве примеров такого баланса С.Г. Кирдина приводит административную реформу и реформу РАО «ЕЭС», которые, по ее мнению, с одной стороны, предусматривают *модернизацию* соответственно общей системы управления и системы управления энергетическим комплексом, а с другой – вынуждены встраивать модернизационные элементы в «Х-матрицу», предусматривающую *иерархичность*. Другими словами, «институты Y-матрицы встраиваются в нашу систему как необходимые и способствующие ее динамичному развитию, но их действие все более опосредуется, определяется, ограничивается действием институтов базовой Х-матрицы российского государства».

[8] Как раз на эмоциональном уровне я готов согласиться с С.Г. Кирдиной, хотя соглашаться надо скорее с В.С. Черномырдиным, гениально сформулировавшим «теорию матриц» своим знаменитым «как всегда». Все мы являемся свидетелями того, как, казалось бы, проверенные мировой практикой принципы и институты («Y-матрицы») на российской почве если и не превращаются в свою противоположность, то уж точно не дают ожидавшегося от них эффекта.

чан и у ботокудов, сегодня, как и десять тысяч лет назад. Ни одна власть на Земле не держалась на чем-то существенно ином, чем общественное мнение. <…> Даже тот, кто намерен управлять с помощью янычар, вынужден считаться с их мнением и с мнением о них остального населения»[9].

Больше того, древняя русская история, если ее очистить от навязанной как советским, так и досоветским официозом мифологии «царей и героев», показывает, что на Руси были и развивались и горизонтальные связи, и живое предпринимательство, и терпимость, и демократические институты представительства, конечно соответствовавшие своему времени. Развивались – в целом до тех пор, пока не началась эпоха активной централизации (Иоанн III), вскоре совмещенная с эпохой расширения пространственных пределов страны (Иоанн IV, известный как Иван Грозный).

Но ведь и многие европейские страны переживали похожие процессы. Почему же там идеи ограничения власти в конечном счете пробили себе дорогу, а у нас такого рода интеллектуально-политические попытки повторялись с XVI века почти при каждом самодержце: правительство А.Ф. Адашева при Иване Грозном; российско-польский договор 1610 года; долгоруковская «оппозиция» Петру I; Кондиции Верховного тайного совета для Анны Иоанновны; Н.И. Панин, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев при Екатерине II да и сама молодая Екатерина с ее «Наказом»; тот же Н.И. Панин и масонство при Павле I; М.М. Сперанский, тайные кружки аристократов при Александре I; конституционные проекты декабристов; аристократы-реформаторы и сами реформы Александра II; Манифест 17 октября, Государственная дума, С.Ю. Витте и П.А. Столыпин при Николае II. Попытки повторялись, но не имели своего воплощения, а нередко даже становились поводом для переориентации политики на прямо противоположную. А сам факт массовой поддержки большевизма в начале XX века – он был еще одним проявлением «X-матрицы» или ее следствием? Если кто-то скажет, что здесь налицо просто набор роковых исторических *случайностей*, то я первый усомнюсь в этом, так как такое их количество и последовательность свидетельствуют как раз о некой закономерности.

Получается, автор сам себе противоречит: ведь если соглашаться с тем, что в России имеет место сопротивление институтам «Y-матрицы», то тогда, действительно, следует признать, что развитие страны обусловлено содержанием «X-матрицы». Однако противоречия тут нет! Пусть на исторических развилках Россия избирала путь, отдаляющий ее от общеевропейского пути, – это еще не означает цивилизационной предопределенности ее развития. *Стихийность предполагает хотя бы относительную свободу – личную и общественную. Но степень такой свободы как раз и была у нас минимальной, начав неуклонно уменьшаться по мере становления и укрепления единовластия.*

Г.А. Сатаров дал, на мой взгляд, точное онтологическое определение демократии, назвав ее институализацией случайности[10]. Однако в истории России случайность практически никогда не была институализирована. *Институализированной у нас всегда была воля правителя*. В данном случае неважно, как формировалась сама эта воля – под влиянием ли ближайшего окружения, психофизиологических особенностей правителя, еще каких-то субъективных факторов или всего этого, вместе взятого. Важно, что отнюдь не социум находил некую парадигму. Она ему навязывалась, и он вынужден был мириться с нею, тем самым постепенно ее легитимируя.

Сегодня мы оказались в исторической ловушке: общество, завоевавшее и заслужившее свободу и демократические институты, могло покончить с политическим персонализмом, означающим в пределе не что иное, как всевластие. Однако персонализм не предстал перед

---

[9] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2002. С. 119.

[10] *Сатаров Г.А.* Как возможны социальные изменения. Обсуждение одной гипотезы. (Эта статья не опубликована, и ссылка на нее дается по рукописи с согласия ее автора.)

обществом как зло. Наоборот, он пробил себе дорогу, облекшись в «демократическое платье», и потому сумел вновь себя легитимировать. И «виновата» в этом, повторю, отнюдь не «матрица» – «виновато» отсутствие в обществе причинной связи между качеством жизни и устройством властного организма. А связь эта отсутствует потому, что и досоветская, и советская, и постсоветская элита прикладывала и продолжает прикладывать все возможные усилия к тому, чтобы убедить народ – альтернативой единовластию, т. е. бесконтрольному единоличному правлению, является лишь смута.

И это элите до сих пор удается. Обратите внимание: каждый претендент на президентский пост, в том числе и из либерального лагеря, обращается к обществу не с обязательством пересмотреть традиционный принцип властвования, который за много веков и несмотря на разные формы правления, разное общественно-политическое устройство ничуть не изменился, а с обещанием проводить другую, нежели предшественник, политику или, наоборот, быть верным продолжателем его политики.

Итак, мой вывод: *не патриархальные взгляды общества востребуют персоналистский режим, а персонализм консервирует патриархальные отношения в обществе и патриархальный взгляд общества на устройство власти*.

Как же выскочить из этой ловушки? Полагаю, что с помощью часто используемого метода – аннигиляции. То есть *персонализм может быть преодолен с помощью персонализма*. Другими словами, в наших нынешних условиях, только обладая президентским постом и при этом высокой популярностью, лидер может инициировать изменение самих институциональных условий, продуцирующих персоналистский режим, т. е. перейти к модели организации публичной власти, которая бы, конечно, учитывала силу исторической инерции, но не в смысле потакания феодальным стереотипам, а в смысле нейтрализации их.

В таком случае логично поставить вопрос: *что сегодня институционально мешает созданию механизма политического маятника с относительно небольшой амплитудой?* Ведь модель власти, и шире – модель политической системы, закрепленная Конституцией Российской Федерации, не является какой-то уникальной. Российская модель принадлежит к типу смешанной, или полупрезидентской, или парламентско-президентской республики. Таких государств, например, в Европе не так уж и мало – более 10, в том числе Франция, Португалия, Хорватия, Польша, Словения, Украина.

И хотя в каждой из этих стран есть своя модификация – некоторый крен либо к президентской модели, либо к парламентской, тем не менее, при всех особенностях, сохраняются главные институциональные признаки:

• наличие президента, избранного народом, т. е. имеющего собственный политический мандат;

• самостоятельная исполнительная власть, возглавляемая правительством, несущим ответственность как перед президентом, так и перед парламентом, включая рассмотрение последним вопроса о доверии;

• участие президента в формировании правительства;

• некоторая конкуренция полномочий между президентом и правительством;

• как правило, возможность роспуска парламента президентом для выхода из тупиков.

Все это в целом свойственно России. Свойственно, кстати, закономерно, ибо, как отмечается в научной литературе, «двуглавая» модель – президент и правительство – обычно рождается в ходе революционных событий или кризисов, когда на политической арене появляется харизматическая фигура лидера[11]. Но европейская практика показывает, что такая модель работает и в более спокойные периоды. Она, конечно, более сложная, чем иные модели,

[11] См., например: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: в 4 т. / 3-е изд. Т. 1–2: Часть общая / Отв. ред. проф. Б.А. Страшун. М., 1999. С. 351.

поскольку предполагает участие большего числа политических «игроков». Но в этом и ее преимущество, одно из которых – более широкие возможности для преодоления кризисных ситуаций. Другое дело, что, в силу сложности, модель эта требует, во-первых, четкого понимания и нормативного отражения того, чем является институт президента, и, во-вторых, ювелирно отточенного баланса полномочий. В том, как эти два обстоятельства отражены в нашей Конституции, и кроются главные проблемы.

Президент как гарант

Президент России, как того требует логика смешанной модели, является институтом, предназначенным, во-первых, для традиционного олицетворения завершенности государственной конструкции; во-вторых, для принятия оперативных мер по защите конституционного строя, государственного суверенитета, целостности страны; в-третьих, что особенно важно, для независимого политического арбитража. Именно в последнем состоит большое преимущество модели смешанного типа. В конце концов, никто не гарантирован от парламентско-правительственных кризисов[12]. В государствах с развитыми традициями компромиссов, со стабильной политической системой, с устоявшимися и доминирующими в обществе демократическими ценностями такие кризисы и тупики не представляют собой особой опасности, во всяком случае пока. А вот в государствах, где таких традиций и такой системы еще нет, подобные кризисы могут привести к весьма опасным последствиям. Поэтому охранительная и миротворческая, стабилизационная роль президента тут неоценима.

Вопрос в другом: как такая роль трактуется и не есть ли это скрытое придание главе государства доминирующего положения над всеми ветвями власти? Такое опасение некоторым образом подтверждает и сама Конституция РФ, которая в ст. 10 провозглашает: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную». А поскольку Президент РФ не является составной частью ни одной из этих ветвей власти[13], постольку он официально не входит в систему разделения властей и как бы стоит над всеми ветвями власти. В то же время, несмотря на то что Президент России не входит в классическую «триаду ветвей власти», он назван первым среди институтов, которые осуществляют, согласно ст. 11 Конституции РФ, государственную власть в стране.

Не есть ли это признание некой надинституциональности российского президента как главы государства, теоретическое основание его права на контроль за деятельностью всех других институтов? Нет. Несмотря на не вполне удачно встроенную в текст Конституции теоретическую конструкцию, ст. 11 еще не предопределяет президентского единовластия.

Во-первых, потому, что само провозглашение принципа разделения властей и самостоятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти свидетельствует о том, что никто, в том числе и Президент РФ, не вправе принимать к своему ведению вопросы, отнесенные к компетенции соответствующих органов власти.

Во-вторых, надинституциональности президента не может быть в силу того, что Конституция вручает ему его собственные властные прерогативы – функции и полномочия, перечисляемые прежде всего в главе 4.

Наконец, в-третьих, фактическое нахождение президента в системе разделения властей подтверждается его обязанностью издавать указы и распоряжения в соответствии с Конститу-

---

[12] Такой кризис образовался, например, осенью 2005 года в Германии. То, что ФРГ – государство с парламентской формой правления, сути дела не меняет.

[13] В российской науке, кстати, до сих пор идут споры о том, представляет ли институт президентства самостоятельную, но не формализованную ветвь власти. Автор придерживается позиции, что институт президента может быть охарактеризован как ветвь власти.

цией РФ и федеральными законами, а также правом иных субъектов власти обжаловать в суде акты главы государства.

И тем не менее институт президента в смешанной модели действительно особый. Имея свою компетенцию, как и любой другой властный институт, президент – это все-таки *глава государства*. Глубинный смысл феномена главы государства, думается, слабо изучен в современной теоретической юриспруденции. Как правило, авторы останавливаются просто на его констатации, видимо, полагая, что само данное понятие все объясняет. Не все. Но, поскольку анализ данной проблемы не составляет предмета настоящей работы, ограничусь лишь утверждением, что статус главы государства как раз предполагает выполнение *фундаментальной роли хранителя государственности и стабилизатора политической системы*. Все дело, однако, в том, какими президент для этого наделяется полномочиями.

Рискну в исследовательских целях разбить эту фундаментальную роль на два, так сказать, ролевых модуса. Модус *хранителя государственности* прямо отражается в ст. 80 Конституции, согласно которой глава государства:

• является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина (ч. 2);

• принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности (ч. 2);

• представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях (ч. 4).

Этим функциям корреспондируют конституционные полномочия, в соответствии с которыми Президент РФ:

• вправе приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Федерации в случае противоречия этих актов Конституции РФ и федеральным законам, международным обязательствам России или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом (ч. 2 ст. 85);

• вправе отменять постановления и распоряжения Правительства РФ в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам и указам Президента РФ (ч. 3 ст. 115);

• является Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации (ч. 1 ст. 87);

• в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной думе (ч. 2 ст. 87);

• назначает и освобождает высшее командование Вооруженных Сил Российской Федерации (п. «л» ст. 83);

• при обстоятельствах и в порядке, предусмотренных федеральным конституционным законом, вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях чрезвычайное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной думе (ст. 88);

• формирует и возглавляет Совет безопасности Российской Федерации (п. «ж» ст. 83);

• осуществляет руководство внешней политикой Российской Федерации (п. «а» ст. 86);

• ведет переговоры и подписывает международные договоры Российской Федерации (п. «б» ст. 86);

• подписывает ратификационные грамоты (п. «в» ст. 86);

• принимает верительные и отзывные грамоты аккредитуемых при нем дипломатических представителей (п. «г» ст. 86);

• назначает и отзывает после консультаций с соответствующими комитетами или комиссиями палат Федерального собрания дипломатических представителей Российской Федерации в иностранных государствах и международных организациях (п. «м» ст. 83);

• вносит представление в Совет Федерации о назначении судей Конституционного суда Российской Федерации, Верховного суда Российской Федерации, Высшего арбитражного суда Российской Федерации (п. «е» ст. 83);

• назначает судей других федеральных судов (п. «е» ст. 83);

• вносит представление в Совет Федерации о назначении на должность и освобождении от должности Генерального прокурора РФ (п. «е» ст. 83);

• наряду с другими субъектами вправе вносить предложения о поправках и пересмотре положений Конституции РФ (ст. 134);

• решает вопросы гражданства Российской Федерации и предоставления политического убежища (п. «а» ст. 89);

• награждает государственными наградами Российской Федерации, присваивает почетные звания Российской Федерации, высшие воинские и высшие специальные звания (п. «б» ст. 89);

• осуществляет помилование (п. «в» ст. 89).

Разумеется, все перечисленное отнюдь не способно превратить институт Президента РФ, как бы ни хотел того человек, занимающий эту должность, в институт единовластного правителя. Больше того, некоторые из названных полномочий оба российских президента либо до сих пор не использовали, либо использовали крайне редко. Понятно, что военное положение не вводилось, поскольку не было агрессии или угрозы агрессии. А вот почему президенты, как первый, так и второй, не склонны использовать (известны лишь единичные случаи) право приостановления актов органов исполнительной власти субъектов Федерации в случае их противоречия Конституции РФ и федеральным законам, международным обязательствам России или нарушения ими прав и свобод человека и гражданина до решения вопроса соответствующим судом – остается непонятным.

Модус *стабилизатора политической системы, в том числе политического арбитра*, отражается главным образом в функции обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти (ч. 2 ст. 80). В свою очередь, эта функция выражается в полномочиях, согласно которым Президент РФ:

• может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации до разрешения вопроса судом (ч. 1 ст. 85);

• может созвать заседание Государственной думы ранее чем на тридцатый день после ее избрания (ч. 2 ст. 99);

• наряду с другими субъектами обладает правом законодательной инициативы (ч. 1 ст. 104);

• подписывает и обнародует либо отклоняет федеральные законы (п. «д» ст. 84, 107);

• в случае роспуска Государственной думы назначает дату выборов с тем, чтобы вновь избранная Государственная дума собралась не позднее чем через четыре месяца с момента роспуска (ч. 2 ст. 109);

• наряду с другими субъектами данного права может вносить запросы в Конституционный суд РФ по делам о соответствии Конституции РФ:

а) федеральных законов, нормативных актов Совета Федерации, Государственной думы, Правительства РФ;

б) конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов РФ, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов РФ;

в) договоров между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, договоров между органами государственной власти субъектов РФ;

г) не вступивших в силу международных договоров РФ (ч. 2 ст. 125);

• наряду с другими субъектами данного права может вносить запросы в Конституционный суд РФ о толковании Конституции РФ (ч. 5 ст. 125).

Согласимся с тем, однако, что для выполнения миссии политического арбитража названных полномочий маловато. Не в смысле их количества, а в смысле, так сказать, силы политического влияния. Поэтому не только российская Конституция, но и конституции других государств со смешанной моделью наделяют глав государств полномочиями с более ощутимой эффективностью благодаря в первую очередь тому, что это в основном *полномочия кадрового характера*, хотя и не только. К таким полномочиям президента по российской Конституции относятся:

• назначение Председателя Правительства РФ с согласия Государственной думы (п. «а» ст. 83);

• право председательствовать на заседаниях Правительства РФ (п. «б» ст. 83);

• представление Государственной думе кандидатуры для назначения на должность Председателя Центрального банка РФ; постановка перед Государственной думой вопроса об освобождении его от должности (п. «г» ст. 83);

• назначение на должность и освобождение от должности по предложению Председателя Правительства РФ заместителей Председателя Правительства и федеральных министров (п. «д» ст. 83);

• принятие или отклонение отставки Правительства РФ (ч. 1 ст. 117);

• право давать поручение Правительству РФ в случае отставки или сложения полномочий действовать до сформирования нового Правительства (ч. 5 ст. 117).

Эти полномочия, при всем их весе, также не предопределяют моноцентризма власти. Практически во всех европейских конституциях президенты обладают примерно такими же полномочиями, но ведь там они не ведут к персонализму. И дело тут не только в демократических традициях, политической культуре и проч. Дело в том, что эти полномочия, хотя и применяются в политической сфере, остаются стабилизационными, т. е. не превращают главу государства, так сказать, в «правящую партию», поскольку их применение оговаривается вполне определенными условиями, выступающими как сдержки и противовесы.

* * *

Итак, даже сложенные вместе, приведенные здесь полномочия никоим образом не способны быть основой для превращения Президента РФ в институт, нейтрализующий принцип разделения властей[14]. *Что же тогда институционально предопределяет персоналистский режим в России?* Не то ли обстоятельство, что в нашей Конституции существует большая недоговоренность в отношении оснований, на которых должны осуществляться президентские полномочия; что многие полномочия сформулированы не вполне конкретно; что в реальности президент использует иные властные рычаги за ширмой неопределенно сформулированных полномочий?

Что ж, рассмотрим эту гипотезу. Для начала имеет смысл классифицировать правовые возможности Президента России. Назову их полномочиями, хотя, строго говоря, не все они подпадают под эту категорию. Если использовать главным образом такой критерий, как форма

[14] Разумеется, здесь не рассматривается вариант, при котором глава государства, воспользовавшись своим статусом Верховного главнокомандующего, вводит в стране чрезвычайное или военное положение для установления собственной диктатуры. Это уже не относится к области конституционного права и права вообще.

юридического закрепления правовых возможностей (полномочий), то представляется, что их можно разбить:

- на конституционные;
- «скрытые»;
- законодательные;
- «имплицитные».

Конституционные полномочия. Уже по наименованию видно, что речь идет о полномочиях, закрепленных в Конституции РФ, хотя и с разной степенью конкретности. Здесь нет особых теоретических проблем. Однако при реализации этих полномочий огромную роль играет то обстоятельство, что их реализует именно глава государства, за которым закреплены такие широкие функции, как гарантирование Конституции, прав и свобод человека и гражданина, охрана государственной целостности, независимости страны, обеспечение согласованного функционирования органов власти. И данное обстоятельство обусловливает зыбкость реальных границ полномочий, побуждает главу государства вторгаться в спорные области компетенции либо легализовать дополнительные полномочия под предлогом того, что это является конкретизацией его конституционно закрепленных функций и полномочий. Вопрос в том, что и как противостоит и противостоит ли такому вторжению. Я попытаюсь в дальнейшем доказать, что, хотя формально и существуют возможности для противостояния, при системном взгляде можно увидеть их обреченность и, соответственно, бессмысленность, а то и опасность для «противостоящего» института.

«Скрытые» полномочия. Это полномочия, которые прямо не закреплены в Конституции, но предположительно вытекают из функций президента и ряда его конституционных полномочий. С проблемой правовой квалификации «скрытых», или «подразумеваемых», полномочий в России впервые столкнулся Конституционный суд РФ, рассматривая летом 1995 года дело о конституционности актов, на основе которых начались вооруженные действия федеральных властей в Чеченской Республике[15]. В тексте самого Постановления КС РФ от 31 июля 1995 года не применяется понятие «скрытые» полномочия, но говорится следующее: «…из Конституции Российской Федерации *не следует, что обеспечение государственной целостности и конституционного порядка в экстраординарных ситуациях может быть осуществлено исключительно путем введения чрезвычайного или военного положения.* Конституция Российской Федерации определяет вместе с тем, что Президент Российской Федерации действует в установленном Конституцией порядке. Для случаев, когда этот порядок не детализирован, а также *в отношении полномочий, не перечисленных в статьях 83–89 Конституции Российской Федерации, их общие рамки определяются принципом разделения властей* (статья 10 Конституции) и требованием статьи 90 (часть 3) Конституции, согласно которому *указы и распоряжения Президента Российской Федерации не должны противоречить Конституции и законам Российской Федерации».*

Таким образом, Суд не увидел противоречия Конституции в том, что Президент РФ не объявил в Чеченской Республике чрезвычайное положение, а обязал соответствующие органы и структуры осуществить меры по наведению конституционного порядка, т. е. применил полномочия, прямо не закрепленные в Конституции. При этом Суд ввел два условия, легитими-

[15] См.: Постановление Конституционного суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 2137 „О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики“, Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 2166 „О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне Осетино-Ингушского конфликта“, Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 1360 „Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа“, Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 года № 1833 „Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации“».

рующие применение «скрытых» полномочий: а) ограниченность рамками принципа разделения властей (фактически речь идет о том, что такие полномочия должны логически вытекать из функционального предназначения данного института и не затрагивать компетенцию других институтов); б) отсутствие противоречия Конституции РФ и федеральным законам.

Однако не все конституционные судьи поддержали такую концепцию. Вслед постановлению было высказано беспрецедентно много особых мнений – семь, и в большинстве из них речь шла о несогласии либо вообще с легитимацией «скрытых» полномочий, либо с их легитимацией ad hoc. Приведу три особых мнения.

Н.В. Витрук написал: «Институт „скрытых (подразумеваемых)“ полномочий органов государственной власти известен мировой конституционной практике, однако он используется *с достаточной степенью осторожности* и лишь в целях обеспечения эффективного действия принципа разделения властей, системы сдержек и противовесов с тем, чтобы не допустить произвольного усиления одной ветви власти за счет другой. Признание существования „скрытых (подразумеваемых)“ полномочий Президента Российской Федерации в условиях действия только что принятой федеральной Конституции и писаных законов, конкретизирующих нормы Конституции, означает *неправомерное расширение полномочий Президента как главы государства за счет полномочий федерального парламента и федерального правительства»*.

Еще более резко высказался В.Д. Зорькин: «Суд не исследовал *формат чеченских событий и не соотнес качество случившегося с уровнем принятых мер*[16]. Апелляция к скрытым полномочиям всегда опасна. Ни разгул банд, ни интервенция такой апелляции не оправдывает, а то, что ее оправдывает (т. е. сложно построенный мятеж), нам не доказано и Судом не выявлено. И если мы это примем сегодня, *то завтра для использования так называемых скрытых полномочий окажется достаточно ничтожных поводов, может быть разбитых витрин универмага*. А это путь не к господству права и закона, а к произволу и тирании. Этого допустить нельзя».

Б.С. Эбзеев вообще отрицает возможность таких полномочий, говоря: «Действующая Конституция Российской Федерации *не предусматривает появления в периоды кризисов исключительных, или скрытых, полномочий главы Российского государства на основе надпозитивного права государственной необходимости*. Согласно части 2 статьи 80 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности не по личному усмотрению, а в установленном Конституцией Российской Федерации порядке».

Интересно, что дискуссия о «скрытых» полномочиях не завершилась данным делом. В 1996 году Конституционный суд РФ рассматривал другой Указ Президента РФ Б.Н. Ельцина (тут существенно, что именно Ельцина), согласно которому устанавливалась возможность *временного* назначения Президентом РФ глав администраций (губернаторов)[17]. Кстати, тогда Суд признал конституционным право президента назначать их лишь до принятия соответствующего законодательства и проведения выборов в регионах, подчеркнув *принципиальную необходимость избрания губернаторов.* Однако судья В.О. Лучин вновь выразил особое, причем эмоционально окрашенное, мнение: «Президент присвоил себе не только право назначать глав администраций субъектов Федерации, но также право разрешать или запрещать проведение выборов глав администраций. Таким образом, Президент сам устанавливает свои полномочия

[16] Возможно, не было бы и самого запроса в КС РФ по «чеченскому делу» или его рассмотрение не вызвало бы таких противоречивых позиций, если бы удалось восстановить конституционный порядок в Чеченской Республике действительно «двумя батальонами», как обещал тогдашний министр обороны. – *М.К.*

[17] См.: Постановление Конституционного суда РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 года № 1969 „О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации“ и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом».

по принципу: „Своя рука – владыка“. *Эта „саморегуляция“, не ведающая каких-либо ограничений, опасна и несовместима с принципом разделения властей, иными ценностями правового государства*. Президент не может решать какие-либо вопросы, если это не вытекает из его полномочий, предусмотренных Конституцией. *Он не может опираться и на так называемые „скрытые (подразумеваемые)“ полномочия*. Использование их в отсутствие стабильного конституционного правопорядка и законности чревато негативными последствиями: ослаблением механизма сдержек и противовесов, усилением одной ветви власти за счет другой, возникновением конфронтации между ними».

Почему я сделал акцент на фамилии президента? Не потому, что хочу обвинить кого-то в обусловленности негативной позиции личной или/и идейной неприязнью к первому Президенту РФ, отягощаемой событиями 1993 года. Акцентирую только потому, что сама политическая ситуация середины 1990-х годов не могла не довлеть над судьями, высказавшими особые мнения. Отсюда расплывчатость, субъективизм некоторых их правовых аргументов. Таких как «отсутствие стабильного конституционного правопорядка», «формат чеченских событий», «достаточная степень осторожности» и проч. А ведь такая расплывчатость позволяет и прямо противоположно, т. е. положительно, оценивать действия любого другого президента по применению «скрытых» полномочий, в зависимости от общей социальной и политической ситуации.

Названное выше решение Конституционного суда 1995 года вполне обоснованно с правовой точки зрения. Ведь, возлагая на президента, как главу государства, такие фундаментальные задачи, как обеспечение стабильного функционирования всего государственного организма, всей системы управления страной, охрана демократической правовой федеративной государственности, Конституция не могла предусмотреть, какие именно меры глава государства должен применить в той или иной ситуации. Ни один правовой акт не способен описать все разнообразие публично-правовой жизни. Если бы восторжествовала догматическая концепция, предписывающая следовать принципу исчерпывающего конституционного перечня полномочий, появилась бы опасность, что могут пострадать более приоритетные ценности, коими являются «человек, его права и свободы», «независимость, целостность государства», «конституционный строй».

В конце концов, глава государства в смешанной форме правления является и должен являться отнюдь не только представительским институтом, а значит, должен обладать веером правовых возможностей для выполнения своей главной задачи – охраны государственности во всех ее ипостасях. Замечу, что возможность реализации такой сверхзадачи главы государства без регуляции методов ее решения закреплена, например, в Конституции Франции, являющей собой ныне классический образец смешанной модели. В ее ст. 16 сказано: «Когда институты Республики, независимость нации, целостность ее территории оказываются под серьезной и непосредственной угрозой, а нормальное функционирование конституционных публичных органов прекращено, Президент Республики *принимает меры, которые диктуются этими обстоятельствами*, после официальной консультации с Премьер-министром, председателями палат, а также Конституционным советом». Тут стоит обратить внимание на то, что Конституция обязывает президента Франции и в кризисных ситуациях советоваться с руководителями основных государственных органов, пусть и без указания процедуры.

Законодательные полномочия. Так я назвал полномочия, которые впрямую не указаны в Конституции РФ, но *дополнительно* предоставляются президенту в федеральных законах. Некоторые из такого рода полномочий начали появляться еще в эпоху первого Президента России. Для примера упомяну ФКЗ от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», в ст. 32 которого сказано, что «Президент Российской Федерации руководит непосредственно и через федеральных министров деятельностью» некоторых федеральных органов исполнительной власти. Имеются в виду МИД, Минобороны, МВД, Минюст, ФСБ и

т. п. Но «расцвела» практика наделения такими полномочиями в эпоху второго президента[18]. Видимо, конституционные судьи в середине девяностых не могли представить себе, что настанет время, когда для президента не составит никакого труда проводить даже сомнительные с конституционно-правовой точки зрения инициативы через Федеральное собрание, легитимируя свои дополнительные полномочия посредством законов. А с формально-юридической точки зрения это должно считаться уже не «скрытыми» полномочиями, а осуществлением функций Президента РФ «в установленном порядке». Ведь «скрытые» полномочия, как можно понять из решений КС РФ и особых мнений судей, представляют собой полномочия, которыми глава государства *наделяет себя своими же актами и/или реализует de facto, явочным порядком*, и к тому же они не являются дополнительными.

Таким образом, дискуссия о «скрытых» полномочиях ныне явно потеряла свою остроту и вообще актуальность… Надеюсь, не навсегда, ибо сама такая дискуссия является индикатором наличия хоть какой-то политико-правовой жизни.

Конечно, образ демократии ни политически, ни эстетически не вяжется с нынешней скоростью и стопроцентной вероятностью «проходимости» в парламенте президентских законодательных инициатив, кстати, касающихся не только его собственных полномочий. Однако не следует на основе этого выстраивать систему доказательств вредности и опасности самих законодательных полномочий. Здесь применима та же аргументация, что приводилась по отношению к «скрытым» полномочиям: дело не в самих законодательных полномочиях, а в политических условиях, в которых они появляются и реализуются.

В конкурентной политической среде, в условиях сбалансированной системы сдержек и противовесов далеко не любая законодательная инициатива главы государства «обречена на успех».

Тут действует все тот же политический маятник: при одной расстановке политических сил маятник качнется, скажем, в сторону большей централизации полномочий, при другой – в сторону децентрализации. Однако при нормальной системе демократии эти отклонения обычно не пугают ни общество, ни элиту, поскольку сама конструкция, гарантирующая от монополизации власти, остается в неприкосновенности.

«Имплицитные» полномочия. Автор долго перебирал варианты условного наименования полномочий, которые никак не регулируются ни в Конституции РФ, ни в законах, ни в указах и распоряжениях самого главы государства, но проявляются в повседневных его решениях и действиях. Можно было бы назвать эти полномочия «скрытыми», если бы термин не был уже занят, поскольку именно он более всего подходит к полномочиям, о которых я хочу сказать, ведь они действительно скрыты от общества, а часто скрыты и их ближайшие последствия. Пришлось остановиться на термине «имплицитность», т. е. неявность, подразумеваемость. Действительно, это самая закрытая, но едва ли не важнейшая часть президентской компетенции – именно по ней совокупный государственный аппарат и аналитическое сообщество могут судить о реальной направленности президентской деятельности, степени его аппаратной силы, пределах «свободы действий» для самой бюрократии и т. п.

Вообще, юридическая природа «имплицитных» полномочий довольно туманна. Может быть, их вообще неверно называть полномочиями, поскольку ни они сами, ни порядок их реализации никак не описаны в правовых актах. Но такой подход будет неправильным, так как речь идет об осуществлении президентской власти, причем о презюмируемом осуществлении в рамках Конституции и законодательства. При этом управленческие решения и действия президента непосредственно или опосредованно порождают правовые последствия. Полагаю, мы

[18] Наиболее известные среди них полномочия: увольнять от должности глав субъектов РФ, в том числе за утерю доверия; представлять кандидатуры для назначения на должности председателя и заместителя председателя Счетной палаты РФ; наконец, представлять кандидатуры для наделения их полномочиями глав исполнительной власти субъектов РФ (глав субъектов РФ).

имеем дело с разновидностью «скрытых» полномочий. Просто, в отличие от них, «имплицитные» реализуются не в режиме публичности, т. е. не в указах и распоряжениях, а в режиме, так сказать, аппаратном – в *поручениях* – как письменных, так и устных, *резолюциях* на документах[19], которые, впрочем, можно отнести к разновидности поручений, и *устных указаниях*, даваемых как на встречах с теми или иными должностными лицами, так и в телефонных разговорах.

Утверждение, что такие полномочия осуществляются в рамках Конституции и законодательства, повторю, является теоретической презумпцией, т. е. на деле так может и не происходить. Но в демократическом правовом государстве существуют механизмы, способные нейтрализовать правовые ошибки любого властного института, в том числе проистекающие из неверного толкования, понимания пределов собственной компетенции. Если у нас этого не происходит, то это еще не повод считать сами «имплицитные» полномочия нелегальными.

Специфика «имплицитных» полномочий в то же время такова, что не всегда и далеко не сразу можно оценить законность их использования. Например, если Президент РФ дает какое-то устное поручение Генеральному прокурору РФ, то это вряд ли можно считать законным, учитывая теоретическую независимость прокуратуры, хотя такая независимость – вещь довольно странная, но по нашей Конституции она существует. Однако глава государства может ведь просто «предложить внимательнее разобраться с конкретным делом» и тогда формально оно вряд ли может быть сочтено незаконным, поскольку у Президента РФ есть конституционный аргумент: он является гарантом прав и свобод граждан.

Итак, правовые возможности президента, конечно же, не безграничны, но в то же время они шире, чем если судить о них только по нормам Конституции РФ. И это опять-таки не наша специфика. Повторю: невозможно «загнать» главу государства в прокрустово ложе зафиксированных конституционных норм. Точнее, границы этих норм невозможно очертить с той же степенью определенности, какая свойственна математике (границы фигур) или физике (границы тел). Но *не обессмысливается ли при таком релятивистском выводе идея разделения властей, идея самостоятельности тех или иных публично-властных институтов, идея компетенции в целом?*

Нет! В политической и шире – социальной – модели действует иной принцип определения границ полномочий, правовых возможностей, свободы управленческих действий. Его можно сформулировать следующим образом: *границы возможностей субъекта права заканчиваются там, где начинается несогласие с такими возможностями со стороны иных субъектов права, при споре подтвержденное решением суда*.

Именно по тому, как действует данный принцип, прежде всего в отношении главы государства, и действует ли он вообще, можно судить о степени реальности конституционной характеристики России как правового государства. Поэтому наша политическая проблема, еще раз повторю, не в наличии иных полномочий Президента РФ, формально находящихся за рамками конституционных полномочий, а фактически – вытекающих из них. *Проблема в том, что о своем несогласии властные институты не заявляют, а если заявляют, то их несогласие, как и институтов гражданских, остается втуне*.

У автора есть гипотеза о причинах такого явления.

Институциональную причину персонализма, монополизации реальной власти в руках одного института и объективно вытекающей из этого ограниченности представительства сле-

[19] Резолюция может иметь как вид прямого указания совершить конкретное действие (например, «прошу рассмотреть») или словесного выражения позиции (например, «одобряю»), так и вид символический (например, крестик, галочка или восклицательный знак рядом с чьей-то просьбой, предложением, фамилией и т. п.). Разумеется, ближайшему президентскому окружению такие символы должны быть понятны, дабы они могли перевести их на язык конкретных поручений или сами предпринять некие действия.

дует искать в том, что *Президент РФ конституционно наделяется второй фундаментальной ролью – активного политического актора («игрока»), и при этом актора доминирующего.*

Президент как политический актор

Институт российского президента так конституционно обустроен, что он *объективно понуждается вести политическую борьбу* на стороне одной из политических сил, не важно, оформленной или не оформленной как партия, т. е. из субъекта *policy*Президент РФ превращается в субъекта *politics*. Таким образом, «арбитр» становится одновременно «игроком».

Чтобы показать особенности нашего устройства, целесообразно в табличном виде сравнить «политические» полномочия президентов разных государств со смешанной моделью[20]. Замечу, что в таблицу попали также полномочия, о которых говорилось выше, прежде всего кадровые, и которые предопределяют перекос в системе сдержек и противовесов лишь в совокупности с другими, в зависимости от того, какими условиями оговорена реализация таких полномочий.

Взаимоотношения президента с парламентом и правительством по вопросам формирования и роспуска (отставки) последних

[20] Автор использовал, в несколько измененном виде, таблицу, которая была опубликована в работе: *Краснов М.А.* Россия как полупрезидентская республика: проблемы баланса полномочий (опыт сравнительно-правового анализа) // Государство и право. 2003. № 10.

Страна и год принятия Конституции	Формирование кабинета министров	Основания для отставки премьер-министра (правительства), помимо добровольной отставки	Основания для роспуска парламента (нижней палаты)
1	2	3	4
БОЛГАРИЯ (1991)	После консультаций с парламентскими группами президент поручает кандидату в министры-председатели, рекомендованному наибольшей по численности парламентской группой, составить правительство. После этого (если кабинет составлен) предлагает Народному собранию избрать кандидата министром-председателем. Народное собрание производит изменения в правительстве по предложению министра-председателя	1. При вотуме недоверия. 2. Если вотум о доверии не набирает необходимого большинства. 3. В случае смерти главы кабинета. 4. При избрании нового состава Народного собрания	Роспуск не предусмотрен
МАКЕДОНИЯ (1991)	Президент назначает мандатария для определения состава правительства, т.е. вручает мандат на формирование кабинета кандидату партии или партий, набравших большинство в Собрании. По предложению мандатария Собрание избирает правительство	1. При вотуме недоверия. 2. В случае смерти главы кабинета или его стойкой неспособности выполнять полномочия. 3. При избрании нового состава Собрания	Распускается по собственному решению Собрания

ПОРТУГАЛИЯ (1976)	Президент назначает премьер-министра после консультаций с партиями, представленными в Ассамблее Республики, и с учетом результатов выборов. Президент назначает членов правительства по предложению премьер-министра, освобождает министров от должности	1. При «начале новой легислатуры», т.е. при избрании нового состава Ассамблеи Республики. 2. При смерти или длительной неспособности премьер-министра исполнять свои полномочия. 3. При отклонении парламентом программы правительства. 4. При отсутствии вотума доверия. 6. При одобрении резолюции порицания абсолютным большинством депутатов	Для роспуска Ассамблеи Республики президент должен заслушать «мнение представленных в ней партий» и Государственного совета (политического совещательного органа при президенте)
РОССИЯ (1993)	Президент представляет Государственной думе кандидатуру председателя правительства и при согласии назначает его. По предложению премьера назначает и освобождает от должности министров и вице-премьеров	1. При избрании нового президента. 2. По решению президента без всяких условий. 3. При повторном вынесении вотума недоверия (президент выбирает между отставкой правительства и роспуском Думы). 4. При отказе в доверии по инициативе премьера (президент выбирает между отставкой правительства и роспуском Думы)	Распускается президентом: 1) после трехкратного отклонения Госдумой кандидатуры председателя правительства; 2) после повторного вынесения вотума недоверия (президент выбирает между отставкой правительства и роспуском Думы); 3) после отказа в доверии по инициативе премьера (президент выбирает между отставкой правительства и роспуском Думы)
СЛОВЕНИЯ (1991)	Президент после консультаций с лидерами фракций в Государственном собрании предлагает нижней палате кандидатуру премьера. Если кандидатура не набирает нужного большинства, президент проводит повторные консультации и предлагает ту же или другую кандидатуру. Кандидатуры в этом случае могут предлагать также фракции и депутатские группы. Если и в этом случае премьер не избран, Госсобрание может принять решение о проведении в течение 48 часов повторных выборов,	1. При вынесении вотума недоверия, в том числе после обсуждения интерпелляции. 2. Если премьер был избран на повторных выборах в Госсобрании, но последнее избирает затем нового премьера. В этом случае считается, что прежний премьер получил вотум недоверия. 3. При отказе в доверии по инициативе премьера, если после этого Госсобрание в течение 30 дней изберет нового премьера.	Распускается президентом: 1) если ни одна кандидатура на должность премьера, в том числе на повторных выборах в Государственном собрании, не наберет нужного числа голосов; 2) если Госсобрание, отказав в доверии по инициативе премьера, в течение 30 дней не избрало нового премьера или не выразило доверия действующему премьеру

	причем при пониженном кворуме. Министры назначаются и смещаются Госсобранием по предложению главы кабинета	4. При избрании нового состава Государственного собрания	
ФРАНЦИЯ (1958)	Президент назначает премьер-министра без всякого официального согласования с кем бы то ни было. Президент назначает и увольняет министров по представлению премьер-министра	Правительство уходит в отставку (премьер-министр обязан вручить президенту заявление об отставке), если Национальное собрание (нижняя палата): 1) примет резолюцию порицания (вынесет вотум недоверия); 2) не одобрит программу или общеполитическую декларацию правительства	Распускается президентом после консультаций с премьер-министром и председателями палат
ХОРВАТИЯ (1990)	Президент назначает и освобождает от должности председателя правительства, по его представлению назначает и освобождает членов правительства. Спустя 15 дней с момента назначения премьер представляет правительство палате представителей (нижней) и ставит вопрос о доверии правительству. Назначение председателя и членов кабинета считается одобренным при получении вотума доверия	1. При выражении недоверия председателю правительства или правительству в целом (по выбору президента между отставкой кабинета и роспуском нижней палаты). 2. Премьер может подать президенту заявление об отставке, если выражено недоверие отдельному члену правительства	Распускается президентом, если палата представителей: 1) выразила недоверие правительству (президент выбирает между отставкой кабинета и роспуском нижней палаты); 2) не приняла госбюджет в течение месяца. В обоих случаях президент принимает решение по предложению правительства и при наличии контрасигнатуры его председателя, а также после консультаций с председателем палаты представителей

Что же следует из сопоставления данных, представленных в таблице, т. е. чем принципиально отличается российская версия модели смешанной, т. е. полупрезидентской, республики?

У нас нет конституционных рычагов, обеспечивающих зависимость формирования правительства (кабинета), а на самом деле – политического курса от результатов парламентских выборов. Если такой зависимости нет, то теряют смысл и сами эти выборы, и публичный смысл существования партий, у которых не создаются мотивы для развития. В итоге невозможна политическая конкуренция, представляющая собой движитель демократии .

Из таблицы видно, что полупрезидентские республики Европы озаботились либо вообще недопущением роли президента как активного политического актора, либо сведением этой роли к сбалансированному минимуму. В одних странах (например, Португалия, Македония) президенту прямо предписано формировать правительство на основе итогов парламентских выборов; в других предусмотрены более тонкие механизмы, как в Хорватии или Польше, где почти сразу должно быть проведено голосование о доверии кабинету; в третьих всего этого нет, как во Франции, где даже не требуется согласия нижней палаты для назначения премьера, зато рычаги для отставки правительства находятся в руках либо премьер-министра, либо нижней палаты. И это не говоря уже о других полномочиях премьера, например его праве активно участвовать в принятии законов, обязанности контрасигновать некоторые акты президента и т. д.

На это можно возразить следующее: поскольку нормально, что в разных странах существуют разновидности смешанной модели, недопустимо говорить о том, что Россия со своей модификацией стоит особняком. Просто *наша* Конституция построена с учетом *нашей* исторической и культурной специфики, и эта специфика выразилась в «утяжелении» политического веса президента.

Чтобы понять, идет ли речь о российской специфике демократии или все-таки об органическом пороке, нужно проанализировать не то, насколько собственные полномочия президента превращают его, по сути, в единственную политическую фигуру, а то, насколько другие властные институты могут правовым образом противостоять такому превращению, или, иными словами, почему они не выражают своего несогласия.

Выдвину гипотезу: институционально у других институтов нет достаточных сдержек и противовесов относительно президентских прерогатив. Поэтому им остается либо признать единовластие президента, либо, при его малой популярности, лишь демонстрировать свою оппозиционность. Они практически не влияют или влияют в минимальной степени на реальную политику, а в периоды охватываемого их отчаяния пытаются запустить конституционные механизмы, предназначенные совсем для иных целей. Такова была, например, попытка отрешения от должности президента Б.Н. Ельцина в 1998 году, когда политические претензии были натянуты на формулы уголовного обвинения.

Чтобы проверить эту гипотезу, зададимся вопросом: *способна ли политическая партия, получившая большинство мест в Государственной думе, сформировать свое партийное (коалиционное) правительство? А если нет, то что этому препятствует?*

Смоделируем политическую ситуацию. Представим себе, что на очередных парламентских выборах, т. е. выборах в Государственную думу, большинство получает партия Z. Чтобы модель получилась более рельефной и в то же время реалистичной, вообразим, что эта партия отстаивает изоляционистскую экономическую политику, милитаризацию экономики, деприватизацию (национализацию) крупных и средних предприятий и т. д. в том же духе. А для характеристики политического лица президента Q возьмем за основу хотя и противоречивую, но в целом рыночную экономическую политику нынешнего Президента РФ. Допустим также, что Президент РФ собирается реализовать идею правительства парламентского большинства (тем более что это соответствует мотивам установления полностью пропорциональной избирательной системы).

Итак, в полном соответствии с Конституцией РФ, президент Q представляет Думе кандидатуру председателя правительства, рекомендованную партией Z. Хотя у нас конституционно не предусмотрены политические консультации по этому поводу, ничто не мешает президенту их провести с руководством соответствующей фракции. Правда, в моделируемой ситуации президенту придется сначала отправить в отставку действующее правительство, которое и не думало реагировать на парламентские выборы, поскольку согласно ст. 116 Конституции Правительство РФ слагает свои полномочия вовсе не перед новой Думой, а перед вновь избранным президентом. Но, допустим, ради новой традиции президент идет на такую отставку и предлагает кандидатуру премьера из парламентского большинства.

Вопрос в том, сможет ли такой кабинет реализовывать социально-экономическую программу или хотя бы следовать лозунгам, выдвинутым партией Z, ставшей правящей, а следовательно, возьмет ли эта партия на себя реальную политическую ответственность за проведение соответствующего курса? Или партия удовольствуется моральным призом, усадив своих представителей в министерские кресла, но оставив их полностью послушными воле главы государства?

Будем исходить из варианта принципиальной позиции: представители партии Z в исполнительной власти решили проводить свою партийную программу. Опираясь на парламентское большинство, правительство инициирует антирыночные законы и самостоятельно принимает в

том же духе собственные постановления и распоряжения. Может ли, опираясь на Конституцию РФ, что-то противопоставить этому президент Q? Может! Причем без особых политических усилий, ибо для этого у него имеется огромный арсенал средств, которым, в свою очередь, ничто не противостоит.

Прежде всего, нужно напомнить, что в нашей Конституции есть весьма странное положение, согласно которому Президент РФ *определяет основные направления внутренней и внешней политики* (ч. 3 ст. 80 и п. «е» ст. 84). Такого полномочия не только нет в конституциях европейских стран, кроме некоторых на пространстве СНГ, но и не может быть. Ведь даже чисто логически это полномочие не укладывается в принцип разделения властей, ибо последний предполагает, что уж в чем, в чем, а в определении политики участвуют как минимум все легально представленные политические силы. Данное полномочие было попросту заимствовано из Конституции РСФСР – РФ. Таким полномочием обладал Съезд народных депутатов, что закономерно, ибо данное полномочие характерно именно для советского типа власти.

На это могут ответить, что Президент РФ не входит в систему разделения властей, что пусть он, как глава государства, определяет основные направления, а в их рамках ветви власти «конкурируют» между собой. Эти аргументы несостоятельны. Если речь идет об определении направлений политики во всех сферах, это уже есть партийность, пусть и не оформленная. Кроме того, что такое «определение основных направлений политики», коль скоро кандидат, ставший президентом, уже объявил о своих политических приоритетах? Ему остается лишь повторять их? А если президент меняет направления политики, значит, он попросту обманул избирателей. Конечно, в России не так все прямолинейно. У нас и кандидат в президенты может не объявлять о своих приоритетах, ограничившись лозунгами, и президент может поменять приоритеты, сознавая, что его «и так любит большинство». Все так. Но я как раз и веду речь о том, что такая аномалия страшна для государства, ибо создает под ним пороховую бочку с наклейкой «непредсказуемость».

Разумеется, к данному полномочию можно относиться как к пропагандистскому «украшению». Главным образом потому, что, если сравнивать послания Президента РФ Федеральному собранию, а именно в этой форме публично оглашаются основные направления, с бюджетными приоритетами, нетрудно заметить, насколько они расходятся. Не случайно еще в середине 1990-х годов появился такой не предусмотренный Конституцией жанр, как бюджетные послания президента, даже формально расходившиеся с основными посланиями. Да, само по себе полномочие определения политики осталось бы «украшением», если бы не подкреплялось целой системой президентских рычагов, делающих такое полномочие вполне весомым. Сначала перечислю, так сказать, «технические» рычаги.

Во-первых, Президент РФ вправе отменять постановления и распоряжения Правительства РФ (ч. 3 ст. 115), причем по мотивам их несоответствия не только Конституции РФ и федеральным законам, но и указам самого президента.

Во-вторых, президент в соответствии с ФКЗ о Правительстве РФ непосредственно руководит рядом министерств и других федеральных органов исполнительной власти.

В-третьих, Правительство РФ обязано издавать постановления и распоряжения на основании и во исполнение не только Конституции РФ и федеральных законов, но и нормативных указов Президента РФ (ч. 1 ст. 115).

В-четвертых, премьер определяет основные направления деятельности Правительства РФ опять-таки в соответствии не только с Конституцией, федеральными законами, но и с указами президента (ст. 113).

В-пятых, президент утверждает структуру федеральных органов исполнительной власти (ч. 1 ст. 112), а фактически и их систему[21], хотя формально он вправе это делать по представлению председателя правительства, как, впрочем, и назначать министров.

В-шестых, президент вправе председательствовать на заседаниях правительства.

Разумеется, не все перечисленные полномочия обусловливают дисбаланс властных прерогатив в нашей конструкции. Например, президент Франции по должности председательствует на заседаниях правительства. Однако есть и принципиально важные президентские рычаги в отношении исполнительной власти. Равно как и в отношении власти законодательной.

Итак, что должен делать Президент РФ, видя, что правительство проводит курс, расходящийся с определенными им направлениями политики? Конечно, есть различия и различия. Я взял для модели, возможно, крайнюю ситуацию, намекая на программные положения нынешних коммунистов. Но взял-то не из любви к экзотике, а в силу нашей с вами реальности. Ведь что мы видим в парламенте? Партию бюрократии, что, конечно, не означает отсутствия у ее отдельных членов некоторых убеждений, партию советской ностальгии и партию нездорового национализма. Как тут не вспомнить И.А. Ильина, еще в 1938 году предрекавшего: «Напрасно думать, что революция готовит в России буржуазную демократию. Буржуазная особь подорвана у нас революцией (большевистской. – *М.К.*); мы получим в наследство пролетаризованную особь, измученную, ожесточенную и деморализованную»[22].

Вспомнил я эти слова потому, что еще раз хочу подчеркнуть: отнюдь не в «матрице» наша драма, а в непосредственно предшествовавшей эпохе, влияние которой следует учитывать, в том числе и путем соответствующей институализации власти. О таком учете не думали, точнее, думали с противоположным знаком: сохранить некоторые советские конструкции, стереотипы и кадровый состав, но совместить их с технократически понимаемым либерализмом, забыв о «пролетаризированной особи». Потому и столкнулись с невозможностью идентифицировать существующий в России строй и с соответствующей этой невозможности причудливой картиной общественного сознания…

Вернемся к развилке, перед которой стоит президент Q, решивший перейти к кабинету парламентского большинства. Президент, конечно, может обратиться к народу и сказать: «Раз большинство избирателей проголосовали за партию Z, то и получайте политику этой партии. Я, как гарант Конституции, конечно, не позволю им вернуть советскую власть, но и не буду влиять на политику правительства, чтобы вы на следующих парламентских выборах сами решили, устраивает ли вас такая политика». Но ведь тогда, во-первых, президента Q можно будет упрекнуть в нарушении Конституции РФ, сказав, что он не исполняет некоторые из своих полномочий. Равным образом, конституционные претензии могут быть предъявлены и к правительству, в частности за то, что оно не следует определенным президентом направлениям политики. А во-вторых, народ, среди которого не только электорат партии Z, просто не поймет «исторического замысла» президента и справедливо упрекнет его в бесхарактерности, слабости, невыполнении своих обещаний. Такому президенту на следующих выборах, если речь идет о первом сроке, не светит переизбрание, а если речь идет о второй легислатуре, он не будет иметь ресурса для поддержки «продолжателя своего дела».

Поэтому ни один здравомыслящий президент в существующей конструкции власти не пойдет на согласие не только с правительством, проводящим политику, которая в корне отличается от президентских направлений, но и с любым правительством, чье мнение хотя бы на йоту формально расходится с мнением президента. Поэтому глава государства вправе будет сказать: «За *меня* проголосовало также большинство избирателей. *Я* определяю основные

[21] Именно таковы два указа Президента РФ (от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» и от 20 мая 2004 г. № 649 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти»), установившие трехвидовую систему органов.

[22] *Ильин И.А.* Основы государственного устройства. Проект Основного закона Российской Империи. М., 1996. С. 45–46.

направления внутренней и внешней политики. *Я* несу ответственность за… («за все», как говорит президент В.В. Путин). Поэтому я отправляю такое правительство в отставку».

В европейских государствах со смешанной моделью даже при институционально большом политическом весе президента последний не может отправить в отставку кабинет просто потому, что тот его не устраивает. В *табл. 2* можно видеть, какими условиями обставляется правительственная отставка. Условия разные, но это конкретные условия: главным образом несогласие большинства депутатов с правительственной программой, проектом бюджета или курсом в целом. У нас же *отставка правительства по воле президента возможна вообще без всяких мотивов* (п. «в» ст. 83 и ч. 2 ст. 117), не исключена даже отставка вполне лояльного президенту кабинета. Отставки практически всех кабинетов начиная с марта 1998 года, за исключением, пожалуй, лишь отставки правительства СВ. Кириенко после дефолта, обоими президентами так и производились – без всякого видимого повода. Особенно «забавно» смотрится такая отставка, когда президент, объявляя о ней, говорит, что в целом доволен работой правительства. И эта *свобода мотивов отставки правительства* – вторая существенная особенность статуса российского президента, работающая на формирование персоналистского режима.

Итак, правительство отправлено в отставку. И при этом никто официально возразить не может. Все – в полном соответствии с Конституцией. Однако ведь перед президентом Q остается, казалось бы, труднейшая задача – *как в условиях большинства в Думе его идейных противников провести через такую Думу (получить согласие на назначение) кандидатуру нового премьера.* У президента, конечно, есть вариант предложить партийному большинству выдвинуть для назначения президентом фигуру другого председателя правительства. Но такой вариант маловероятен, ибо политически бессмыслен: поскольку вопрос не в неспособности премьера организовать работу, а *в иной политике* кабинета, вновь будет предложена кандидатура, заведомо не подходящая президенту. Таким образом, он приходит к необходимости сформировать не просто идейно близкое, а полностью послушное ему правительство.

Спрашивается: почему же тогда сегодня президент не спешит составлять партийное правительство из собственных послушнейших партийцев-чиновников? Остается лишь догадываться: то ли стыдно так откровенно превращать «партию власти» в «правящую партию» (смеяться будут), то ли нужна свобода рук для политических назначений, то ли еще какой мотив. Но это и не важно. Серьезно анализировать нынешнюю ситуацию – значит соглашаться с тем, что демократия с ее сдержками-противовесами, процедурами, реальными политическими консультациями, уважением оппонентов, гарантиями прав меньшинства и проч. и проч. существует, но только с национальными особенностями.

Нет никаких особенностей! Ибо без политической конкуренции нет самой демократии.

Само же отсутствие политических конкурентов обусловлено отнюдь не нежеланием их иметь. Нежелание, конечно, есть, как есть оно у правящих во всем мире. Вот только при демократии это желание прячут куда-нибудь подальше, ибо осуществиться оно не может, а политической карьере навредит. Вопрос в другом: почему такое нежелание у российского правящего класса вполне продуктивно? Для ответа на этот вопрос вернусь к моделированию ситуации, при которой думское большинство завоевывает партия, идейно чуждая президенту Q.

Как поведет себя Дума (думское большинство), униженная отнятой у нее возможностью сформировать правительство парламентского большинства? Теоретически у Думы есть несколько конституционных «линий обороны», но для президента все они конституционно преодолимы.

Линия первая. Дума отказывает в назначении нового премьера, не представляющего уже парламентского большинства, но тем самым она подписывает себе «смертный приговор», поскольку третий отказ означает ее обязательный роспуск (ч. 4 ст. 111). Для системы сдержек и противовесов это нонсенс, ибо тем самым Конституция открыто и заведомо победителем «назначает» президента. Разумеется, принципиальные депутаты из партии большинства могут

пойти и на роспуск. Но, во-первых, наша политическая культура за советский период опустилась до такого уровня, что ожидать подобной принципиальности не приходится. Не случайно даже при оппозиционной в целом президенту Ельцину Думе ни одна кандидатура премьера не стала поводом для роспуска. Проходят все! Во-вторых, такое «самопожертвование» имеет смысл, когда досрочные выборы могут привести к иной политической ситуации. А у нас, если даже большинство еще больше укрепит свои позиции после новых выборов или объединится с другой партией в коалицию, для президента это не будет иметь большого значения, ибо ему ничто не помешает точно так же поступить и с новой Думой. Правда, такое развитие событий чревато обширным политическим кризисом, напоминающим кризис 1992–1993 годов, когда каждый из институтов власти сможет апеллировать к примерно равной доле общества. Но это лишь демонстрирует, что действующая конструкция опасна не только тем, что формирует персоналистский режим, но и тем, что конституционно не предусматривает модели выхода из кризиса[23].

Линия вторая. Дума, дав согласие на назначение председателя правительства, заведомо формируемого не на партийной основе, во всяком случае без учета итогов парламентских выборов, обладает конституционным правом выразить недоверие (отказать в доверии) правительству. Сдержка, противовес? Да, безусловно. Ведь таким способом нижняя палата может сказать президенту: «Такое правительство мы поддерживать не будем, никакие его законопроекты принимать не будем. Поэтому вам, г-н президент, лучше сформировать кабинет из победителей». Но почему же процедура вотума недоверия (отказа в доверии) ни разу даже не была доведена до конца?

Да все по тем же институциональным причинам. Ведь Президент РФ вовсе не обязан, в отличие от президентов других стран, отправлять в отставку кабинет, пусть даже не имеющий политической поддержки в нижней палате парламента или такую поддержку потерявший. Вместо этого глава государства после первого выражения недоверия в соответствии с ч. 3 ст. 117 сначала «включает процесс примирения», т. е. показывает, что не согласен с мнением Думы, и дает ей время «одуматься». А уж через три месяца (кстати, почему три? не слишком ли долгий срок для выхода из кризиса?) может отправить такое правительство в отставку… или распустить Думу. И все прекрасно понимают, что для президента естественнее второе, ибо правительство-то его, президентское.

Таким образом, и вотум недоверия есть не более чем «гильотина» для депутатов. Учитывая, что партия, даже получившая большинство мест в Думе, все равно не сможет, как мы выяснили, сформировать правительство, зачем, спрашивается, вновь собирать деньги на выборы, мучиться с регистрацией и агитацией, опасаться включения административного ресурса, тем более от разгневанного президента? Не спокойнее ли сохранить те депутатские должности в комитетах и в руководстве Думы, что уже есть? Никто не заинтересован в такого рода потрясениях, поэтому у нас угроза вотума и является, с одной стороны, пропагандистской акцией для избирателей, а с другой – предметом закулисного торга с президентом.

Линия третья. Дума решает посредством принятия соответствующих законов повлиять на президентский курс, а самостоятельного правительственного курса у нас, как уже сказано, быть просто не может. В эпоху Ельцина крупная коммунистическая фракция вместе с союзниками инициировала, а нередко и проталкивала законы, заведомо нереалистичные, но досаждавшие президенту и заодно представлявшие коммунистов «защитниками народа». Однако о реальном влиянии на политику при этом говорить не приходится. И все потому, что у президента есть свои контррычаги, которых как раз нет у Думы.

---

[23] На это указывал В.Л. Шейнис еще до голосования по Конституции РФ, предлагая «затруднить эту чрезвычайную президентскую акцию, введя, допустим, положение, по которому должны быть одновременно или через короткий срок назначены новые выборы президента, если роспуск Думы осуществляется вторично» (*Шейнис В.Л.* Новый Основной закон: за и против // Независимая газета. 1993. 9 дек.).

Первый контррычаг – *возможность влиять на Совет Федерации*. Эта палата Федерального собрания в соответствии с ч. 4 ст. 105 Конституции РФ имеет право отклонить принятый Думой закон. Конечно, члены Совета Федерации не обязаны следовать указаниям из президентской администрации. Но, как показывает практика, следуют. И не потому, что нынче вообще все властные институты стараются выказать свою лояльность президенту, а президентская администрация сама имеет много рычагов для контроля за «сенаторами». Теперь контроль становится системным, так как в Совете Федерации будут заседать представители, зависимые от президентских назначенцев-губернаторов. Положение принципиально не изменится, даже если «сенаторов» станет выбирать население. И при менее популярном первом президенте члены Совета Федерации прислушивались к мнению Кремля. Прежде всего потому, что для регионов важнее мнение тех институтов, которые не «правила сочиняют», а осуществляют повседневные управленческие функции, выдают трансферты, контролируют федеральные органы на местах и т. д. А кто это, как не правительство, за которым стоит президент? Кроме того, Совет Федерации, будучи объективно палатой «регионов», оценивает тот или иной закон с позиций не столько «политических», сколько социально-экономических, поскольку большинство законов приходится реализовывать именно властям регионов.

Второй президентский контррычаг – его *право отклонять законы* (ч. 3 ст. 107). Конечно, Дума может преодолеть «вето» президента, повторно приняв тот же закон большинством не менее чем в две трети голосов от общего состава. Но, во-первых, такое большинство бывает весьма трудно набрать. А во-вторых, для этого требуется еще и одобрение отклоненного президентом закона таким же большинством Совета Федерации. Ясно, что ситуации солидарности двух палат в противостоянии президенту могут быть лишь единичными, экстраординарными.

Наконец, у президента есть *рычаги, которые не описаны в Конституции РФ*, но действуют посильнее иных конституционных и уж во всяком случае серьезно подкрепляют конституционные полномочия главы государства.

Во-первых, президенту целиком подчиняется такая структура, как *Управление делами Президента РФ*. И хотя даже из названия этого органа исполнительной власти в статусе агентства следует, что УД должно технически обеспечивать деятельность Президента РФ, в реальности оно обязано[24] осуществлять материально-техническое обеспечение деятельности практически всех федеральных органов власти и социально-бытовое обслуживание «членов Правительства Российской Федерации, членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, судей Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации», а также сотрудников аппаратов этих органов. Не надо обладать особыми аналитическими способностями, чтобы понять, как разделение властей эффективно нейтрализуется благодаря обычным человеческим слабостям.

Во-вторых, в руках президента находится такой рычаг, как подчиненная ему *Федеральная служба охраны*. А в соответствии с Положением о ней[25], ФСО России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в сфере государственной охраны, президентской, правительственной и иных видов специальной связи и информации, предоставляемых федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов Российской Федерации и другим государственным органам. Таким образом, все эти символы аппаратного влияния целиком зависят от Президента РФ.

---

[24] См.: Положение об Управлении делами Президента Российской Федерации, утвержденное Указом Президента РФ от 7 августа 2000 г. № 1444 (в ред. указов Президента РФ от 12.01.2001 № 27, от 20.05.2004 № 650).

[25] Утверждено Указом Президента РФ от 7 августа 2004 г. № 1013 (в ред. указов Президента РФ от 28.12.2004 № 1627, от 22.03.2005 № 329).

В-третьих, в соответствии с законодательством о государственной службе президент является фактически *главой всего российского чиновничества*. Следовательно, от президентских структур во многом зависит присвоение классных чинов служащим, работающих в разных ветвях власти, зачисление в кадровый резерв и проч.

Итак, в условиях, когда на парламентских выборах «призом» для политической партии оказывается лишь возможность захватить побольше думских портфелей, но никак не портфелей правительственных, становление реальной, а не марионеточной многопартийности, возникновение ответственных парламентских партий, способных и к самоочищению, и к реальному управлению страной, невозможно. Соответственно, невозможна и политическая конкуренция, вместо которой мы имеем либо ее имитацию, либо конкуренцию личных амбиций. Характерно, что до отмены региональных выборов губернаторов на них между собой зачастую соперничали представители одной и той же партии «Единая Россия».

Соединение двух сверхзадач в институте президентства искажает и такое обычное для демократии понятие, как оппозиция. В нормальных условиях, при отсутствии персоналистского режима, оппозиция выполняет две основные роли. Первая заключается в том, что оппозиционная деятельность позволяет проводить более взвешенную политику, тем самым резко уменьшая амплитуду политического маятника, и, соответственно, обеспечивает предсказуемость и преемственность власти. Вторая роль заключается в том, что оппозиция в условиях реального парламентаризма является основным каналом, через который общество способно контролировать исполнительную власть и государственный аппарат в целом. В наших условиях «оппозиция» либо становится сервильной, лукаво провозглашая, что она критикует правительство, а не президента, хотя самостоятельного курса у правительства быть не может; либо радикально противопоставляет себя главе государства. Но ведь президент не только определяет и осуществляет политику в разных сферах жизни, но и гарантирует основы конституционного строя, конституционный порядок. Отсюда – возможность считать участников такой оппозиционной деятельности «врагами государства», «пятой колонной», «экстремистами» и т. п., что ныне и происходит.

Вне системы политической конкуренции государственный аппарат, т. е. служащие, подпадающие под действие законодательства о государственной службе, теряет одно из своих главных свойств, необходимых для устойчивости государства и обеспечения гарантий законности, – политическую нейтральность. Аппарат вынужден, ибо вся система отношений мотивирует его к этому, служить не обществу, не стране, а соответствующему патрону. Не случайно многие эксперты говорят, что у нас служба не государственная, а, как и прежде, государева. Любопытно, кстати, что большинство чиновников искренне не понимают разницу между этими понятиями. Бóльшую часть общества и это не пугает: здесь как раз находит выражение традиционалистская логика – раз есть «главный начальник», то пусть ему и служат. Но при этом люди не учитывают, что такая служба, такая лояльность – мнимая, ибо аппарат, контролируемый «внутри властной вертикали», в реальности не только остается вообще без контроля, но и фактически контролирует самого президента. Последний получает информацию, препарированную аппаратом; объявляет о политических и социально-экономических приоритетах, определяемых аппаратом; вынужден полагаться на оценку эффективности решений, даваемую аппаратом. Наконец, в такой среде (в том числе в институтах государственного принуждения) аппарат попросту разлагается, поскольку коррупционные сети становятся вертикальными, захватывая все этажи государственного управления.

Институциональный персонализм неизбежно подавляет и самостоятельность судебной власти. Последняя, испытывая финансово-материальную зависимость от властвующей политической бюрократии, находясь под опосредованным давлением через судебное руководство, связанное зримыми и незримыми нитями с политическим руководством, и обладая фиктивными гарантиями от необоснованных репрессий за непослушание отдельных судей, перестает

выполнять свою основную функцию – творение правосудия и превращается в «юридическое подспорье» политической власти.

Подводя итоги

Мои мировоззренческие единомышленники никак не могут согласиться с отстаиваемым мною выводом, что секрет консервации персоналистского режима кроется в конституционной конструкции, а не в особенностях личности лидера страны и не в особенностях нашего политического мышления. В каком-то смысле могу их понять. Нам, выросшим при отсутствии даже намека на конституционный строй[26]; видевшим, что какие-то, хоть микроскопические, изменения возможны только с приходом нового вождя, действительно непонятно, как может «какой-то» документ обусловить поведение политических деятелей, а тем более «самого главного деятеля». Понятно, что такой конституционный детерминизм отвергается.

Я бы и сам еще несколько лет назад отверг такие объяснения. Но, попытавшись разобраться с институциональными причинами и придя к выводу именно об их существенной, а лучше сказать – решающей роли, я могу понять, но никак не принять альтернативное объяснение того, что с нами происходит. Ибо эта альтернатива лежит в плоскости вечных и многим удобных аргументов, которыми в России всегда обставлялся страх перед ее системным преображением: «не доросли», «не созрели», «народ не поймет» и т. д. и т. п. Можно понять и этот страх: а вдруг преобразование породит хаос, а вдруг ничего не получится и при новой конструкции?

Отвечая на это, могу сказать, что, конечно же, «голый конституционный реинжиниринг» не даст ожидаемого демократического эффекта. Но речь шла только об одном аспекте преобразований – о необходимости ликвидировать условия, которые не дают вырвать Россию из горючей смеси патриархальности и постмодернизма. Только ликвидировав условия для персонализма, мы можем начать что-то выстраивать.

Ведь мы уже имеем доказательство того, что персоналистский режим в нынешних условиях объясняется отнюдь не личностными особенностями и мировоззрением лидера, а объективными условиями, в которые поставлена сама политическая система. Непредвзятый анализ показывает, что и во времена первого президента России правление, по сути, было таким же бюрократическим. Свидетельством нашей органической институциональной аномалии могут служить и крупнейшие государственные решения, принимавшиеся узкой группой политических чиновников, и внешне ничем не оправданные отставки почти всех кабинетов, и публичная непредсказуемость назначений на высшие должности в исполнительной власти, и, наконец, сам характер «передачи» президентской должности в 1999/00 году.

Конечно, та легислатура *стилистически* больше соответствовала представлениям о демократии. Но только стилистически, ибо, как и сегодня, критически настроенные в отношении президентского курса политические силы практически не допускались в «святая святых» – определение и проведение реальной политики. Как и сегодня, не было нормальной политической конкуренции. Как и сегодня, административная власть контролировала саму себя, «информационные войны» не демонстрировали влияние СМИ, а лишь оттеняли бюрократический характер контроля, ибо апелляции предназначались не для общества, а для кланов вокруг «первого лица». Как и сегодня, пусть и либерально настроенная, но все же бюрократия готовила для президента основные вопросы «повестки дня». Да, Государственная дума времен президента Б.Н. Ельцина не была откровенно сервильной, как нынче. Но опять-таки дело тут лишь в стилистике, а не в принципе. Тем более что и тогда предпринимались попытки превра-

[26] При этом многие на полном серьезе рассуждают о том, что, мол, сталинская или брежневская конституции были вполне демократическими, вот только не соблюдались.

тить Думу в послушный инструмент. А их неудача объясняется иссякшим к середине девяностых политическим ресурсом президента, но никак не торжеством принципов демократии.

Вот почему настоящая работа – еще одна попытка доказать, что *от личности главы государства и его популярности зависит лишь степень силы или слабости персоналистского режима, но не его суть*. В какие условия ставятся политики и чиновничество – такие общие результаты мы и получаем. Нынешние институциональные условия будут и впредь формировать только бюрократию.

Каков же выход? На первый взгляд он вроде бы лежит на поверхности: *президент должен сам быть представителем какой-либо партии, и тогда политическая ответственность будет реализовываться в ходе президентских выборов*. Допустим. Хотя не случайно ни первый, ни второй президенты не хотели себя связывать членством в какой-либо партии, позиционируясь как «президенты всех россиян», но влияя на партии из-за кулис. Что же все-таки произойдет в таком случае?

Усугубится противоречие между двумя названными сверхзадачами президента, ибо институт, призванный к политическому арбитражу, окажется еще и формально партийным, т. е. «судья официально будет играть на стороне одной команды». Это происходит и сейчас, но не так открыто для общества. Парламентские выборы станут еще более бессмысленными, ибо партийный мандат президенту при его полномочиях и отсутствии системы сдержек и противовесов окончательно избавит его от необходимости считаться с мандатами всех других партий. Короче, даже при партийном президенте принципиально ничего не изменится, а противоречия лишь усугубятся.

Тут оппоненты резонно могут сослаться на французскую политическую систему. Действительно, Президент Французской Республики традиционно представляет конкретную партию или блок партий и при этом является сильным «политическим игроком». Тем не менее во Франции деятельность главы государства все же сдерживается другими ветвями власти, что заставляет, в случае разнопартийных президента и премьера, искать компромисс либо выходить из кризиса путем досрочных парламентских выборов. Но и на это глава государства может пойти фактически лишь с согласия основных политических игроков: после консультаций со спикерами палат и премьер-министром, когда каждая из сторон считает, что исход выборов может оказаться положительным для нее.

Почему же такое невозможно в России? Потому что, когда популярный лидер Шарль де Голль в сложных политических условиях инициировал конституционную реформу, она привела в 1958 году к созданию Пятой (!) республики. То есть во Франции уже более ста лет действовала политическая конкуренция, породившая такие институты, как оппозиция, устойчивые электоральные ядра, влиятельная пресса, политическая ответственность, судебная независимость и т. п. Французы не испугались наступления авторитаризма, поскольку к тому времени политика во французском обществе не воспринималась как безраздельное господство одной партии и тем более одной фигуры. При таком состоянии политический маятник не возносит к власти клан и его патрона, а только меняет роли: ты властвуешь – я контролирую; я властвую – ты контролируешь. Именно поэтому взаимоотношения во французском властном треугольнике «президент – парламент – правительство» описаны не очень конкретно. Ведь Конституция тут уже не призвана выполнять роль «инструкции по осуществлению власти» и быть главной гарантией от политического монополизма, ибо такая гарантия заложена в самом обществе.

У нас пока совершенно иные условия. Подчеркну: не наша «матрица», а именно конкретные условия, вытекающие из недавней истории. Эти условия, безусловно, требуют сообразовываться с ними. Но не в смысле отсрочки демократического строительства под предлогом «неготовности общества» и тем более не отказа от него под предлогом «нашего особого пути». У каждого государства и без того всегда *свой* путь, но у нас «особый путь» превраща-

ется в «особые цели». Сообразовываться с условиями нужно в смысле создания очень конкретной и при этом ювелирно сбалансированной системы построения власти и отправления властных функций. Только когда и если это произойдет, в России появятся ответственные партии с ответственными лидерами во главе, устойчивые электоральные группы, политика из цезаристской превратится в компромиссную, а оппоненты в свою очередь не станут перебегать всякий раз в лагерь победителей, к «статусному корыту» или, наоборот, маргинализироваться, а будут сознавать свою ответственную миссию оппозиции.

* * *

Мы, сами того не замечая, по-прежнему, т. е. архаично, воспринимаем демократию как мажоритарность, преклоняемся перед понятием большинства. Порой это понимание довлеет над политиками и над многими избирателями даже в развитых демократиях. Между тем магистральный путь представляется иным. Рискну наименовать строй, который в гораздо больше степени уберегает от персонализма, *легократией*, т. е. властью закона, что, разумеется, не имеет ничего общего с «диктатурой закона».

И это не так банально, как может показаться. В 1910 году замечательный русский юрист А.С. Алексеев, возражая немецкому классику правовой мысли Г. Еллинеку, утверждавшему, что народ в республике является высшим суверенным органом, писал: «В правовом государстве *не существует ни суверенной власти, ни суверенного органа, а существует лишь суверенный закон*. Этот же закон не является предписанием того или иного учреждения – монарха или парламента, – а представляет собою результат сложного юридического процесса, в котором принимают участие несколько органов, и притом в степени и в формах, установленных конституцией. Постановление ни одного из этих органов само по себе не создает обязательных правовых норм, а производит юридический эффект лишь под условием его согласованности с постановлениями других органов. *Ни один из таких органов в процессе правотворчества не занимает преимущественного пред другими положения* ; все они между собою координированы в том смысле, что участие каждого из них одинаково необходимо для того, чтобы закон получил юридическую силу»[27].

Этот принцип достоин того, чтобы распространить его и на всю политическую жизнь. И тогда политика, в гораздо более полной мере сделавшись результатом компромиссов и солидарности, будет надежной гарантией как против нигилизма, так и против монополизма власти.

Персонализм против персонализма?

Обсуждение статьи Михаила Краснова «Фатален ли персоналистский режим в России?»

После публикации статьи на сайте Фонда «Либеральная миссия» состоялось ее обсуждение группой экспертов. На обсуждение были вынесены следующие вопросы:

1. Правомерно ли утверждать, что персоналистский режим для России исторически и культурно предопределен и безальтернативен? Насколько сложившаяся в стране институциональная политическая система и, шире, тип государственности соответствуют нынешнему состоянию политической культуры и интересам российского политического класса и общества, его различных групп?

2. Можно ли говорить об устойчивости и эффективности этой государственности, ее способности отвечать на современные внешние и внутренние вызовы?

3. Обеспечивают ли нынешняя политическая система и персоналистский президентский режим движение к правовой государственности или блокируют его? Если блокируют, то кто может инициировать такое движение, стать его субъектом?

---

[27] *Алексеев А.С.* К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль, 1910. С. 67–68.

4. Какие институциональные изменения необходимо осуществить для трансформации нынешней государственности в правовую?

В дискуссии, помимо автора, участвовали:

Зудин Алексей Юрьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры публичной политики Высшей школы экономики, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, руководитель Департамента политологических программ Центра политических технологий.

Лапкин Владимир Валентинович – старший научный сотрудник ИМЭМО РАН.

Сатаров Георгий Александрович – президент Фонда «ИНДЕМ».

Шаблинский Илья Георгиевич – доктор юридических наук, профессор кафедры публичной политики Высшей школы экономики.

Шевцова Лилия Федоровна – доктор исторических наук, профессор, ведущий исследователь Московского центра Карнеги.

Яковенко Игорь Александрович – генеральный секретарь Союза журналистов России.

Вел обсуждение вице-президент Фонда «Либеральная миссия» Игорь Моисеевич Клямкин.

Игорь Клямкин:

Вопрос о реформировании политической системы и переходе к формированию правительства парламентским большинством, еще несколько месяцев назад поднимавшийся даже лидерами «Единой России», был снят президентом Путиным на его январской пресс-конференции с политической повестки дня. Снят с этой повестки и вопрос о реформировании российской государственности в целом – кремлевские идеологи и политтехнологи насаждают в обществе мнение, что все необходимое в данном отношении Путиным уже сделано. Тем не менее существует более чем достаточно весомых аргументов, ставящих под сомнение стратегическую устойчивость и эффективность постсоветской государственности в России. Убедительное подтверждение тому и статья Михаила Краснова.

На обсуждение выносятся четыре вопроса. Первые два касаются особенностей российской политической системы и нынешнего политического режима, исторических и культурных причин их возникновения, их эффективности и устойчивости. Поэтому эти вопросы можно объединить и обсуждать одновременно. Другие два вопроса касаются путей, способов и направленности трансформации этой системы и этого режима, а также субъектов, в такой трансформации заинтересованных. Эти вопросы в ходе обсуждения тоже можно объединить.

Алексей Зудин: «Мы наблюдаем попытку второго издания „государства развития“»

Хотя Игорь Моисеевич и объяснил, почему трансформация существующего политического режима сделана предметом обсуждения, лично для меня осталась некоторая неясность. Проблема сама по себе в высшей степени актуальна. Но одновременно почему-то утверждается и обратное, причем со ссылкой на то, что «Единой России» указали на более скромное место, чем то, на которое рассчитывал Олег Морозов. Еще есть упоминание каких-то неназванных кремлевских политтехнологов. Ну и что, что они что-то говорят, – у них работа такая. На мой взгляд, наоборот, трансформация существующего режима неизбежна, и это является прямым следствием отказа главного игрока от третьего срока. Весь режим центрирован даже не на институте, а на личности, не на президентской власти, а на конкретном действующем президенте Путине. Михаил Краснов абсолютно прав, когда ставит вопрос о персоналистском режиме. Если действующий президент, руководствуясь теми или иными соображениями, решил уйти со своего поста, вся конструкция просто «подвисает» и неизбежно будет трансформироваться. И в этом смысле постановка вопроса совершенно оправданна и свое-

временна. Конечно же, персоналистский режим в том виде, в котором он сложился к настоящему времени, не является ни безальтернативным, ни тем более культурно предопределенным. Особенность нашей культуры, в широком социологическом смысле, состоит в том, что там можно найти представления и ценности, которые могут стать опорой для движения по самым разным политическим траекториям. В то же время, не будучи ни безальтернативным, ни культурно предопределенным, становление персоналистского политического режима было достаточно закономерно. В 1990-е годы сначала западные, а потом и российские авторы много говорили о низком уровне институционализации в России. О том, что, возможно, определяющей чертой нашей трансформации, в отличие от трансформации у соседей на Западе, являются очень слабые институты. Свято место пусто не бывает, а то, что заняло место слабых институтов, называли по-разному: «неформальные отношения», «теневые практики», «персоналистские сети». Другими словами, сами по себе учреждения, организации, институты по большому счету значения не имеют, имеет значение конкретная сила тех конкретных людей, которые в данный момент эти организации, институты и т. д. возглавляют. Сочетание слабого общества со слабым государством – в этом наша особенность. Низкий уровень институционализации был важнейшей характеристикой не только системы власти, но и формирующихся политических партий и групп интересов. Слабые институты были характерны для полицентрического режима Бориса Ельцина, а при Владимире Путине превратились в определяющую характеристику нового моноцентрического режима.

Конечно, такой режим по определению устойчивым быть не может. Но, как мне кажется, в настоящее время он не рассматривает себя в качестве окончательного. Более того, рискну утверждать, что персоналистский режим с самого начала не рассматривал себя как нечто окончательное. Политическое развитие последних шести лет не вполне адекватно рассматривать через призму одной политической реформы, которая началась после 2000 года и была легализована задним числом только после Беслана. Содержанием этой реформы было формирование моноцентрического режима – политическая централизация, концентрация политической власти в Кремле и превращение действующего президента в доминантного политического игрока. Но есть основания говорить не об одной, а о двух политических реформах. Вторая началась немного позже первой, ее начало можно датировать принятием в 2001 году закона о политических партиях, инициатором которого была Администрация президента. Эта реформа существенно отличается от предыдущей по своей направленности: если первая укрепляла персоналистский политический режим, то вторая создавала условия для деперсонализации власти; если первая реформа осуществила демонтаж ельцинского режима, то вторая, предположительно, закладывает основы нового режима, который пока еще не создан. Путинский персонализм отличается откровенной переходностью и ничем, кроме переходного, быть не может. В этом отношении он не может быть устойчивым и не в состоянии быть эффективным. Другое дело, учитываем мы наличие этой второй реформы или нет? Вот в чем вопрос.

Когда я говорю об альтернативах, то имею в виду реальные, а не нормативные политические модели. Так вот, по моему мнению, все альтернативы персоналистскому режиму носили откровенно недемократический характер. Одной альтернативой было закрепление состояния политической системы конца 1990-х годов. Ее называют, может быть не вполне удачно, олигархической. Другая альтернатива – различные варианты откровенного авторитаризма. Эти сценарии продолжают сохранять актуальность. Но сейчас, как мне кажется, делается попытка переориентации на новую модель, которую условно можно назвать «*государством развития*».

Какое-то время назад казалось, что время подобного рода конструкций прошло, потому что постиндустриализм и глобализация очень сильно поменяли и внутреннюю среду, и внешний контекст. Традиционное «государство развития» выполняло две основные функции: обеспечение экономического роста (вместе с модернизацией структуры экономики) и социальной интеграции. Сейчас выполнение обеих функций невозможно. И тем не менее на Западе про-

исходит возвращение к этой идее. Причем речь идет не о старом «государстве развития», а о его модификации. В качестве синонимов употребляются понятия «государство как брокер развития» и «государство конкуренции». Идея состоит в том, что государство возвращается как осмысленная сила, которая пытается каким-то образом влиять на экономическое развитие. В отличие от старой модели главная функция государства состоит в том, чтобы встраивать наиболее перспективные куски национальной экономики в глобальный рынок. Потому что стихийная интеграция не всегда может устраивать и политический класс, и основную часть граждан.

Мне представляется, что по совокупности признаков у нас предпринимается попытка второго издания «государства развития». Насколько это получится – другой вопрос, хотя и самый главный. Потому что, с одной стороны, есть запрос, а с другой – ресурсов, которые могли бы обеспечить вписывание российского развития в эту модель, недостаточно. И самая главная проблема – это качество государственного аппарата.

Игорь Клямкин:

Мне показался интересным тезис о том, что нынешний российский режим заведомо ситуативный, привязанный к конкретному персонажу и он неизбежно будет меняться вместе со сменой персонажа. Из этого следует, что сложившаяся в стране политическая система предоставляет президенту достаточно широкое поле для режимных трансформаций. Так ли это? И от чего зависит направление таких трансформаций? Только от политических установок того, кто приходит к власти? Или существует системная логика и системные ограничители, президенту неподвластные? Короче, прошу обратить внимание на этот тезис А. Зудина.

Лилия Шевцова: «Персоналистский выход из персоналистского режима невозможен»

Я считаю, что наш друг и коллега М. Краснов написал очень своевременную и смелую работу. Несомненно, своевременным является и обсуждение, которое организовал Игорь Моисеевич Клямкин. Почему я подчеркиваю факт своевременности? Да потому, что мы в России, как обычно, отстаем от мирового дискурса по стратегическим вопросам развития. Обсуждаем частности, следим за муравьиной возней на политической сцене и упускаем главное – концептуальные проблемы посткоммунистической трансформации, и в первую очередь трансформации России, ее будущей роли в мире и зависимости этой роли от эволюции российской системы.

Каждый из нас в какой-то степени следит, конечно, за последними статьями в транзитологической литературе, в журналах типа «Journal of Democracy». Так вот, можно увидеть, что аналитики вновь, по прошествии 15–20 лет после начала посткоммунистических транзитов, начали размышлять о том, что в этих транзитах было неизбежного, что – случайного и что было определено субъективными факторами и обстоятельствами. Многие исследователи вынуждены пересмотреть свои прежние выводы относительно этих транзитов. Так, немало бывших советологов вынуждено сегодня по-иному взглянуть на развитие новой России, и большинство из них корректируют свои прежние позиции в сторону большего пессимизма.

Я бы обратила внимание на то, что наблюдатели, которые размышляют о России, придерживаются, как правило, двух разных точек зрения.

Одни, назовем их упрощенно «фаталистами», полагают, что Россия достойна того, что имеет, что она заслужила ту систему и то государство, которые появились в последние годы, и что российское общество не созрело для большей демократии. Нужно продвигаться вперед постепенно, шаг за шагом – именно так и делали развитые демократии, убеждают «фаталисты». Именно они говорят об исторических традициях и культурных препятствиях, которые осложняют более решительный прорыв России к новой цивилизационной парадигме. Не

стоит упоминания то, что это любимая позиция кремлевских пропагандистов, которые считают, что Россия и так двигалась слишком быстро в демократическом развитии, а теперь ей нужно «отдохнуть» и сконцентрироваться.

Другие, назовем их «инженерами», следом за Джузеппе ди Пальма и другими основателями теории более активного демократического прорыва полагают, что, несмотря на отсутствие определенных предпосылок демократизации, Россия могла продвинуться гораздо дальше по пути либерально-демократических реформ, чем она сделала. Отмечу, что «инженеров» на российской сцене гораздо меньше, совсем мало. В зарубежной науке и политике часть «инженеров», т. е. сторонников более активного продвижения демократии, признаюсь, дискредитировала себя тем, что поддержала эксперименты с продвижением демократии в арабском мире, и мы знаем, чем такие эксперименты закончились в Ираке.

Я не хочу вдаваться в подробности спора между «фаталистами» и «инженерами», а хочу лишь заметить, что внимание исследователей вновь обращено к посткоммунистической трансформации и тому, что в результате этой трансформации получилось.

К сожалению, дискуссии вокруг российской демократизации нередко кончаются констатацией того факта, что в «России не получилось» и Россия «развернулась в противоположном направлении». Но о причинах того, почему «все не так», мало кто задумывается. А если кто и задумывается, то его выводы не кажутся убедительными. В западных политических кругах в ситуации того замешательства, которое возникло вокруг российского вектора, все больше усиливается скептицизм относительно перспектив демократизации России, так же как десять лет тому назад в этой среде превалировал неоправданный оптимизм по поводу наших реформ. В конкретной политике этот скептицизм ведет к своего рода прагматизму, который заключается в имитации со стороны Запада партнерства с Россией и фактической поддержке в России любой стабильности, даже стагнирующего типа. Создается впечатление, что Запад махнул рукой не только на Россию, но и на все постсоветское пространство. В этом контексте попытка М. Краснова возобновить дискуссию о том, насколько неизбежным было российское развитие после падения коммунизма и что можно было сделать по-другому, исключительно полезна. Сама эта попытка заставляет нас задуматься с высоты имеющегося опыта поражений и разочарований о том, были ли мы безнадежны в 1990-е годы либо нет.

Полностью согласна с основным тезисом автора о том, что конституционно-правовая конструкция в какой-то момент обязательно приобретает свою логику и инерцию. И кто бы ни был в Кремле, вне зависимости от его установок и настроений, персоналистский фактор начинает работать на интересы самой конструкции, если ее логику не удалось изменить в самом начале. То, что я сегодня вижу, наблюдая за эволюцией российского политического режима и российской системы, заставляет меня прийти к выводу, что персонализм является средством осуществления интересов правящей корпорации, как бы мы эту корпорацию ни назвали – система, государство либо режим. Да, в начале «цепочки» именно вынесенное наверх и неподконтрольное обществу единоначалие создает политическую и правовую конструкцию. Но уже вскоре единоначалие теряет над ней контроль и подчиняется ее законам.

Другой вопрос – возможен ли персоналистский выход из персоналистского режима? Автор считает, что да. Я в этом не уверена. Не исключаю, что можно представить себе случаи, когда носитель персонифицированной власти осознанно начинает ее демонтировать и открывает окно для дегерметизации общества, за которой следует либерализация и затем построение основ демократической системы. Именно так действовали испанский реформатор Суарес и южноафриканский реформатор де Клерк. Но, во-первых, такой прорыв делали те, кто не строил режим персонифицированной власти, кто его унаследовал и начал тяготиться им. Во-вторых, системщики, которые стали антисистемщиками, начали демонтировать свои режимы, когда последние себя полностью исчерпали. Может ли эта история повториться на каком-то витке в России?

Говоря иначе, может ли сам авторитарный Субъект стать могильщиком своей Моносубъектности? Для меня этот вопрос остается открытым.

Несколько замечаний по ходу дискуссии. Прежде всего, мне хотелось бы высказаться по вопросу предопределенности и альтернативности в посткоммунистической России. Перечислю несколько факторов, которые явно играли против формирования в России плюралистической и состязательной системы. Начну с того, что в России до падения СССР не было попыток реальной «декомпрессии» режима, которые имели место в 1950–1970-е годы в других коммунистических странах – в Венгрии, Польше, ГДР, Чехословакии. Давайте отметим и то, что в России впервые в мировой истории была осуществлена попытка провести одновременно три революции: создание рыночной экономики, создание демократического режима и реформирование геополитической роли, т. е. формирование новой модели внешней политики. Не менее важно и то, что Россия принадлежит к тем редким странам (наряду с Югославией и Чехословакией), где одновременно проводились совершенно разноплановые реформы – формирование государства одновременно с попыткой формирования демократического режима. Подавляющее число мировых наблюдателей считают, что это совмещение невозможно в принципе. Лишь один Лейпхарт полагает, что это возможно, указывая на успешный опыт Чехословакии. Но ведь существует и совсем драматический опыт совмещения государственного строительства и демократизации – опыт Югославии. Наконец, мы имеем дело с трансформацией ядерной сверхдержавы. Никакого исторического опыта такого рода преобразований не было. Именно этот фактор сегодня наиболее серьезно блокирует переход России к плюралистической системе. Словом, это все препятствия, которые осложняли и осложняют осуществление либерально-демократического проекта в России.

Но одновременно присутствуют и факторы, которые создавали благоприятные условия для разрушения логики фатализма, о чем говорил А. Зудин. Среди этих факторов – фактор существования опыта посткоммунистической трансформации в странах Восточной Европы, которая к тому моменту, когда на путь реформ встала Россия, уже научилась находить консенсус по вопросам реформ через проведение круглых столов, формировать независимые институты даже при поддержке прежних компартий. Ельцинская команда могла бы использовать этот опыт, который говорил о том, что вначале нужно проводить политическую и конституционную реформы, а потом все остальные. Если бы мы соизволили заметить опыт других трансформаций, он мог бы нас кое-чему научить. Однако мы этот опыт проигнорировали. Мы его даже не заметили, что свидетельствует о том, в какой степени наша правящая элита была концентрирована на собственных проблемах. Впрочем, и весь российский политический класс не был готов рассматривать имеющийся опыт демократического прорыва, видимо, считая Россию особым случаем. Словом, когда Россия избирала свой вектор в начале 1990-х годов, она оказалась совершенно вне мировой дискуссии и мирового контекста.

Отметим и фактор огромнейшей популярности Ельцина и его поддержки в обществе в начале 1990-х годов, что также могло помочь хотя бы нейтрализовать вышеупомянутые препятствия на пути демократизации. Напомню и о стремлении мирового сообщества облегчить для нас муки рождения новой системы. Конечно, были и попытки отдельных стран и отдельных сил использовать российскую слабость для того, чтобы вытеснить Россию из ее прежних ниш. Но было и сочувствие, и желание помочь России встроиться в западную систему. Международный фактор, как показал опыт Центральной и Южной Европы, мог компенсировать отсутствие недостающих предпосылок демократизации.

Наконец, еще один фактор – это фактор лидерства. Существует масса литературы и немало авторов, в частности ди Пальма, Хиршман, Шмиттер, которые считают, что совершать демократический прорыв и обеспечивать гарантии его необратимости можно и при отсутствии основных предпосылок и условий для демократизации. Но для этого нужно трансформационное лидерство. В качестве примера можно упомянуть восточноевропейские страны – в Польше

и Венгрии ощущение правящей командой своего лидерства и своей миссии компенсировало отсутствие необходимых предпосылок трансформации. Что касается России, то у нас факторов прорыва оказалось недостаточно для того, чтобы нейтрализовать блокирующие факторы, и в результате мы пришли к тому, что А. Зудин назвал «закономерностью», а я называю упущенным шансом.

Отражают ли система, режим, государственность, которые оформились в России, чьи-либо интересы? Несомненно да. Мне кажется, они отражают заинтересованность подавляющей части политического правящего класса и части общества в сохранении стагнирующего статус-кво. Любопытно и занимательно то, что в рамках тех социальных групп и слоев, которые поддерживают стагнирующее статус-кво, мы можем найти представителей самых разных политических и идеологических ориентаций: компрадоров, изоляционистов-почвенников, либералов-технократов и умеренных государственников, – отдельные их интересы могут не совпадать, но стратегически все они заинтересованы в сохранении статус-кво.

Теперь об устойчивости системы. Я не буду повторять то, что говорил в статье М. Краснов и о чем размышлял А. Зудин. Замечу лишь, что существует ряд ситуативных факторов, которые в принципе облегчают сохранение стабильности и поддерживают устойчивость такого типа конструкции, однако в любой момент могут начать работать против стабильности, фактически подрывая ее. К этим факторам следует отнести, например, высокую цену на нефть, консенсус среди правящего класса относительно статус-кво, президентскую «вертикаль». Но заметьте, что нефть в любой момент может сыграть ту роль, которую она сыграла в 1986 году, когда произошел шестикратный обвал мировых цен. Поддержка правящим классом статус-кво ситуативна и не содержит в себе элементов устойчивости – в первую очередь, отсутствует согласие относительно национально-государственных интересов и базовых ценностей развития. Следовательно, наша власть в поисках ежеминутного выживания не может предвидеть те обстоятельства, которые возникли, например, в результате газового конфликта в Украине, приведшего к подрыву идеи Путина о «России как энергетической сверхдержаве». Что касается пресловутой «вертикали», то ликвидация независимых институтов, по сути, выталкивает протест в несистемное и антисистемное поле.

Таким образом, сама система возбуждает и стимулирует протестные настроения, направленные против нее самой. Следовательно, ситуативные факторы стабильности весьма ненадежны. Одновременно есть и системные факторы, которые в гораздо большей степени подрывают устойчивость и стабильность возникшей в России системы. Среди этих факторов я назову, пожалуй, три. Первый – это системный конфликт между персонифицированной властью и демократическим способом ее легитимации, т. е. между несовместимыми принципами. Второй – это конфликты, которые порождаются тенденцией к формированию бензинового или нефтяного государства («петростейт»), со всеми его характеристиками. Третий фактор – Россия все больше возвращается к традиционалистской политике, от которой Европа и либеральная цивилизация начинают отказываться. Это опора на суверенитет, территорию, военную и ядерную мощь, т. е. средства «жесткой власти» (hard power). А в это время, по крайней мере, Европа разрабатывает другую модель политики, основанную на договоренностях, компромиссах, диалоге, опоре на культурные ценности, на элементы привлекательности образа жизни, – словом, на soft power. На этом фоне Россия может стать тем, чем сейчас стала арабская цивилизация, – догоняющей цивилизацией и одновременно фактором сохранения мирового традиционализма.

Недавно в своей статье министр иностранных дел Сергей Лавров сделал попытку отказаться даже от той весьма аморфной формулы многовекторности, которая обосновывала российское сотрудничество с Западом, заявив, что Россия не может принадлежать ни одной (!) цивилизации и будет претендовать на роль моста между ними. Собственно, в который уже раз мы имеем попытку обосновать «особый путь» России.

И последнее. В любом случае уже сейчас, несмотря на то что западная цивилизация согласилась иметь Россию в роли своего сырьевого придатка, Запад начинает размышлять о России как о новом глобальном вызове. Пока, правда, этот вызов для Запада не столь актуален, как, скажем, исламская цивилизация, особенно радикальная ее часть. Но сам факт появления настороженности Запада по отношению к России заслуживает внимания. В этом контексте я хочу упомянуть о Всемирном экономическом форуме в Давосе – он не играет прежней роли в формировании умонастроений российской элиты и перестал быть для нее важным событием. Но он остается важным событием для элиты мировой. Пока в мире нет другого дискуссионного клуба, который мог бы в таком концентрированном виде представлять основные тенденции и основные опасения Запада по поводу этих тенденций.

Так вот, на последних форумах мировая политическая и экономическая элита изучала основные политические, экономические, геополитические риски для мира на ближайшую и отдаленную перспективу. И если в 1990-е годы Россия перестала быть глобальным вызовом и фактором риска для мирового сообщества, то после «газовой войны» с Украиной Россию вновь стали рассматривать в этом качестве. Запад начинает серьезно прорабатывать сценарий развития России как фактора глобальных рисков и вызова для мирового сообщества. Между тем исход упомянутых событий на Украине российский политический класс почему-то считает своей победой, в чем можно усмотреть неадекватность самовосприятия российской элиты.

Игорь Клямкин:

Обозначились два, на мой взгляд, взаимоисключающих подхода. С одной стороны, А. Зудин фиксирует тенденцию к формированию «государства развития», с другой – Л. Шевцова говорит о государстве стагнирующего статус-кво.

Лилия Шевцова:

Я бы хотела добавить, что после завершения нынешнего политического цикла в 2007–2008 годах путинский режим, несомненно, будет трансформироваться в новый политический режим, в этом я согласна с А. Зудиным. Но и этот новый режим, при условии сохранения нынешних принципов упорядочивания власти, станет способом сохранения единовластия. Мы имели возможность наблюдать смену ельцинского режима на путинский, смену форм лидерства. Но эта смена, т. е. отрицание предшествующего лидерства, оказывается эффективным средством сохранения все той же персонифицированной власти.

Георгий Сатаров: «Демократия – это способ случайной игры с неопределенным будущим»

Нынешний российский режим мыслил себя как «государство развития» в момент своего зарождения, причем мыслил достаточно своеобразно: одновременно и как субъект, и как объект развития. Вот в чем была причина его превращения, довольно быстрого, в режим ситуативный. Предполагалось, что государство должно развиваться силами государства и по единственно возможному проекту, который задает само это государство. И такая философия смыкается с понятием персоналистского режима. Я хотел бы рассмотреть ту грань проблемы, которая в обсуждаемой статье не рассматривается. Я имею в виду не институциональный фактор, а фактор общественного сознания. И вот в каком аспекте.

Михаил Краснов ссылается на мои слова о демократии как институционализированной случайности. Я хотел бы эту мысль уточнить. Что такое демократия? Это способ случайной игры с неопределенным будущим. Из теории игр мы знаем, что против случайной стратегии противника оптимальна только случайная же стратегия. Нет дарвинистских стратегий, которые выигрывают у случайной стратегии. Таким образом, если будущее не предопределено, если оно неопределенно, случайно, если мы не можем его предсказать и т. д., то оптимальная стра-

тегия в игре с будущим – это случайная стратегия. Эту институционализированную случайность обеспечивает демократия. И именно потому наши российские выборы нельзя считать демократическими, что их исход предопределен.

За этой практикой просматривается тысячелетняя рационалистская христианская позиция предопределенности будущего. Но если будущее известно, то должен быть фиксируемый носитель того, что известно, на которого мы перекладываем ответственность за это знание. Это может быть персона, «единственно верное учение», все, что угодно. Ему известно – пусть ведет. Очень удобно. Но именно это и есть тот самый цивилизационный тупик, который отвергает возможность случайной игры со случайным будущим.

Режим всегда «говорит», что он знает будущее и ведет нас туда. Однако в какой-то момент выясняется, что обещанное будущее входит в конфликт с настоящим, так как обещания оказываются невыполненными. Советский конфликт состоял в том, что носители обещаний своих обещаний не выполнили, постсоветский конфликт – в том же самом. Демократы не выполнили своих обещаний, и демократическая система была отвергнута, как до того коммунистическая, потому что мы привыкли вместе с олицетворяющими систему людьми отторгать и саму систему. Это простой способ объяснения разочарований: вы – сволочи, которые неправильно обещали нам будущее в рамках этой системы, потому ваша система никуда не годится.

А дальше совсем грустно. Путин, как известно, сказал, что жизнь на самом деле очень простая штука. Когда все сложно и абсолютно непонятно, человеку, которому сложное видится простым, конечно, хочется верить. При этом обратите внимание, какой ошибки избежал Путин: он не рисовал идеальной модели будущего для граждан, только для государства. У него «государство развития» – это государство в узком смысле: «вертикаль власти». Не граждане, не их развитие, не их возможности это развитие самостоятельно осуществлять. В такой ситуации рано или поздно граждане поймут, что они не «субъект» и не «объект». То есть последние пару лет они уже начали понимать, что они – не объект внимания и заботы, но это не очень их пока смущает, поскольку есть вера в человека, который сказал, что жизнь на самом деле очень простая штука. А вот когда выяснится, что они и не субъект, тут уже будет полный, как говорится, атас.

Михаил Краснов:

Статья-то не о Путине и не о его режиме.

Георгий Сатаров:

Но она о том, что любой на его месте тоже скатился бы в персоналистский режим. Я почти согласен с выводом, но не во всем согласен с обоснованием. Меня не устраивает обоснование чисто нормативное, поскольку нормы и институты отражают состояние общества.

Игорь Яковенко: «Искать корни персоналистского режима только в Конституции – значит впадать в юридический фетишизм»

Я, как давний поклонник М. Краснова, получил огромное наслаждение от чтения его статьи и хотел бы зафиксировать два ее достоинства. Во-первых, потрясающая научная добросовестность, а во-вторых, высокая информативность. Однако оба эти достоинства позволяют очень легко выделить и основные недостатки текста. Остановлюсь на двух, на мой взгляд, самых важных.

Первый я бы назвал юридическим и правовым фетишизмом. Цель исследования – проанализировать, понять причины постоянного воспроизводства в нашей стране авторитарного режима, а метод исследования – юридический анализ текстов. Это абсолютно неадекватный метод для решения данной проблемы. В силу того что общество вообще, а российское общество в частности основано на принципе полинормативности, любые социальные отношения

регулируются набором разных нормативных систем – тут и корпоративные нормы, и политические, и нормы традиций и т. д. При этом правовые (юридические) нормы далеко не базовые и не единственные, а уж в России точно не базовые. Кроме того, особенность России заключается в чрезвычайно низкой степени автономности правового поля вообще. Примеров можно приводить множество. Ни в одной системе, где правовое поле обладает хотя бы минимальной степенью автономности, т. е. защищенности, невозможно было бы назначить на одну из высших юридических должностей в стране (председателя Арбитражного суда) человека, который ни минуты не работал судьей. Поэтому правовой анализ нынешней ситуации должен быть последним, а не первым.

Второй недостаток – это идея о том, что «клин клином вышибают», что персоналистский режим может быть преодолен персоналистским же режимом. Мне эта идея кажется чрезвычайно спорной, если не сказать неверной. Это из области чуда, из области синдрома барона Мюнхгаузена.

Теперь о том, предопределен ли и безальтернативен ли персоналистский режим для России. Совершенно очевидно, что можно вести разговор лишь о степени предопределенности и безальтернативности. Глубокая укорененность в России персоналистского авторитарного режима очевидна. Но в то же время Россия – одна из самых непредсказуемых стран. Можете привести хоть один пример, когда какой-либо судьбоносный поворот в жизни нашей страны кем-нибудь был предсказан? Прогнозы типа Нострадамусовых, с возможностью их универсальной интерпретации, мы не рассматриваем.

Есть и еще одно обстоятельство. Любой персоналистский режим является по определению уникальным, «сделанным» под персоналию. Думаю, что нынешний наш персоналистский режим связан с его носителем не в меньшей и не в большей степени, чем сталинский режим был связан с личностью Сталина, а ельцинский – с личностью Ельцина. Вот, кстати говоря, еще один аргумент против конституционной обусловленности нашего персоналистского режима: сколько было сменено за последнее столетие конституций и к чему они привели? почему каждый раз возникает такая персоналистская Конституция авторитарного типа? Видимо, причина не в самой Конституции.

Мне представляется очень правильным рассуждение Г. Сатарова о непредсказуемости и неопределенности, но, на мой взгляд, оно нуждается в продолжении. Если отсутствуют рельсы, которые ведут из прошлого в будущее, и, следовательно, возможны варианты, если существует свобода воли социального электрона, то где эта свобода воли «помещается»? Тут есть определенная ловушка, в которую попадают профессионалы. М. Краснов, будучи высочайшей квалификации юристом, попал в эту ловушку, избрав методом исследования юридический анализ. Многие высочайшего класса политологи, со своей стороны, выбирают методом исследования анализ политической элиты и ждут именно там проявления свободы воли политического и социального электрона. Я же глубоко убежден, что ждать и рассчитывать только на то, что вдруг, случайно, благодаря какому-то чуду произойдет смена политических элит, появится супердемократичный лидер, который изменит Конституцию и откажется от авторитарного персоналистского режима, – это значит ждать невероятного.

Очень интересен вопрос, насколько сложившаяся в стране институциональная политическая система и тип государственности соответствуют нынешнему состоянию политической культуры и интересам политического класса. Дело, однако, в том, что не политический класс как некая данность формирует определенный институциональный политический режим, а все происходит ровно наоборот: сложившийся политический режим определенным образом формирует соответствующий ему политический класс. Обратите внимание, как стремительно изменился состав Государственной думы, изменился тип депутата, более того, даже тип чиновника и тип криминалитета, доминирующий сегодня в стране. Криминальные структуры, харак-

терные для середины 1990-х годов, вытеснены, и на наших глазах элита криминального мира мимикрирует под тот тип политического режима, который у нас сейчас существует.

Короче говоря, возможность трансформации заключена не в политическом классе, не в государстве – оно лишено способности к саморазвитию. Вероятность того, что при нынешнем механизме элитообразования, при нынешнем механизме государственного строительства во главе государства или в политическом классе окажется сколько-нибудь склонная к самореформированию структура, мне кажется, близка к нулю. В качестве смешного примера приведу тот государственный объект, который, в силу моих должностных обязанностей, находится в зоне моего пристального внимания постоянно. Это Министерство печати. Каждый (без единого исключения) новый министр, приходя, говорил о том, что Министерство печати необходимо реформировать, а затем ликвидировать. С этим приходил Полторанин, с этим приходил Лесин, с этим приходили все. И ни один из них палец о палец не ударил для того, чтобы реформировать объект собственного руководства. Ни один из них ничего не сделал для того, чтобы действительно ликвидировать это бессмысленное образование. Это так же невозможно, как для Мюнхгаузена было невозможно реально вытащить себя за волосы из болота. В государственных структурах нет никакой свободы воли социального и политического электрона. Она коренится совсем в другом месте.

Она коренится в тех институтах гражданского общества, в тех институтах общественного сознания, где формируются те социальные и интеллектуальные «приспособления», отсутствие которых отличает нас от развитых стран. Я считаю, что это иная философия истории. Я глубоко убежден в том, что судьбы истории всегда определяли те, кто изобретал эти самые социальные «приспособления», дававшие толчок развитию страны или изменявшие вектор этого развития. В России также свобода воли политического электрона не в политико-образующем классе, а в тех структурах, которые сегодня могут сформировать нормально действующую систему гражданского контроля над властью.

Власть устроена везде одинаково. Абсолютно убежден в том, что Уотергейтский скандал был возможен не потому, что Конституция Америки отличается от российской, а потому, что там существуют такие институты гражданского общества, как институт репутации, институт доверия, институционализированная система гражданского контроля над властью. У нас сын министра мог сбить женщину и после этого продолжать процветать вовсе не потому, что правовая система такая плохая, а израильский начальник дорожной полиции ушел в отставку через 15 минут после того, как превысил скорость на пять километров в час, не потому, что такое поведение диктуется юридической нормой, а потому, что существуют абсолютно непреодолимые институты в общественном сознании и в гражданском обществе, которые просто не позволяют поступить иначе. Когда на глазах всего мира убивали НТВ, в нашем обществе не нашлось ни сил, ни механизмов, чтобы этому противостоять, отсутствовала мобилизующая сила. Так что переменная свободы воли находится в обществе, а не во власти, которая суть константа.

Игорь Клямкин:

Игорь Александрович Яковенко говорил о том, что анализировать заведомо неправовую систему в юридических терминах не очень корректно. И это так, если речь идет о системах типа советской, в которых верховная власть легитимируется не юридически, а другими способами. Но М. Краснов пишет о системе институтов, в которой власть, в том числе и высшего должностного лица, легитимируется именно юридически, т. е. конституционно. В такой системе многое зависит и от того, какими конституционными полномочиями тот или иной институт наделяется. Более того, от распределения полномочий зависит и характер самой системы. Если мы возьмем Конституцию РФ, действовавшую до 1993 года, то она узаконивала иную систему, чем Конституция нынешняя. И я бы не решился утверждать, что различие конституционных

норм никак не сказывается на политической практике. Хотелось бы, чтобы критика соответствовала объекту критики – в данном случае, тому, о чем говорится в статье.

Владимир Лапкин: «Не решаясь на „революцию сверху“, власть провоцирует радикальную революцию снизу»

Позволю себе порассуждать о некоторых особенностях природы персоналистского режима. Оттолкнусь от важного тезиса М. Краснова о том, что, стремясь «обезопасить себя от антидемократического реванша путем институционального гипертрофирования президентского поста, общество прозевало другую опасность, создало все условия для всевластия бюрократии». Любопытно то, что ключевой термин *общество* в данном случае используется как в известной мере противостоящий *населению*, так называемому *электорату*.

Действительно, как мы помним, в ситуации начала – середины 1990-х годов угрозу антидемократического реванша содержал в себе лишь всенародно избираемый «охлократический» парламент, обладающий ресурсом демагогической апелляции к неразвитым политическим инстинктам постсоветских масс, от чьих «порывов», направляемых социальной демагогией против новых властно-собственнических элит, сформировавшихся в основном в ходе так называемой номенклатурной приватизации, и требовалось обезопасить «новое общество». Таким средством и стал гипертрофированный по своим полномочиям институт президентства. И именно «новое общество» выстроило под себя к середине 1990-х годов эту политическую систему.

Но вскоре система вошла в противоречие с интересами активной части более широких слоев населения, тех, кто в новых условиях принуждения к хозяйственной автономии получил определенные возможности для самореализации. В результате мы наблюдали на рубеже 1990–2000-х годов появление персоналистского режима нового качества, который обретал уже известные черты бонапартизма, понимаемого как режим, претендующий на представительство интересов не столько олигархии, сколько атомизированного мелкого частного производителя-предпринимателя на той стадии его развития, когда сам он еще не в состоянии обеспечить механизм собственной политической консолидации. Политическая незрелость этого нового общественного слоя, по сути, и санкционировала процессы форсированной «персонализации» президентской власти, реализующей заложенные в российской политической системе возможности и стремительно возвышающейся над всеми прочими политическими институтами, не контролируемыми этим пришедшим в движение массовым «народным» российским предпринимательством и потому непонятными ему и «бесполезными» с точки зрения его интересов. Об этой особенности природы нашего персоналистского режима стоит помнить всякий раз, когда мы пытаемся спрогнозировать его эволюцию.

Вместе с тем я хотел бы более внимательно рассмотреть условия формирования эффективной и устойчивой демократической системы. Проблема не сводится лишь к конструированию оптимальной институциональной структуры, обеспечивающей разделение и баланс властей. Решающую роль играет состояние общества и готовность его элит к диалогу и компромиссу при выработке политических решений, а это предполагает, соответственно, некий консенсус политической власти, бизнеса, гражданского общества, на основе которого формируются и Конституция, и институциональные формы политической демократии в стране. Но такой консенсус, в свою очередь, может сформироваться лишь на основе уже сложившегося в обществе элементарного правового порядка, т. е. только тогда, когда авторитет права преобладает в сознании и практике общества над авторитетом власти или по крайней мере реально претендует на такое преобладание.

Эта правовая основа политического консенсуса, формирующего основы демократического режима, имеет, в свою очередь, необходимой предпосылкой укорененность в обществе отношений частной собственности, или института частной собственности, который выступает

в этом случае *основным* средством общественной консолидации и интеграции, средством формирующего политическое сообщество общения.

Иными словами, выстраивается некая последовательность обусловливающих друг друга факторов, когда демократия формируется на основе политического консенсуса власти и структур самоорганизации бизнеса и гражданского общества, а этот консенсус, в свою очередь, складывается на фундаменте правовых отношений, возникающих по мере становления института частной собственности. Причем попытка выстроить верхние этажи этого здания, при отсутствии надежного фундамента, грозит строителям и обществу в целом крупными историческими неприятностями.

Неспособность видеть эту проблему, этот фундаментальный изъян российского проекта модернизации ведет к тому, что формально правильные институциональные формы насаждаются в России, невзирая на сохраняющиеся вопиющие лакуны в правовом и частнособственническом обеспечении этой модернизации. Приведу два весьма характерных, на мой взгляд, примера. Это, с одной стороны, отсутствие до сих пор сколько-нибудь полноценных кадастров земли и недвижимости в стране, а с другой – стремительное распространение феномена рейдерства как практики использования институтов судопроизводства в условиях неправового общества. Примеры эти из сегодняшней практики, но проблема возникла не сегодня, более того, ее можно считать традиционной для России.

Так, в начале XX века в России один из основных социальных конфликтов был связан с сосуществованием общинно-передельных механизмов земельной собственности и формально-правового крупного частного землевладения. Симпатии тогдашней российской власти были, безусловно, на стороне последнего, в том числе и потому, что в нем виделась гарантия грядущего окончательного торжества принципа частной собственности на землю. Но роковое по своим историческим последствиям лукавство власти состояло в том, что, стремясь избежать обострения социального конфликта, она «другой рукой», или, как сказали бы сегодня, «в рамках проводимой социальной политики», длительное время поощряла общинно-собственнические иллюзии крестьянства, пребывавшего в условиях катастрофического и все нарастающего аграрного перенаселения. Иные, более жесткие и рациональные решения аграрного вопроса, по существу, блокировались. Именно эта политика привела в конце концов к революционному решению проблемы. Иными словами, не решаясь на глубокую и последовательную «революцию сверху», власть спровоцировала радикальную революцию снизу. И, как мы помним, основу мобилизационного ресурса этой антирыночной и разрушающей отношения частной собственности революции составили протестные настроения крестьянства, сориентированные на уничтожение института частной собственности на землю.

Похожим образом можно интерпретировать и трансформации двух последних десятилетий. С середины 1980-х годов власть своей политикой опять же поощряла конфликтное существование двух протособственнических институтов. Одного, формирующегося на основе так называемой собственности трудовых коллективов – своего рода «передельных общин» позднесоветского периода. И другого, формируемого теневыми практиками складывающихся отношений собственности, центрируемых руководителями и администрациями предприятий и связанных с ними, так сказать «крышующих» их, структур партхозактива. Причем в данном случае позиция власти была не менее лукава, нежели в последние десятилетия правления Романовых. Ее интересы, конечно, определялись стремлением к приватизации госсобственности, но сделать это хотелось как-нибудь незаметно. В результате власть усиленно поощряла иллюзию справедливого распределения собственности между всем населением, что в конечном счете приобрело форму ваучерной приватизации. Последующее осознание ее содержания и ее итогов и сформировало нынешнее крайне негативное отношение значительной части населения к институционально-правовым основам новой собственности. В целом же

проблема легитимации частной собственности в России за два последних десятилетия существенно усложнилась.

Были ли все эти процессы безальтернативны? Исторические альтернативы предполагают возможность принципиально иного выбора политических стратегий ключевыми акторами в критический момент развития. В какой мере российские политики обладали такими возможностями – вопрос сложный. Скорее, при крайне ограниченных ресурсах легитимности, они в первую очередь были озабочены собственным политическим выживанием, зачастую в ущерб потребностям модернизации общества.

Какова устойчивость и эффективность этой государственности и ее способность отвечать на современные вызовы? Разумеется, крайне незначительная, поскольку с этой точки зрения в России плохо все. И главная причина непоследовательности и «самобытности» форм текущего этапа модернизационного процесса – это 75 лет существования в условиях политического искоренения частной собственности и тем самым разложения естественных институтов социальной интеграции. В этом смысле проблема правового нигилизма населения России, равно как и ее бизнеса и ее власти, в том, что для торжества права нет необходимой естественной основы в виде повсеместно распространенных и освоенных в повседневной практике отношений частной собственности. Причем, как мне кажется, парадоксальность сегодняшней ситуации в том, что на низовом уровне готовность общества к принятию этого ключевого условия модернизации гораздо выше, нежели на уровне власти, где принцип незыблемости частной собственности вступает в непримиримый конфликт с общинно-передельными инстинктами ее многочисленных персонификаторов и всей ее постоянно разрастающейся бюрократической машины.

Традиционная, но сохраняющаяся до сих пор модель реализации власти в России, основанная на нерасторжимости власти-собственности, несовместима с господством частнособственнических отношений в обществе. Поэтому неколебимы монополии на потребительском рынке, поэтому не идут реформы ЖКХ, поэтому невозможно решить проблемы производительных инвестиций в условиях избытка нефтедолларов, поэтому крайне затруднена капитализация доходов. Иными словами, современный капитализм как таковой у нас в стране по существу не приживается и не функционирует. Отсюда и недоступность кредитов внутреннему потребителю, и неэффективность банковской системы в деле накопления и мобилизации капиталов. Поэтому, не имея устойчивых основ современного общества, Россия вряд ли может рассчитывать на эффективность своего государства.

Илья Шаблинский: «Доминирование „Единой России“ выглядит нелепо, но если она освободит свое политическое пространство, кто его займет?»

Я, как и М. Краснов, юрист, поэтому мне удобнее вернуться к институциональным особенностям нынешнего российского политического режима, к той основе, с которой мы начинали и о которой идет речь в статье. Мне кажется, если вспомнить эти особенности, будет легче перейти к вопросу об их возможной трансформации. Легче перечислить их в хронологическом порядке, хотя и логически они выстраиваются в той же последовательности.

Во-первых, необходимо отметить тихую *ликвидацию условий для публичной критики власти*. Это то, что постепенно стало происходить в 2000 году и что, на мой взгляд, является опаснейшей институциональной особенностью. Причем данная тенденция персонифицируется. Некоторые эксперты исчезли из эфира, и их заменили другие – в основном более или менее умело «подпевающие» власти, разными голосами, разными тембрами, но «подпевающие». Это, повторю, основное и самое опасное.

Во-вторых, была такая правовая комбинация, как *ослабление роли Совета Федерации*. Изменение порядка его формирования привело к ослаблению его роли, однако для меня это второстепенный фактор.

В-третьих, *президент у нас получил право назначать глав регионов*. Это на самом деле опасное сосредоточение власти в одних руках. Были приняты некоторые меры по ужесточению условий регистрации и функционирования политических партий, произошло ужесточение условий политической конкуренции. Эта тенденция показала себя в 1999 году на примере схватки двух «партий власти». В условиях раскола властной элиты уже тогда полное доминирование одной политической группировки в телеэфире выглядело уродливо.

Но в 2003 году стало еще хуже. Преференции стали носить подавляющий характер. *Преференции для конкретной корпоративной силы – единой «партии власти»*, это в-четвертых. И это свело политическую конкуренцию к минимуму.

В-пятых, полное подчинение и размашистое *использование Генпрокуратуры в качестве политического инструмента*. Да, отношения президента и прокуратуры носят у нас административный характер: вызывается прокурор, и перед ним ставятся задачи. С судейским корпусом – по-другому. Мы знаем, что на судей всегда можно давление оказать, не грубое, а мягкое, обволакивающее, так сказать, но настойчивое. И это достаточно эффективно.

Насколько все перечисленные фундаментальные, институциональные особенности режима были характерны для времени Бориса Ельцина? Мы с М. Красновым обсуждали этот вопрос. Скажем так: тогда тенденция обозначилась, теперь она проявилась в полной мере. Генпрокуратура стала рычагом президентской власти до Путина, и Борис Николаевич, в общем, стремился к этому. В 1994 году, когда Ельцин увольнял Казанника без согласия Совета Федерации, я, поскольку работал замначальника Правового управления верхней палаты, обсуждал с Ю. Батуриным основание для того, чтобы отказать Совету Федерации принимать решение по этому вопросу. Мне сейчас не очень ловко за это. Лучше бы Казанника не увольняли так, как его Ельцин уволил в январе 1994 года. И все же тот режим был другим, хотя некоторые тенденции наметились уже тогда.

Для развития каких из этих тенденций имеются основания в Конституции? Прежде всего, для полного контроля президента над прокуратурой. Для всех остальных перечисленных мною институциональных особенностей непосредственной основы в Конституции нет. Зато есть простор для свободного правового творчества экспертов из референтной группы президента. Я прекрасно понимаю их политическую психологию. Они ощущают себя искателями некой «золотой середины», строителями новой государственности, и, думаю, в их сознании эта государственность и это государство – прав А. Зудин – обозначается как «государство развития». Они так видят, полагая, что перечисленные мной особенности и есть путь к «золотой середине». Кажется, что действительно юридический анализ тут вторичен и речь надо вести исключительно о политической психологии. Но этим ограничиться – значит расписаться в совершенном бессилии и свести все к пустому говорению.

Конечно, нравы мы не изменим. И вышеперечисленные особенности не вызвали у широкой общественности ни протеста, ни каких-то иных явно выраженных реакций. Они легко были восприняты политическим сознанием тех, кто голосует за статус-кво и «Единую Россию». Но я полагаю, что статья М. Краснова заставляет – скажу словами В. Лапкина – все-таки поразмышлять над оптимизацией институциональной структуры, обеспечивающей взаимодействие, а не иерархию властей, чтобы как-то вернуть утраченное.

Да, доминирование «Единой России» выглядит нелепо, но если она освободит свое политическое пространство, кто его займет? Его займут партии, которые призывают мстить и делить, и не знаю, что для нас хуже. Поэтому имеет смысл говорить о конкретных институциональных усовершенствованиях, очень аккуратных, которые легче всего увязать со сменой вех 2008 года.

Итак, что необходимо в первую очередь сделать для трансформации нынешней государственности в правовую? Думаю, можно сосредоточиться на том, о чем сказал И. Яковенко. Необходимо создать общественный совет по обеспечению контроля за использованием эфир-

ного времени Первым каналом или каналом «Россия», например на основании федерального закона об общественном телевидении. Достижение этой локальной цели позволит добиться некоторого расширения информационного поля, создать плацдарм для оппонирования власти. Закон о средствах массовой информации вполне удовлетворителен, надо только развить заложенную в нем правовую базу. Если получится, это можно будет считать скромным шагом вперед.

Игорь Клямкин:

Завершен первый круг обсуждения. Мы пока не говорили о том, как нынешний режим трансформировать, а просто пробовали с разных позиций его описать и почти все сошлись на том, что он неэффективен и неустойчив. Значит, перед обществом рано или поздно встанет вопрос о его изменении, а перед самим режимом – вопрос о самоизменении. Но как, в каком направлении и темпе институциональные перемены должны и могут происходить? М. Краснов описал много систем, сходных с российской. Все они отличаются от нее статусом и местом исполнительной власти, местом правительства. Следует ли России двигаться к этим моделям? Можно ли вообще формировать правительство, ответственное перед парламентом в такой ситуации, как наша, т. е. при слабости местного самоуправления и других институтов гражданского общества? И существует ли альтернатива такому варианту, движение к которому наметилось уже, если вспомнить о Молдове или Украине, и на постсоветском пространстве? Некоторые политики и аналитики предлагали в свое время заимствовать американскую модель. Насколько это перспективно?

Теперь что касается субъекта перемен. М. Краснов твердо стоит на том, что в сложившейся ситуации это может быть только президент. Хочу обратить внимание автора статьи на то, что это противоречит другому его тезису: какой бы президент ни был, институциональная система диктует ему жесткую логику поведения. Что заставит его вдруг вырваться за пределы этой системы, на какие ресурсы, на какую базу он будет опираться? И. Яковенко заметил, что народ как раз заинтересован в таком персонаже и в таком режиме, как нынешний. Так ли это? Давайте обсудим все эти вопросы.

Алексей Зудин: «Первым шагом на пути выхода из персоналистского режима станет ротация власти, хотя бы в управляемой форме»

Прежде всего хочу заступиться за институциональный анализ. Он принципиально правомерен и вдвойне правомерен применительно к нашей системе. Для описания российского общества японский политолог С. Хакамада использует метафору «общество песка». Разумеется, как любая метафора, она основана на преувеличении и не вполне справедлива, поскольку мы знаем, что ростки гражданского общества у нас есть, но тем не менее данный образ имеет под собой рациональное основание. Так вот, в подобного рода ситуациях институциональный подход и институциональные стратегии как раз и дают повышенную отдачу. А если правовые нормы не срабатывают, не надо из этого делать вывод об их принципиальном бессилии, нужно просто обратить внимание на контекст. И если мы это сделаем, то, скорее всего, увидим, что никто всерьез не занимается правоприменением.

Л. Шевцова справедливо напомнила об особенностях нашего транзита – он был тройной, т. е. предполагал переход к рынку, переход к демократии и новое геополитическое самоопределение. К этому тройному переходу я бы добавил еще одну характеристику, которая позволит нам более реалистично оценить коридор возможностей для осмысленного движения. Давайте не забывать, что наш переход не только был тройным по степени сложности, он еще был навязанным. Это означает, что в момент перехода ни в обществе, ни в элитах не было большинства, которое бы этот переход поддерживало. В этом кардинальное отличие начальной фазы нашего перехода от «бархатных» революций, с которыми нас так любят сравнивать.

Хочу поддержать автора статьи и немного с ним поспорить. Действительно, когда перспектива перемен связывается с единственным действующим лицом, это производит довольно тягостное впечатление. Вместе с тем Герман Дилигенский в свое время высказал интересную мысль о ложности распространенных среди политологов и социологов стереотипных представлений о повышенном коллективизме современного российского общества. Дилигенский оценивал его как глубоко атомизированное и индивидуализированное. Это означает, что при отсутствии сложившихся коллективных акторов повышенное значение будет иметь индивидуальная инициатива. Добавим, что эта индивидуальная инициатива может проявляться в самых разных областях и на разных уровнях. Не только в попытках создания частных предприятий вопреки административным барьерам, но и в проектах политических реформ, которые соответствуют диффузным общественным запросам, но противоречат сложившимся интересам.

Еще один тезис в обоснование подхода М. Краснова. Мне кажется, что в ходе нашей дискуссии произошла некоторая подмена понятий: высшее политическое руководство постоянно отождествляется с бюрократией. Понятно, что оно на бюрократию опирается, это его естественная опора. Но когда ставится знак тождества между сверхэлитой и бюрократией – это, на мой взгляд, неверно, потому что интересы у них разные. Расхождение интересов обусловлено прежде всего особым положением в системе власти, которое занимает высшее политическое руководство. Положение сверхэлиты в самом центре системы власти сильно и, я бы сказал, принудительно расширяет кругозор и побуждает к действиям, ориентированным на более долгосрочную перспективу. Таким образом, *реформа сверху в принципе возможна*. Можно также указать и источники давления в сторону перемен.

Во-первых, это *рыночная среда*, которую никакое «государство развития» отменить не способно да и не собирается этого делать. Причем рыночная среда не только международная, но и, что бы ни говорили, внутри страны.

Во-вторых, *фактор Запада*. Политическая траектория нынешнего российского руководства во многом выглядит как попытка избежать двух крайностей, которые одинаково его пугают. Одна крайность называется failed state, когда Россия перестает быть игроком и на мировой арене, и внутри страны – она превращается в совокупность ресурсов, которые потребляют другие политические акторы, а высшее политическое руководство лишается привычной работы. Противоположная крайность – «государство-изгой». Оказаться в этой категории также неприемлемо. Политический курс выстраивается как движение между этими полюсами. То есть Запад в качестве значимого фактора продолжает работать для политического руководства и как соперник, и как партнер. Нынешние действия, начиная с газового конфликта с Украиной, которые побудили западную элиту в Давосе задуматься о России как о вызове и угрозе, на мой взгляд, связаны с ее попыткой вернуться в качестве активного игрока в мировую политику. Наша старая роль в 1990-е годы многих устраивала, к ней успели привыкнуть и не хотят позитивно воспринимать возросшую самостоятельность России. Как известно, из старой роли не выходят, из нее «выламываются».

Наконец, есть третий фактор. Он постоянно служит объектом презрительных комментариев и травматических переживаний, но тем не менее существует. Этот фактор – *российский избиратель*. Можно как угодно ограничивать политическую конкуренцию, но выборы все равно остаются единственным способом легитимации власти, а многопартийность – эталоном нормальной политики. Российский избиратель сохраняет положение «хранителя ключей» от власти. Он слаб, не уверен в своих силах, дезориентирован и дезорганизован. Он не доверяет институциональным посредникам, но продолжает оставаться привратником власти, а импульсы, которые от него исходят, сохраняют политическое значение.

Преимущественными возможностями для улавливания этих импульсов располагает именно сверхэлита – у нее больше мотивов, стимулов и ресурсов. Да, власть медленно, с трудом и буквально «на ощупь» формулирует новую политическую повестку, но оппозиция пол-

ностью продолжает жить девяностыми годами. Теоретически, в случае дезинтеграции существующего политического режима, она может реально воспользоваться ситуацией, но для этого ей придется либо обмануть избирателя, либо позаимствовать повестку, формируемую властью. *Никакой новой повесткой, альтернативной той, которую медленно формирует власть, оппозиция в настоящее время не располагает* .

На мой взгляд, первым шагом по пути выхода из персоналистского режима станет ротация власти, хотя бы и в управляемой форме. Потому что если этого не будет – не будет и ничего остального. Это определяющее условие для начала разрыва с персоналистским режимом.

Второй шаг – укрепление реальных стимулов для укоренения многопартийной системы. Создали пропорциональную систему, а она может работать по-разному. И не только в зависимости от высоты отсекающего барьера, но и по другим причинам. Скажем, многое будет зависеть от того, на каком варианте политического позиционирования в конечном счете остановится «Единая Россия»: будет ли она по-прежнему настаивать на «социальном консерватизме», гарантирующем сохранение фактической политической монополии, или переориентируется на «либерально-консервативную» политическую нишу и освободит больше места для других политических сил. Существуют и такие стимулы для развития партийной системы, как величина «приза» для ее участников. Я бы не делал никаких особых выводов из того, что «Единую Россию» лишили «сладкого сна» в виде правительства парламентского большинства. Движение в направлении партизации системы власти будет происходить по той простой причине, что никакой внятной альтернативы ему не существует. Нынешняя система, расколотая по клановому принципу, функционировать не может. Так что партизация власти – вопрос не принципа, а времени и скорости движения в данном направлении.

Поэтому третий логичный шаг – это появление партийных министров в беспартийном правительстве, и лучше всего, если они будут представлять не одну, а разные партии.

Последующие шаги, условно четвертый и пятый, более всего вероятны не в системе власти, а в системе отношений государства и гражданского общества. Они могут быть связаны с новой волной дерегулирования – я имею в виду делегирование госполномочий саморегулирующимся организациям. Или с повышением дееспособности судебной системы, а именно совершенствованием ее возможностей обеспечивать адекватное правоприменение. Или с восстановлением реальных правовых гарантий для нормальной работы средств массовой информации. Но это, скорее всего, может стать реальностью только в среднесрочный период.

Игорь Клямкин:

Вы назвали предпосылки трансформации режима – рыночную среду, Запад и российских избирателей. Но на сегодняшний день ни по отдельности, ни все вместе эти предпосылки к трансформации не ведут. Более того, события развиваются в прямо противоположном направлении. Мы видим, что сейчас происходит с общественными организациями, со СМИ, несмотря на рыночную среду, фактор Запада и российского избирателя. К тому времени, когда эти факторы должны будут заработать по-новому, система может закостенеть еще больше, ее инерционность усилится. Возможно ли будет повернуть ее в том направлении, о котором говорит А. Зудин? В рассуждениях, по-моему, не учитывается та системная эволюция, которая происходит и будет происходить в оставшиеся до выборов два года. Насколько оправдан расчет на то, что после выборов произойдет какой-то поворот под влиянием тех объективных факторов, которые сейчас, повторю, почему-то не действуют?

Алексей Зудин:

Когда речь заходит об ограничении средств массовой информации, обычно справедливо говорят о действиях власти. Но был еще один фактор, и социологи его хорошо знают. К концу 1990-х годов СМИ разошлись с общественным мнением. Они все больше ориентировались на

запросы достаточно узкого социального круга и оказались в политической изоляции. Кремлевские плановики ведут себя как «вершители судеб» не только из-за особенностей политической психологии: каждый – обязательно «Наполеон» и действует без оглядки на обратные связи, коалиции и переговоры. Существует и сложившаяся расстановка политических сил, которую мы совершенно не обсуждали. Ведь по каким-то причинам одни политические силы проиграли, а другие выиграли.

Есть и еще одна причина, которая, к сожалению, работает на модель трансформации персоналистского режима «сверху»: мы вступили в период слабых элит. Это произошло не столько по воле «великого и ужасного» В. Суркова и его политтехнологов, сколько в результате эволюции позднесоветских элит, их возросшего несоответствия общественным запросам. Если мы посмотрим, как ведет себя власть по отношению к элитам, то увидим, что она действует во многом в тех рамках, которые заданы общественным мнением. Не всегда, не во всем, но во многом.

Кремлевский агитпроп не столько производит какую-то оригинальную политическую продукцию, сколько «индуцирует» уже существующие тенденции и настроения. Сигналы из общества он улавливает достаточно чутко, потому что в противном случае все его политические проекты окажутся нежизнеспособными. Неорганизованное российское общество обладает не только символической силой «привратника», оно осталось, пожалуй, единственной автономной политической силой в персоналистском режиме. Все это придает реальность фактору, который носит название «российский избиратель». Именно как доказательство реальности этого фактора следует рассматривать массовые протесты против монетизации льгот в начале 2005 года. Совокупность упоминавшихся мною факторов: рыночная среда, Запад и российский избиратель – не позволит укрепляющемуся государству снова «пожрать» российское общество и будет подталкивать персоналистский режим к постепенной деконцентрации власти после 2007–2008 годов.

Лилия Шевцова: «У меня нет сомнений в том, что Россия обречена на кризис бюрократического авторитаризма»

Прежде всего, мне хотелось бы прокомментировать то, что А. Зудин сказал о роли Запада. Попутно хочу попросить И. Клямкина собрать группу аналитиков, чтобы обсудить, влияет ли западное сообщество на процессы, происходящие в России, и если да, то каким образом. А сейчас ограничусь лишь некоторыми соображениями.

Западное сообщество расколото в своем отношении к российской трансформации. Меньшинство на Западе, если речь идет о политических кругах, бизнес-элите и транснациональных корпорациях, придерживается точки зрения на Россию, которую можно охарактеризовать так: трансформация элиты через интеграцию. Это означает следующее: мы вас интегрируем в наши структуры и будем надеяться, что эта интеграция приведет к вашему изменению. Эта часть Запада еще недавно надеялась, что по мере интеграции в западное сообщество российская элита сможет принять либерально-демократические правила игры.

Вторая, более массовая часть западной элиты говорит по-другому: сначала трансформация, а затем интеграция. Это означает, что Запад считает необходимым подождать, пока Россия решит свои проблемы, трансформируется, и только после этого начнет думать о том, чтобы реально интегрировать Россию.

Есть и третья группировка, которая, к моему сожалению, расширяется и серьезно влияет сейчас на конкретную политику западного сообщества в отношении России. Позиция этой группы такова: давайте законсервируем нынешнее положение на некоторое время, пока Россия не созреет для нового витка реформ. А еще лучше – дистанцируемся от нее. Эта группа начинает требовать более жесткого давления на российскую власть, вплоть до исключения России из «Восьмерки». Думаю, что такой подход, который ведет к маргинализации России,

может только усилить в самой России авторитарно-бюрократический крен. Как бы то ни было, в последнее время Запад, и в первую очередь США, начал довольно серьезно давить на Россию по поводу Закона о неправительственных организациях. Это фактически первая попытка за последние 15 лет вмешаться в кремлевский механизм осуществления внутриполитических решений с целью предотвратить принятие решения, которое, по мнению западного сообщества, может ограничить не только возможности российского гражданского общества, но и возможности самого Запада влиять на Россию.

Есть и другой индикатор, который покажет, в какой степени Запад готов оказывать влияние на политику российской власти. Я говорю о Грузии, Украине и Беларуси. Отношение Кремля к этим государствам является источником беспокойства на Западе. В случае с Грузией и Украиной западные правительства опасаются попыток России вмешательства во внутреннюю политику этих стран с целью поддержки пророссийских сил. В случае с Минском Запад обеспокоен поддержкой Москвы режима Лукашенко, который считается в Европе единственным политиком-изгоем. Сможет ли западное сообщество повлиять на содержание российской внешней политики по отношению к упомянутым странам, мы увидим уже в ближайшие два года. Как показал «газовый конфликт» между Россией и Украиной в конце 2005 года, именно постсоветское пространство, скорее всего, станет полем напряженности между Россией и Западом.

А теперь мне хотелось бы прокомментировать прозвучавший термин «оптимизация» в отношении российской системы. Честно говоря, сомневаюсь в том, что ее оптимизация действительно возможна. Не исключаю, что любая попытка такой оптимизации, т. е. реформирования российской системы, в конечном счете сведется к частичному ее обновлению без изменения сущности либо к откровенной и осознанной имитации реформирования. Я лично считаю, что российскую систему нельзя оптимизировать, т. е. ее нельзя реформировать ни по частностям, ни по блокам, а можно только реструктурировать как совокупность, как целое, изменив ее матрицу – основные принципы ее построения.

Что касается формулы «выхода», т. е. того, как реструктурировать российскую систему и кто может стать субъектом этих усилий, я полностью согласна с М. Красновым в том, что нынешняя политическая и конституционная конструкция блокирует все реформы. Но учтем и то, что одновременно эта несущая конструкция задает тон либо делает неизбежными «изменения через кризис». Очевидно, мы должны это осознавать и, как аналитики, должны быть готовы реагировать на возникновение системного кризиса, понимать, через какие этапы он должен пройти и каковы его возможные последствия.

У меня уже нет сомнений в том, что Россия обречена на кризис бюрократического авторитаризма. И самое главное в нашем скатывании к этому кризису – предотвратить переход к еще более традиционалистской системе. Я полагаю, что первой стадией будущего системного кризиса будет *кризис гибридности*. Я имею в виду кризис той достаточно противоречивой модели, в которой заложены несовпадающие векторы, в том числе и либерально-технократическая составляющая. Именно наличие в нынешней российской системе либерально-технократической составляющей (либерал-технократы в правительстве, использование властью либеральной риторики) как части гибрида, по существу, препятствует попыткам реформирования этой системы и создает иллюзии относительно ее реальной сущности.

Что станет толчком к этому кризису? Сочетание разноплановых явлений: падение цен на нефть, техногенные катастрофы, увеличение разрывов в доходах, повышение тарифов на жилье и т. д. Но, кроме появления признаков социального недовольства, кризис предполагает и неспособность правящей элиты к контролю за ситуацией. Если в обществе не окажется сил, способных предложить модернистское видение выхода, не исключено, что кризис гибридности приведет к появлению гораздо более одноцветного, жесткого национал-популистского режима

власти. И в этом случае лишь следующий кризис режима, возможно, создаст условия для либерально-демократической трансформации, о которой говорит М. Краснов в конце статьи.

Автор рассматривает основной субъект власти – возвышающегося над обществом президента, как возможный инструмент для обновления. Он считает, что персонализм должен стать средством разрушения персонализма. Но весь опыт мировой трансформации свидетельствует, что такая модель выхода оказывается успешной исключительно редко. Можно назвать несколько стран, в частности Испанию, где лидер, вышедший из авторитарной системы, осознал ее исчерпанность и создал условия для ее дегерметизации и переводу в демократический цикл. Но это может произойти только в том случае, если, во-первых, лидер не несет ответственности за исчерпавшую себя систему, т. е. не он был ее создателем; во-вторых, налицо все признаки исчерпанности системы и недовольство ею как сверху, так и снизу. Горбачев тоже начал медленно «открывать» советскую систему, не будучи ответственным за ее создание и не желая ее обвала.

Практически все успешные трансформации авторитарных и тоталитарных обществ включали в себя следующие элементы: *трансформационный лидер*, который приходит к власти в момент дряхления системы с ощущением своей миссии; *фрагментация правящего класса*, выделение из него прагматиков, готовых к реформированию; *давление снизу* в виде протестного движения. Только эта «трехчленка» может привести к успешному выходу из прежнего режима. Во всяком случае, я не знаю ни одной успешной и необратимой трансформации при наличии лишь одного элемента этой схемы.

Для меня основная гарантия в процессе структурного реформирования бюрократически-авторитарной системы – это верховенство закона. Мы уже видели, к чему свелась российская трансформация, которую сами либералы и демократы восприняли как преимущественно выборы. Любое искусственное вычленение одного принципа либеральной демократии и игнорирование остальных элементов и принципов неизбежно ведет либо к появлению имитации, либо к деформации демократии, что почти одно и то же.

Теперь несколько слов по поводу преимуществ парламентско-президентской системы. Существующий мировой опыт доказывает, что смешанная система создает больше возможностей для учета разнообразных интересов общества и менее болезненного его продвижения к новым стандартам, для консолидации демократии и обеспечения гарантий ее необратимости. Хотя в то же время становится более ощутимой угроза популистских поворотов, особенно в ходе экономической реформы, она все же относительно невелика в сравнении с рисками, которые возникают в рамках президентской системы, работающей по принципу «победитель получает все».

Любую систему нужно встраивать в контекст страны. У нас есть печальный опыт функционирования смешанной системы в 1991–1993 годах. Правда, тогда речь все же шла о нестыкующихся фрагментах разных исторических эпох и институтах, которые претендовали на монополию власти. В любом случае России придется выходить из суперпрезидентства, которое, как доказал М. Краснов, и с политической, и с конституционной точек зрения блокирует модернизацию общества.

В каком направлении нам двигаться? Какая форма властвования и какой политический режим окажутся в российских условиях наиболее эффективными, если говорить об интересах модернистского проекта? Можно только приветствовать идеи М. Краснова относительно премьерско-президентского режима, пусть необязательно повторяющего французскую модель. Можно рассмотреть и вариации португальской либо финской модели смешанных режимов власти, доказавших свою эффективность. Мне очень близка идея дуализма лидерства и распределения обязанностей между президентом и премьером, которое должно предотвратить авторитаризм власти. Но в таком случае мы должны подумать и о том, как избежать другой угрозы – распыления ответственности и воспроизводства безответственности, перетягивания каната

между премьером и президентом, особенно если окажется, что они будут членами разных партий. При размышлениях о новой политико-правовой конструкции нужно думать о том, как создать эффективный механизм взаимосвязи между выборами, партиями, правительством и президентом, причем выстраивая ее снизу, а не сверху, как сейчас. Однако в этой связи у меня возникает следующий вопрос, возможно риторический, которым я и завершу свое выступление.

Давайте взглянем на те процессы, которые происходят с мировой политикой и ее основными атрибутами. Кажется, Кардозо был первым, кто заявил, что старая политика себя исчерпала и наступает время новой политики. Он имел в виду, что политика, основанная на традиционных институтах – партиях, парламенте, выборах, начинает устаревать. Об этом свидетельствует кризис европейской модели политического развития, когда европейские партии, представленные в Европарламенте, проголосовали за европейскую конституцию, а лоббистские группировки регионов, органы самоуправления, представители СМИ выступили против нее и убедили в этом население в целом ряде стран, включая Францию. Обратим внимание, что медиа, локальные сообщества могут быть гораздо эффективнее в продвижении своих интересов, чем партии. Так вот, мой вопрос: должны ли мы, размышляя о новой российской системе, повторять традиционный цикл XIX–XX веков, по которому шли либеральные демократии, либо следует учесть и новый зарождающийся опыт, в первую очередь опыт европейской политики? В таком случае гражданское общество, экологические организации, Комитет солдатских матерей, Союз журналистов и другие подобные организации населения могут оказаться важнее, чем партии в сфере представительства интересов.

И последнее. И. Шаблинский поднял очень интересную проблему, которая связана с темой нашего обсуждения. «Единая Россия» действительно «своим брюхом» лежит на той массе населения, которое готово проголосовать за «Родину» либо другую национал-популистскую силу. Точно так же и президент Путин и его команда сегодня не дают прийти к власти гораздо более жесткому авторитаризму. Все это так. Но мы понимаем, что чем больше «Единая Россия» заполняет политическое пространство, тем больше угроза того, что население, устав от «партии власти», будет поддерживать экстремистские силы. Чем дольше нынешняя команда сидит в Кремле, тем сильнее угроза, что она будет стимулировать запрос на более агрессивный тип авторитаризма. Тем более что политическая конструкция толкает к такому сценарию: при гибридной системе, если страна не идет вперед, к демократии, то она неумолимо откатывается назад.

Георгий Сатаров: «Единственный обнадеживающий фактор состоит в том, что спрос на демократическую альтернативу по-прежнему существует»

Перспектива демонтажа персоналистского режима представляется мне вполне реальной. Даже если нам предстоит иметь дело с преемником Путина, у которого будет единственная квазилегитимность, а именно сам Путин, то все равно он вынужден будет Путина отрицать в поисках новой легитимности. Точно так же как Хрущев должен был отрицать Сталина, в результате чего последовала оттепель, а Горбачев – Брежнева и застой, после чего опять наступила оттепель. При этом каждый из них не понимал последствий своего отрицания и последствий этой оттепели, они только реагировали на сложившуюся до них ситуацию.

Игорь Клямкин:

Если Путин уйдет при 70-процентном рейтинге, то зачем преемнику его отрицать?

Георгий Сатаров:

Чтобы утвердить себя. Не более того. Сценарий оттепели как инструмент поиска новой легитимности после отрицания предшественника использовали чуть ли не все наши цари –

каждый новый царь поначалу пытался ввести послабления для какой-нибудь группы. При Хрущеве это были одни группы, при Горбачеве – другие. Аналогичные процессы – с поправками на время – будут, возможно, происходить и после Путина. Я говорю про плавный сценарий при страхующем, управляемом наследовании режима. Но такой тип наследования может приводить и к сценариям дестабилизирующим.

Для этого в России уже есть основания, потому что в стране растет средний класс. В такой большой стране, как наша, затормозить этот рост принципиально невозможно, это неконтролируемо. Средний класс начинает организовываться с фантастической скоростью и с не меньшей скоростью – политизироваться, потому что его неуспехи в решении своих проблем посредством самоорганизации неизбежно приводят его к политизации. Я наблюдаю разные такие группы, которые на три порядка эффективнее тех, что были 15 лет назад. Например, прагматики-менеджеры с отличным знанием всех современных технологий и с очень жесткой реакцией на происходящее, потому что они уже реально владеют собственностью среднего размера, за которую люди перегрызают глотки. Это все, повторяю, развивается непредсказуемо и может вылиться как в фашизм, так и в демократию – шансы пока назову равными, потому что они непонятны.

Единственный обнадеживающий фактор состоит в том, что спрос на демократическую альтернативу по-прежнему существует. Как ни странно, он не уменьшился. Уменьшился спрос на тех, кто пытается ее имитировать. Таких людей посылают куда подальше, но не нужно это выдавать за кризис идеи либерализма и демократии в стране. Его нет. Точнее, нет кризиса спроса, а есть лишь кризис предложения. И с этим надо работать.

Игорь Яковенко: «Импульсы демократической модернизации придут только из общества, где нет ни „вертикали власти“, ни „системы назначений“»

Мне кажется, все-таки надо договориться насчет метода анализа. Во-первых, я по-прежнему возражаю против сведения институционального подхода к правовому, это неправильно. Поэтому я и говорил о необходимости дополнить правовой анализ, который имеет право на существование, другими методами, в частности социологическим. Во-вторых, сами правовые нормы начинают работать только тогда, когда на что-то опираются. Сами по себе они не работают. А опираются они не только и не столько на насилие, сколько на упругую среду гражданского общества. Если такая среда, которая проявляется прежде всего в том, что люди обращаются в суд, объединяются в какие-то корпорации, в значительной степени автономные, способные себя защищать, – если такая среда существует, то в этом случае работает и закон. Только так и не иначе.

Один пример. У нас лучший в мире на сегодняшний день закон о средствах массовой информации. Поэтому, когда говорят о том, что нужна правовая защита свободы СМИ, я просто не понимаю, о чем идет речь: у нас, повторяю, лучший в мире закон о СМИ, это показывает экспертный анализ с участием ведущих зарубежных экспертов. Чего еще желать? Да, нужна регуляция в области телевидения, нужен закон об общественном телевидении, но с точки зрения базовых законов ничего лучшего во всем мировом законодательстве нет. Так почему закон не работает? Потому что не опирается на упругую среду гражданского общества.

Если же говорить о необходимости правового анализа в целом, дефицит которого ощущается, то напоминаю М. Краснову, что за ним остался долг с момента нашей совместной работы над проектом «Конституционное обустройство России». Мы тогда установили, что одна из фундаментальных проблем России заключается в том, что это самая гетерогенная в мире страна. Разница между двумя субъектами Российской Федерации по всем показателям огромна. Вы не найдете двух европейских стран, которые больше бы отличались друг от друга, чем, например, Калмыкия и Пермская область. Отсюда резкие колебания исторического маятника: от унитарии до конфедерации. То у нас абсолютно унитарная страна, какой был Совет-

ский Союз, то маятник молниеносно проскакивает уровень федерализма, и мы «попадаем» в конфедерацию. Это проблема, которая действительно нуждается в решении, в том числе и методом правового анализа.

Факторы, о которых говорил А. Зудин, – рынок, Запад и избиратель, безусловно, не являются константой. Но если сейчас они действуют именно так, то почему завтра они должны начать действовать таким образом, чтобы уменьшить степень авторитарности нашего режима и изменить его персоналистский характер? Тем более что каждый из этих факторов проявляет себя неоднозначно. В частности, Запад частично готов интегрировать нашу элиту, но не готов интегрировать Россию в целом.

Г. Сатаров говорил, что следующий президент будет отрицать нынешнего. Да, он обречен на такое отрицание, это совершенно очевидно, но от чего именно он будет отказываться, что именно будет отрицать в сегодняшнем Путине? Будет ли он рубить остатки демократии и двигаться дальше в сторону персоналистского режима более жесткого толка, или он будет рубить некоторые конструкции персоналистского режима? Кто ему вектор задаст?

Михаил Краснов:

Мы, аналитическое сообщество.

Игорь Яковенко:

Степень автономности экспертного сообщества за эти годы резко уменьшилась, равно как и его роль и влияние на политическую элиту. И состав советников существенно изменился в Администрации президента, и структура самой администрации изменилась, и роль этих советников в Думе и в политических партиях тоже изменилась. Их вытеснили, подобно тому как в СМИ произошло вытеснение журналистики политтехнологиями. Так что эта гипотеза не представляется мне убедительной.

Лилия Шевцова:

На трансформацию режима может повлиять обвал нефтяной цены.

Игорь Яковенко:

Может быть. Но это не очень предсказуемая вещь. Я не слышал точных прогнозов, когда это «счастье» с нами произойдет. Это может случиться завтра, а может – через двадцать или тридцать лет. Поэтому эта гипотеза мне неинтересна, во-первых, в силу моего глубочайшего дилетантизма в данной сфере, а во-вторых, потому, что это не случится в ближайшее время.

Мне представляется, что искомой точкой роста может быть только гражданское общество. Оно развивается по своей внутренней логике, которая в правовой системе не работает, потому что там в нее вмешиваются, там низкая степень автономности. Между тем в системе гражданского общества существуют достаточно автономные образования. Вот вдруг автомобилисты объединяются, и не стоит над этим смеяться. Речь идет о реальных и совершенно неожиданных поворотах, которые являются фундаментом и внутренним источником преобразований, поворачивающих судьбы народов. Источники, конечно, бывают разные. Иногда это изменение внутри религии, чему масса примеров и что проанализировано в истории социологической мысли. Иногда это изменение, допустим, в СМИ, дающее толчок всему обществу, – таких фактов тоже немало. Но это могут быть и автомобилисты, и профсоюзы, и солдатские матери, которых достанет наша армия. Приходится слышать: с чего вдруг они начнут самоорганизовываться и действовать? Всерьез заденет – начнут.

Лилия Шевцова:

А нужно, чтобы задело?

Игорь Яковенко:

Нужны два обстоятельства. Во-первых, нужно, чтобы бюрократическая система совершила то количество глупостей, на которые она обречена, будучи лишенной способности к прогнозированию, и которые рано или поздно заденут огромные массы людей. Во-вторых, нужны усилия по структуризации гражданского общества. Ничего не делается само. Я могу сослаться на пример самоорганизации медийного сообщества. Точками его кристаллизации могут быть самые разные вещи, роль исторической случайности свободы воли социально-политического электрона здесь фантастически велика. Если бы в 1998 году я не создал национальную тиражную службу, которая сертифицирует тиражи, ее бы не было до сих пор, это я точно знаю.

Аналогичным образом, точки роста, точки кристаллизации структур гражданского общества могут быть разбросаны по всему социальному полю, и где именно произойдет концентрация социальной энергии, как она повлияет на будущего преемника Путина и в каком направлении заставит его действовать – это я предсказать не могу. Но я убежден в том, что источником и стимулом перемен может быть только то, о чем я сказал.

Что же касается деградации политических элит, то это рукотворный процесс. Есть исследования, которые это подтверждают. Была проведена тотальная зачистка целого ряда полей. Создан политический лифт, поднимающий наверх антиэлиту, т. е. лифт, работающий от кнопки «плохая репутация». Происходит отбор антиэлиты, в среде которой не могут инициироваться модернизационные инновации. Поэтому точка роста находится за ее пределами. Импульсы демократической модернизации придут только из общества, где нет ни «вертикали власти», ни процедуры назначений: солдатских матерей не назначают. Такие импульсы могут быть и во властных структурах, но там они отторгаются. Это мертворожденные структуры, которые не являются точками роста.

Лилия Шевцова:

Как же этот импульс приведет к реорганизации системы?

Игорь Яковенко:

Есть два сценария, и они известны. Мне незнакома теория управляемого социального взрыва, и я не хочу рассматривать сценарий такого взрыва именно потому, что не знаю, как им управлять. Что касается другого варианта, то речь идет о создании более или менее нормального политического рынка. Когда существует электоральный рынок, тогда любой политик должен будет прийти к автомобилистам, к солдатским матерям, в профсоюз, в Союз журналистов, т. е. прийти к владельцам голосов и сказать, чего он хочет, а также услышать то, чего от него требуют. И это реальная перспектива не пятидесяти, а ближайших пяти лет. Это возможный сценарий, потому что здесь есть точка роста. Если же общество останется атомизированным, тогда наиболее реальные сценарии – либо воспроизводство ухудшенного варианта персоналистского режима, либо социальный взрыв.

Игорь Клямкин:

Все сказанное И. Яковенко представляется мне очень важным. По крайней мере, просматривается перспектива, которую, кстати, чувствует и персоналистский режим. Чувствует и пытается заблокировать, причем не только посредством давления на гражданские организации, но и посредством создания имитационных структур гражданского общества, подконтрольных режиму. Более того, во власти и обслуживающих ее пропагандистских институтах появляются люди, готовые поддерживать спонтанную низовую активность тех же автомобилистов в их протесте против несправедливого судебного решения. Но делается это для того, чтобы не допустить вмешательства гражданских организаций непосредственно в сферу политики. То есть

не для того, чтобы осуществить трансформацию персоналистского режима, а для того, чтобы сохранить его, представив вполне совместимым с гражданским обществом.

Владимир Лапкин: «Определенный „откат назад“ – это наиболее реалистичный вариант политического развития России в обозримой перспективе»

Я начну с тезиса о неустойчивости и неэффективности персоналистского режима, что было отмечено И. Клямкиным в самом начале обсуждения. Но если этот режим неустойчив, то он обречен на перемены. При этом качество предстоящих изменений остается под вопросом, а возможность улучшений в процессе такой трансформации представляется неочевидной. Что же тогда придет на смену нынешнему персоналистскому режиму?

В связи с этим не могу согласиться с утверждением А. Зудина, что наша бюрократия – это такой инструмент в руках власти, который имеет чисто функциональное значение. На мой взгляд, бюрократия и есть ключевой общероссийский политический институт согласия, который сейчас интенсивно набирает силу и становится решающим в процессах выработки политического компромисса во властной элите. Он формируется как вполне очевидная конкурирующая альтернатива проектам самоорганизации в рамках структур гражданского общества или в рамках бизнес-структур мелкого и среднего уровня. Во второй половине 1990-х годов казалось, что такой альтернативы уже не существует, что все это в прошлом, что бюрократия никогда уже не будет претендовать на роль демиурга российской политики. Но вскоре после прихода к власти нового президента и экспертное сообщество, и широкая публика «неожиданно» обнаружили: то, что, казалось бы, ушло в прошлое, возвращается. Перспектива движения по пути властно-бюрократической консолидации общества представляется с каждым годом все более реальной, а структуры, впрямую олицетворяющие власть бюрократии, становятся главными игроками на российской политической сцене. Это возвращение бюрократии на первые роли в политическом процессе и является для меня самым сильным доводом в защиту тезиса о реальности ее (бюрократии) претензий на роль ключевого института политического согласия в сегодняшнем российском обществе.

Каким в этой новой ситуации окажется итоговый выбор интенсивно растущих сегодня структур мелкого и среднего бизнеса? Станет ли таким выбором политическая консолидация под колпаком властвующей бюрократии федерального или регионального уровня? Либо, заведомо бросая вызов бюрократии, бизнес предпочтет стратегию формирования автономных структур политической самоорганизации?

Это очень серьезный вопрос с точки зрения перспектив российской политической жизни, и основная политическая игра идет сейчас именно на этом поле. Нет никаких сомнений в том, что в интересах российской властвующей бюрократии – блокировать всякое движение к правовой государственности. Альтернативой этому для страны является самоорганизация тех самых слоев среднего и мелкого предпринимательства. Их сверхзадача, если временно отстраниться от вопроса о ее реализации, заключается в том, чтобы последовательно отстаивать свои права собственности и двигаться к легитимации и даже кодификации сложившихся практик владения.

Но проблема в том, что затянувшиеся и крайне непоследовательные постсоветские социальные трансформации сформировали не очень благоприятные условия для того, чтобы право собственности получило активную поддержку в обществе. Особенно с учетом нарастающего давления на эти процессы со стороны бюрократии. Казалось бы, мы имеем дело с естественным, достаточно длительным процессом постепенного, но чрезвычайно глубокого социального изменения. Исторические механизмы такой трансформации хорошо известны. Но, как показывает исторический опыт, наиболее эффективные и форсированные изменения обусловлены, как правило, внешним принуждением к этой самой трансформации отношений права и собственности.

Если говорить о России, то очевидно, что ни в 1991 году, ни сейчас, ни в ближайшем будущем условий, необходимых для реализации такого форсированного варианта, не было, нет и не будет. Поскольку условия реализуемости такого варианта требуют, во-первых, недвусмысленного геополитического поражения той страны, в отношении которой осуществляется принуждение к трансформации; во-вторых, столь же недвусмысленной решимости мирового лидера на долговременные и последовательные усилия и значительные ресурсные вложения в проект такой трансформации; и в-третьих, гораздо большей внутренней готовности объекта принуждения к предстоящим преобразованиям, чем это было и имеется сегодня в России.

Лилия Шевцова:

Все эти предпосылки существовали в свое время в Японии.

Владимир Лапкин:

Япония действительно уникальный случай ранней и в целом вполне успешной модернизации, осуществленной не на западноевропейской социокультурной основе. Японское общество оказалось внутренне подготовленным к такой трансформации, и после 1945 года внешней администрации осталось «всего лишь» осовременить институциональные формы в политической и экономической сферах, которые успешно прижились и стали основой послевоенного «японского чуда».

Если же вернуться к России, то наиболее вероятный, с моей точки зрения, вариант развития событий, тот, о котором говорила Л. Шевцова. Я говорю не о желаемом, а об имеющем наибольшие шансы реализоваться. Выход из нынешнего стратегического кризиса российского политического развития, скорее всего, возможен лишь через некий этап частичной (надеюсь, не тотальной) деструкции сформировавшихся в последние 15 лет демократических институтов. Мне кажется, что такой вариант развития (через определенный «откат назад») надо рассматривать как наиболее реалистичный. Не в смысле полной покорности неизбежному, напротив, он позволит проанализировать и понять причины деструктивных тенденций развития страны и возможные механизмы их сдерживания, а также выявить точки роста политической субъектности, способной в будущем сформировать более эффективные стратегии российской модернизации.

Причину неизбежности и, по существу, необходимости такой эволюционной паузы в российском развитии я вижу в том, что ни существующий политический режим, ни его радикально настроенные оппоненты не готовы к преодолению нынешнего политического кризиса, более того, нечувствительны ко многим его симптомам и безразличны к порождающим его социальным противоречиям. При этом первый практически не способен к качественному улучшению, а вторые явно преувеличивают свою способность управлять революционной стихией, на мобилизующий потенциал и сокрушительную мощь которой они рассчитывают.

В этом отношении очень поучителен, на мой взгляд, опыт «оранжевой революции» в Украине. Идеализм ее массовых участников все более уходит в тень, а неприглядные прагматические последствия все более проявляются. И самое главное, не происходит принципиального улучшения качества политического класса Украины. Это очень плохой признак. Структуры, самопроизвольно возникшие в ходе «оранжевой революции», так и не смогли добиться реального политического представительства. Сплоченность политического класса, сформировавшегося в первое постсоветское десятилетие на основе принципов олигархического правления, оказалась несокрушимой. Это не только украинская политическая драма, это очень плохой симптом и для России.

Игорь Клямкин:

При анализе системных трансформаций не исключена опасность попадания в ловушку объективизма. Ведь всегда есть возможность доказать, что трансформация системы – в том виде и с теми результатами, какие хотелось бы получить, – невозможна. Строго говоря, при таком подходе не остается места для логики целеполаганий, для акторской логики. Если бы люди могли просчитывать заранее все «неприглядные последствия» своих действий, то не было бы в мире никаких революций, в том числе и киевской «оранжевой». У вас получается, что лучше бы этой революции не было вообще. Но как вы тогда себе представляете трансформацию систем и роль в этой трансформации низовой активности? И надо ли понимать так, что для Украины было бы лучше, если бы она вместо Майдана пережила «этап частичной деструкции демократических институтов» и «откат назад»?

Владимир Лапкин:

Еще раз повторю, значение «оранжевой революции» колоссально для России и очень важно именно потому, что это историческое событие дает уникальный опыт глубокой институциональной трансформации политической системы, сложившейся в постсоветский период. Значение этой попытки, этого уникального социального эксперимента трудно переоценить. Тем более что этот опыт по многим параметрам может быть использован при моделировании процессов политической трансформации в России. И не только может, но и должен быть использован. И очень хорошо для России, что Украина прошла по этому пути первой, взялась испытывать на себе рискованные технологии и практики такого рода.

В то же время мне представляется, что искусство политического целеполагания и целедостижения отнюдь не сводится к спонтанному принятию волевых решений. Всякий раз политическое действие предваряется неким мысленным экспериментированием и моделированием ситуации. И «оранжевая революция» предоставляет отличную возможность уточнить ограничения и инварианты социально-политических трансформаций на постсоветском пространстве. Потому что всякое разумное, осмысленное действие возможно только тогда, когда есть адекватное представление о граничных условиях и коридоре возможностей. В этом смысле опыт «оранжевой революции» проанализирован пока что явно недостаточно.

Игорь Клямкин:

Если бы можно было все заранее просчитать и смоделировать, то «оранжевой революции» не было бы. Если бы люди знали, что будет происходить потом, они не стояли бы сутками на площади. Но тогда не удалось бы добиться и того частичного результата, которого они добились, – утверждения демократической процедуры выборов. Трансформация систем снизу иначе и не происходит, кроме как через идеализацию частичных целей, через иллюзии относительно их универсальности.

Илья Шаблинский: «Необходимо создание новой консолидированной демократической партии»

Я предпочитаю оставаться в рамках реальных возможностей. Во-первых, реально возможно, как я уже говорил, создание общественного совета по использованию эфирного времени государственными телевизионными каналами, вещающими на определенной частоте. Есть мировые стандарты, скажем стандарт Би-би-си, которые, пусть не в полной мере, могут быть использованы. В формировании этого совета должны принять участие все крупнейшие политические силы.

Второе. Никакие законодательные инициативы не помогут в преддверии 2007–2008 годов, если не будет создана сила, способная реализовывать некоторые подразумеваемые идеи. Необходима новая консолидированная демократическая партия. Ее созданием занимаются многие опытные люди, пока у них получается плохо, но есть и некоторые локальные успехи,

например формирование единого демократического списка на выборах в Московскую городскую думу. На мой взгляд, лучше создать совсем новую партию на основании всех имеющихся – нужны новые идеи, новые бренды, новые лица. Если к 2007 году такая партия не будет создана, на что тогда сетовать?

Игорь Клямкин:

Подводя итоги дискуссии, хочу сказать, что между участниками обсуждения не обнаружилось существенных разногласий в оценке российской политической системы и персоналистского режима. В то же время они разошлись в оценке темпов и способов трансформации, равно как и в представлениях о возможных субъектах последней.

Михаил Александрович Краснов просил предоставить ему возможность присутствовать на обсуждении, активно в нем не участвуя. Он намерен изучить стенограмму и подготовить развернутые ответы на прозвучавшие замечания и предложения. Я бы просил его более обстоятельно представить свой проект институциональных изменений. В обсуждавшемся тексте приведена информация о том, как устроены президентско-парламентские системы в других странах, показано их сходство с российской системой, как и отличия от нее. Однако каким мог бы быть оптимальный вариант политической системы именно для России, автор статьи не говорит, ограничившись предельно общим соображением о необходимости создания правового государства, где в законодательстве участвуют разные субъекты. Михаил Александрович обещал представить детальный проект реформирования персоналистского режима, и я надеюсь, что вскоре мы сможем с таким проектом ознакомиться. Думаю, было бы также полезно, если бы автор, с учетом высказанных здесь критических замечаний, вернулся к вопросу о субъектах трансформации.

Апрель 2006 г.

ЧАСТЬ II
ШАГИ ВПЕРЕД ИЛИ ПОПЯТНОЕ ДВИЖЕНИЕ?
Монологи о президентстве Владимира Путина и его итогах

Виктор Кувалдин
«Путин пришел как стабилизатор, поэтому реформы Путина призван завершить его преемник»

О природе нынешнего Российского государства

Начну с вопроса о природе нынешнего Российского государства. Если подразумевать под ним политическую конструкцию, создававшуюся после разрушения СССР на территории Российской Федерации, то здесь надо выделить два периода: 1990 годы и время после 2000-го. Безусловно, между ними существуют связующие нити. И, может быть, первой в их числе следует назвать Конституцию 1993 года. Она создавалась в условиях жесткого противостояния президента и парламента и без помех доделывалась после его кровавого завершения (т. е. событий октября 1993 года), исходя из потребностей Ельцина и его окружения. И уже тогда многие отмечали, что и заложенные в этой Конституции нормы, и легко прогнозируемая практика их применения будут мало соответствовать американским и французским образцам, использовавшимся при ее разработке.

Так в итоге и получилось. Полагаю, что в период правления Ельцина не предпринималось сколько-нибудь серьезных усилий для формирования прочных институциональных основ российской государственности. В этом, наверное, и заключался основной интерес окружения Ельцина – сохранить «размытое» состояние политических институтов и особое, вознесенное над остальными ветвями власти положение президента.

Для президентства Путина характерно иное. В первую очередь следует отметить создание им так называемой моноцентрической системы. Думаю, что во многом это было продиктовано обстоятельствами его прихода к власти, тем тяжелым наследием, которое он получил от Ельцина. Первая задача, которую он, как президент, поставил перед собой, заключалась в том, чтобы собрать страну и любыми средствами обеспечить управляемость политическими и, по возможности, другими общественными процессами. Наиболее простой и опробованный в России способ решения проблем – это, конечно, усиление режима личной власти. Но сейчас президентство Путина подходит к концу. Считаю, что свое место – и неплохое – в российской истории он себе обеспечил. В то же время полагаю, что созданная им система персональной верховной власти окажется наиболее дискуссионным элементом его политического наследия.

В частности, результаты проведенной политической реформы, как мне представляется, в конечном счете окажутся лишь «времянкой» с невысокой степенью эффективности, под которую наследникам Путина так или иначе придется подводить другой фундамент. Может быть, ставить все сразу на надежное основание было слишком трудно, но уже сегодня потребность в такой «переделке» представляется очевидной.

Наглядное подтверждение тому – нарастающий драматизм проблемы передачи верховной власти в стране. Если бы у нас была сложившаяся, эффективно функционирующая

система, то личность лидера была бы не столь важна. Все понимают, что от того, кто окажется, скажем, в Белом доме или Елисейском дворце, зависит многое, но ни в США, ни во Франции никто не ждет прихода нового президента как светопреставления. У нас же ожидания, надежды и опасения, порождаемые фигурами возможных «наследников», принимают чуть ли не эсхатологические черты. И для этого есть определенные основания, поскольку в нашей политике сложилась система ручного управления, полностью зависящая от того, кто «у руля». Президент и его Администрация стали основными политическими институтами страны. Возможно, подобная конструкция имеет смысл для решения текущих проблем, но для следующего этапа модернизации российского общества это отнюдь не самая эффективная система.

Такая система плохо совместима (если вообще совместима) с федеративным государством, которое подразумевает иную модель отношений центральной власти и субъектов Федерации, чем та, что сложилась у нас за последние годы. Такая система слабо стимулирует и партийное строительство в стране, не способствует органичному формированию партийно-политических институтов. Наконец, засилье бюрократии и разгул коррупции, ставшие притчей во языцех и воспринимающиеся одной из первопричин наших бед, в рамках сформировавшегося политического режима предстают неизбежным злом, справиться с которым не представляется возможным.

Впрочем, решающее слово в этом вопросе сможет сказать только история. Но уже сейчас ясно, что историческая оценка деятельности Путина не может и не должна определяться только изъянами моноцентрической системы.

Мифы о Путине versus то, что было им реально сделано

Путину часто приписывают – в том числе и некоторые участники данной дискуссии – стремление возродить некую прерванную традицию российской государственности, обеспечить преемственность с ней, используя для этого традиционные механизмы централизации власти. Однако в моем представлении Путин – весьма прагматичный политик, вряд ли склонный мыслить в таких категориях. Да и какую традицию восстанавливать? Советскую? Вроде бы неуместно. Дореволюционную? Слишком романтично и несолидно для серьезного лидера.

Думается, что Путин решал сугубо практические проблемы, сводившиеся к тому, чтобы а) обеспечить управляемость политической системы страны и консолидацию элиты и б) побыстрее нейтрализовать последствия действий тех субъектов российской политики, которые несли в себе угрозу российской государственности. В ряду последних выделю прежде всего 1) так называемых олигархов и 2) региональные элиты.

Что же удалось ему изменить в российской политике за два президентских срока? Полагаю, что немало.

Прежде всего, произошло определенное переформатирование элит. Сегодня они прочнее связаны с отечественной почвой, их поведение в большей мере определяется факторами внутренней политики. А те, кто хотел убежать из страны, это сделали или сделают в ближайшее время.

Важно также, что Путину удалось добиться значительных изменений в том, что касается позиций региональных элит. Сегодня это уже не те «бароны», которые заседали в верхней палате парламента и разговаривали с федеральной властью на равных. Все они отправлены на места и занимаются там хозяйственными делами.

Конечно, правящую элиту не может не тревожить вопрос о гарантиях устойчивости власти в переходный период. Такой гарантией может стать достаточно активно формирующаяся система интересов и их согласования во всех составляющих нашего социального организма. Достигнут определенный консенсус между интересами «элиты», стремящейся сохранить существующий порядок вещей, и интересами молчаливого (а иногда и не очень) пропутинского

большинства. Высокий рейтинг Путина – не фикция, равно как и его поразительная стабильность.

Путин оказался своего рода «тефлоновым президентом» – так же, как в свое время Рональд Рейган. Общественное мнение не принимает в расчет ошибки и неудачи таких лидеров, их нереализованные замыслы, но зато записывает им в актив все то хорошее, что произошло при них в жизни страны. Постоянно соотнося Путина с Ельциным (а другого метра для сравнения у них пока просто нет), люди инстинктивно готовы ограждать его от критики политических противников.

Если сравнивать с 1990-ми годами, то структурирование общества и групповых интересов и в самом деле осуществлялось в период правления Путина достаточно успешно в самых разных направлениях, причем не в последнюю очередь за счет решения социально-экономических проблем. Поэтому, возвращаясь к вопросу о гарантиях устойчивости власти и ее преемственности, можно сказать, что серьезных объективных причин для беспокойства сегодня нет. Если уж в 1998–1999 годах, когда ситуация в стране была гораздо хуже, удалось обеспечить передачу власти в соответствии с Конституцией и без особых потрясений, то есть основания полагать, что это удастся сделать столь же спокойно и в 2007–2008 годах. К тому же в этом отношении накоплен и определенный опыт.

Для исторического анализа Путин и его президентство представляют большой интерес. Пытаясь понять природу выстроенной им политической системы, аналитики говорят нередко об ее институционально-правовой обусловленности, о том, что она является производной от действующей Конституции. Эта тема стала в нашей дискуссии одной из главных, и я к ней еще вернусь. Но не менее важным в президентстве Путина мне кажется и другое, а именно – то отношение, которое он продемонстрировал к унаследованным им правовым институтам, ограничивающим время его пребывания у власти. Он давно заявил: «Я менять Конституцию не буду». И тогда, и сейчас у меня не было и нет серьезных сомнений в его верности своему слову. Мне кажется, что сегодня к этой точке зрения так или иначе склоняется большинство экспертов.

Как удается Путину устоять перед соблазнами власти? Можно обнаружить самые разные причины такого его отношения к правовым нормам: здесь и его юридическое образование, и опыт жизни в Германии, и свойственное ему лично уважение к закону, для России нехарактерное. Конституция для него – не просто формальная рамка. Он воспринимает ее серьезно, она – органичный элемент его мировидения.

И еще Путину свойственно чувство меры. Как политик, как человек с определенным профессиональным опытом и, в конце концов, как дзюдоист, он очень осторожен, не теряет ощущения пределов своих возможностей и старается за эти пределы не заходить. Поэтому он адекватно и реалистично воспринимает себя в «предлагаемых обстоятельствах».

Как изменять и выправлять недостатки сформировавшейся системы?

Теперь о том, как изменять и выправлять уже упоминавшиеся мною пороки и изъяны сформировавшейся системы. Осуществляя в России политические перемены, следует быть предельно осторожными. За минувшее столетие страна пережила два трагических катаклизма – 1917 и 1991 годов. Их результаты – две национальные катастрофы – должны нас чему-то научить.

По какому пути пойти? Можно поспособствовать формированию в стране ответственных политических субъектов, что могло бы позволить сделать первые шаги от суперпрезидентской республики (это моя давнишняя точка зрения: у нас не президентская, а суперпрезидентская республика) к нормальной президентской республике. А президентская республика

станет гарантией того, что уважение к Конституции и Закону будет нормой для любого президента и любого политика.

Но такой переход означает, что нам надо всерьез озаботиться и состоянием нашего парламента, превратившегося в значительной мере в машину для голосования. Хорошо, что он является надежным партнером президента, но он должен также иметь возможность выполнять и функцию оппонента. Учитывая же, что мы живем в федеративном государстве, в этом качестве должны выступать обе палаты – и нижняя, и верхняя.

Наконец, проблема свободы средств массовой информации. Не думаю, что можно просто ограничиться заявлением, что Кремль подмял под себя СМИ. Я не в восторге от того, как средства массовой информации использовали свою свободу в 1990-е годы. Свобода вроде бы была, но для кого? Была свобода олигархии, поскольку, за редчайшим исключением, за всеми сколько-нибудь влиятельными СМИ стоял крупный капитал. Но вряд ли можно признать нормальным и такое положение дел, когда все общенациональные каналы стали государственными.

Мы вступаем сейчас в особую фазу, в очередной избирательный цикл. Чем в такое время должны заниматься СМИ? Формировать многочисленные площадки для общенациональной дискуссии по ключевым вопросам, которые через год будут определять политический выбор сообщества: куда мы пришли, каким путем и почему, что нам делать дальше и как это сделать наилучшим образом, какие политические инструменты выбрать для достижения поставленных целей?

Но сегодня такая общенациональная дискуссия, даже если она будет инициирована, может разворачиваться, учитывая состояние наших СМИ, только в очень редуцированных и превращенных формах. Иными словами, все ограничится зашифрованной полемикой где-то в кулуарах власти. Потому что в сформировавшейся у нас политической системе подобные дискуссии не стали нормой. Ни одно важное решение, принимаемое властью после 1991 года, не подвергалось проверке общенациональной дискуссией.

Правда, есть разница между ельцинским и путинским периодом. До 2000 года было много дискуссий, но они не имели практического значения для принятия политических решений. А после 2000 года и сами дискуссии стали сходить на нет как вроде бы пустое занятие. Но это ведь ненормально и даже нелепо: что ни говори об особенностях сегодняшнего моноцентричного режима, мы живем в гораздо более свободной стране, чем, скажем, СССР 1985 года. Почему же мы не можем открыто и широко обсуждать наши проблемы?

Несколько слов о самой моноцентричной системе. Ее создание было обусловлено чрезвычайной ситуацией, но всякая чрезвычайщина имеет короткое историческое дыхание. Моноцентричная система – система ручного управления, созданная под одного человека. И если мы действительно думаем о будущем нашей большой и чрезвычайно сложной страны, надо создавать эффективные институты.

Это тем более необходимо, что управлять постсоветской Россией становится все сложнее. Пространство свободы на повседневном уровне постепенно, но неуклонно расширяется. Да, конечно, по-прежнему бедность прижимает к земле. Но экономической свободы, мне кажется, становится больше хотя бы потому, что тиски нищеты все же ослабевают, люди начинают что-то искать, пробовать. Однако они действуют на ощупь, интуитивно, по-прежнему не располагая эффективными инструментами самореализации в различных сферах деятельности. Эти инструменты надо тщательно и упорно создавать, они просто так не появятся. Я не верю в чудодейственные способности стихийного рынка, эдакую псевдоромантическую утопию первой половины 1990-х. Строительство институтов – задача и ответственность политической элиты страны; именно она должна создавать соответствующие инструменты для общества, и это в первую очередь в ее же интересах.

Под элитами я понимаю влиятельные бизнес-группы, наиболее дальновидную часть государственной бюрократии, экспертное сообщество. Конечно, по поводу возможностей нынешней бюрократии существует изрядный и вполне обоснованный скепсис, но есть основания полагать, что ее эволюция в позитивном направлении все-таки возможна. К тому же, как мне кажется, после 2000 года этос верхов начал меняться.

Публично не афишируемый, но, увы, реальный этос наших, с позволения сказать, элит в 1990-е годы был таков: «хапнуть и убежать». Однако в последние годы в элите идет внутреннее размежевание, смена вех, новое формулирование приоритетов. Медленно, мучительно формируется набирающее силу, хотя и не преобладающее направление, представители которого понимают, что их будущее определяется здесь и сейчас. И не потому, что они такие большие патриоты, а потому, что трезво понимают, что за пределами России никому не нужны – там им светит разве что положение благополучных рантье. Да и то неизвестно, как еще может повернуться дело.

Михаил Краснов обратил внимание на серьезную коллизию, заложенную в нашей Конституции, на то, что реальное функционирование институтов в заданных ею рамках неумолимо ведет к утверждению персонализма, преодолеть который, оставаясь в этих рамках, практически невозможно. Я полагаю, что ситуация все же не столь безотрадна. Хотя бы потому, что в Конституции заложен и механизм ее изменения. Запускать его сегодня было бы политически неверным, поскольку неизбежно возникло бы подозрение, что коррекции осуществляются под Путина. Но мне думается, что уже сейчас можно было бы начать подготовку Конституционного собрания, призванного выработать проект изменений. Время для этого вполне подходящее. Следует инициировать созыв Конституционного собрания с таким расчетом, чтобы было заранее ясно, что его решения не затрагивают срока полномочий действующего главы государства.

Почему это лучше сделать сегодня? Потому что именно во время избирательного цикла основным претендентам на пост президента следовало бы высказаться по поводу желательных изменений в Конституции и политической системе страны. Сделать это им следует до 2008 года, т. е. до того, как граждане начнут делать свой выбор. Это позволило бы в 2008 году уйти от сомнительной практики «голосования сердцем», а вместо этого осознанно выбирать определенную стратегию политического развития, ясно представляя и то, какие институциональные механизмы будут задействованы для решения поставленных задач.

Согласен: с нынешней Конституцией мы далеко не уедем. Но принять Конституцию в 1993 году, потом поменять ее, скажем, в 1998-м и еще раз в 2003-м – это было бы еще хуже. Лучше ее вообще не менять, а использовать механизм конституционных поправок, не переписывая текст целиком. Тем более что там есть вполне достойные главы. И надо тщательно взвесить возможности и последствия внесения корректив. Поправляя, надо быть предельно осторожными и с Конституцией, и с политической системой страны.

Мы отошли от пропасти, чреватой разрушением Российского государства, но отошли недалеко. Мы все еще идем по тонкому льду. В результате какого-нибудь ошибочного или просто непродуманного политического действия можно вновь столкнуть Российское государство к катастрофическому состоянию середины 1990-х. К примеру, поссорятся «Иван Иванович» с «Иваном Никифоровичем», а за каждым из них стоит своя, в широком смысле слова, «партия власти». И – покатилось. К тому же предстоящий электоральный цикл и сам по себе может стать дестабилизирующим фактором. Да, ситуация в целом достаточно благоприятная, чтобы этот рубеж преодолеть. Но при существующей политической конструкции такого рода риски нельзя и недооценивать.

Сейчас, накануне выборов, мы вряд ли сможем найти эффективные способы нейтрализации этих угроз. И тем не менее нам необходимо пройти через испытания выборами, сохраняя демократию в качестве базового ориентира. Все другие стратегии лишь заведут в тупик.

Иное дело – трезво отдавать себе отчет в том, что представляет собой сегодня демократия в России, как и кем используются ее возможности, чего стоят получаемые результаты.

О роли внешнего фактора

Стоит упомянуть и о роли внешнего фактора в определении направления нашего политического развития.

У нас под внешним фактором подразумевают, как правило, в первую очередь США, во вторую – Запад в целом. Но можно взглянуть на проблему шире. Дело в том, что внешний фактор может проявляться порой совершенно неожиданным образом.

Например, важное значение для внутренней политики России может иметь успех или провал политической реформы на Украине. Если наша элита увидит, что ее интересы, достижение их взаимоприемлемого баланса и внутриэлитного компромисса более эффективно и надежно обеспечиваются в условиях парламентской республики, если она убедится, что парламент является гибкой политической формой, лучше приспособленной для сегодняшней фазы развития постсоветских обществ, чем институт президентства, то в ее настроениях могут произойти серьезные изменения. Впрочем, лично я не считал и не считаю, что в обозримый период для нас разумно было бы отказаться от президентской республики. Но роль парламента должна стать иной, более значимой, причем не только как законодательного органа, но и как института, представляющего общественные интересы и в этом качестве контролирующего и формирующего исполнительную власть. Здесь есть о чем подумать и над чем поработать.

Опыт Украины во всем его многообразии крайне важен для России. Украинские парламентские выборы весной 2006 года, по оценке многих, были самыми свободными за всю ее постсоветскую историю. Как известно, на них победила оппозиция. Там, конечно, было много подковерной борьбы и закулисных интриг. Но тот факт, что парламентское большинство, сформировавшее правительство Украины, определилось по результатам выборов и отражает волю народа, – серьезный аргумент в пользу пересмотра принципов организации нашей политической системы, целиком замкнутой на фигуре президента.

Украина последовательно проходит электоральные испытания, определенные ее Конституцией. На горизонте 2009 год – год очередных выборов ее президента. Надеюсь, что и они пройдут вполне достойно, не хуже, чем выборы 1994 года, когда Л. Кучма сменил Л. Кравчука. Вполне возможна законная смена власти. Поучительность же опыта Украины для России заключается в том, что, несмотря на многочисленные пророчества, сомнения и скепсис, Украина не развалилась и, более того, в настоящее время, при правительстве В. Януковича, вновь демонстрирует неплохие экономические показатели.

Иной фактор внешнеполитического порядка обусловлен возможностью в обозримом будущем глобальных экономических потрясений. Думаю, что было бы неправильно полностью исключать такую перспективу. И дело здесь не только в экономике. Сегодня мир на пороге кардинальных изменений всей структуры и конфигурации глобальной политической мощи. Впервые за последние 250 лет (т. е. с середины XVIII века) ее перераспределение происходит не внутри Запада, а между Западом и не-Западом. И это не может не порождать серьезные политические и экономические пертурбации. Здесь кроется важный урок и для нас: из таких потрясений без больших потерь может выйти только сильная страна. Сильная – наличием конкурентоспособной экономики, эффективных политических и социальных институтов, а также тем, что ее население составляют не подданные, а граждане, сознательно и активно творящие будущее своей страны.

Чтобы нам стать по-настоящему конкурентоспособными в глобальном мире, должно уменьшиться и влияние традиционных для российской политики факторов силы и властного произвола. А для этого должно измениться наше понимание соотношения традиционных и

современных факторов в сохранении и упрочении Российского государства. И в данном отношении тоже важно извлекать уроки из того, что происходит в окружающем мире.

Вот, скажем, США не знают себе равных по силовой мощи. По военным расходам они превосходят следующую за ними десятку государств, вместе взятых. С точки зрения обладания самым современным оружием пятого поколения, ударной мощи военной машины, другого такого государства (или даже коалиции государств) просто нет. С их превосходством в могуществе несопоставимо даже превосходство Британской империи в период ее расцвета (т. е. в конце XIX века). Единственная возможная аналогия – античный Рим. Ну и что из того? Посмотрите, что происходит в Ираке. Обеспечивает ли военно-силовое могущество успешное решение внешнеполитических проблем США?

Наша внешняя политика становится важным фактором внутреннего развития. В ней проявляется субъектность государства, которая, в свою очередь, является важным показателем и его внутренней устойчивости.

После 2000 года мы восстановили субъектность во внешней политике, она стала содержательной и интересной. Есть такое французское выражение, в переводе звучащее: «по мерке человека». Так вот путинская политика оказалась по мерке страны, взятой на вырост. Он прекрасно понимает, что сегодняшняя Россия – это не Советский Союз, понимает ограниченность наших возможностей после разрушения СССР. И в то же время в границах объективных возможностей старается действовать, более того – заранее осторожно поднимать «на вырост» планку стратегических задач российской внешней политики.

Конечно, было бы безумием ссориться с американцами – этого могут желать только «патриоты», не понимающие или не желающие понимать, что играют с огнем. И в своей внешней политике мы не переходим эту тонкую, невидимую грань – напротив, последовательно заявляем о своей заинтересованности в развитии партнерства. Другое дело, что в нашем понимании партнерство – не улица с односторонним движением, как это часто было de facto в 1990-е годы. Эту новую позицию мы предъявили и западным партнерам, и соседям по СНГ, которые порой видят нас в роли доноров и только доноров.

Наша нынешняя внешняя политика разумна: играть по всему полю, но при этом жестко контролировать себя, не «заигрываться». Иными словами, мы развиваем отношения с Китаем, но видим проблемы и даже опасности, подстерегающие нас на этом пути. Помним о том, что Индия – наш друг, но понимаем, что, если придут американцы и предложат более выгодную сделку, наши индийские друзья не будут долго колебаться. Мы пытаемся пройти между Сциллой и Харибдой в отношениях с Израилем и арабским миром, не занимая ни произраильскую (как американцы), ни проарабскую (как европейцы) позицию. И т. д. и т. п.

Я надеюсь, что преемник Путина продолжит этот внешнеполитический курс. Тем более что у него на руках будут более сильные карты. Например, Путин выдвинул идею России как энергетической сверхдержавы. Она оказалась перспективной. Но нынче, когда мы реально идем по данному пути, это можно уже не повторять, тем более – президенту страны. Лучше действовать в том же направлении, но без лишних слов. Все и так поймут, что, создавая «газовый ОПЕК», мы сможем уверенно определять мировые цены на газ. При этом вовсе не обязательно акцентировать наши возможности в сфере энергетики, особенно учитывая болезненную реакцию во внешнем мире.

В целом же я склонен смотреть в будущее с осторожным оптимизмом – при всех очевидных трудностях, связанных с сегодняшним состоянием нашего общества и настоятельной необходимостью его модернизации.

О воле к жизни российской элиты

Чтобы справиться с этими трудностями, мы должны трезво оценить стоящие перед нами проблемы и вызовы. Не разделяю суждений о том, что наша государственность в ее нынешнем виде – это стагнирующая система, что она лишена потенциала самоизменения и может лишь деградировать. Попытаюсь объяснить, почему.

Последним достижением перестроечной радикальной публицистики была констатация нереформируемости системы. В итоге мы получили национальную катастрофу 1991 года. Не верю в то, что в мире есть нереформируемые социально-политические системы. Такие заявления звучат скорее как индульгенция на проведение радикальных социальных экспериментов. При всех изъянах нашего государственного устройства, если наши общество и элита хотят жить (а я встречал не так уж много желающих покончить жизнь самоубийством), они смогут превратить малоэффективное ныне государство во вполне жизнеспособное.

В этом отношении нынешняя элита принципиально отличается от позднесоветской номенклатуры. Та была не очень жизнеспособной, у нее не было серьезной заинтересованности вести прежнее существование в рамках советской системы. У новой российской элиты с этим все в порядке. Вслед за Клавдием она может повторить: «Со мною все, зачем я убивал: моя корона, трон и королева». Полный набор земных благ, причем нередко даже более полный, чем у представителей западной элиты. Так что у нее (по крайней мере, у ее значительной части) есть очень веские, существенные причины стремиться стабилизировать ситуацию.

Однако, чтобы двигаться дальше, чтобы проводить глубокую модернизацию страны, нужно создать критическую массу перемен, способную обеспечить перелом в социально-экономической политике. Для этого не обязательно иметь поддержку большинства населения, нужно не арифметическое, а политическое большинство. Создание его – особая задача.

Да, заинтересованность в изменениях – по разным причинам – есть далеко не у всех. Но вопросы выбора политической стратегии решают не те, кто готов рвать на себе тельняшку и кричать «за что боролись?», а те, кто формируют критическую массу перемен и готов предложить обществу свое видение, свое представление о правильном направлении движения. Эта критическая масса определяет вектор движения, в которое затем включатся и те, кто поначалу был равнодушен или даже находился в оппозиции. Конечно, только в том случае, если происходящие перемены учитывают их интересы. И, само собой разумеется, осуществляются демократическими методами.

Но это лишь один из возможных сценариев. Может быть, не из числа наиболее вероятных. Существуют и всякого рода факторы, которые увеличивают вероятность негативного развития событий. Такие, как раскол элиты, обострение межнациональных противоречий, крупный мировой кризис, в воронке которого мы можем оказаться. И еще надо опасаться самих себя, потому что мы толком сами не знаем, что в нас сидит.

И все же ситуация конца 2006 года представляется мне значительно более благоприятной, чем ситуация конца 1999-го. Дело даже не в том, что народ не в такой нищете, как прежде. Скорее – в том, что за последние годы изменился настрой общества. К 1999 году люди осознали масштабы происшедшей катастрофы, но еще в достаточной мере не прониклись сознанием своей ответственности за происходящее. За прошедшее с тех пор время социально-экономическая ситуация заметно улучшилась, и это благотворно отразилось на тонусе страны.

Примем во внимание и то, что мы все-таки приобретаем опыт политических действий без использования чрезвычайных методов, что принципиально отличает путинскую эпоху от ельцинской. Да, был создан достаточно жесткий персоналистский режим, упрочена моноцентрическая система власти, взята на вооружение модель управляемой демократии – все так, все верно. И до либеральной демократии нам еще шагать и шагать. Но при этом в послуж-

ном списке Путина-политика нет расстрела парламента, нет сфальсифицированных выборов 1996 года, нет дефолта 1998-го, нет той постоянной лжи, которая стала нормой в прошлое десятилетие. Произошло заметное изменение внутренних установок элиты, прежде всего той ее части, которую обычно называют силовиками: сегодня многие ее представители ощущают неадекватность современным условиям традиционных российских методов управления путем прямого насилия.

О программе-минимум и программе-максимум

Короче говоря, обстановка в стране такова, что при всех опасениях в связи с предстоящим электоральным циклом у нас, повторяю, есть реальные шансы пройти его без серьезных потрясений. Опасности, проистекающие из особенностей нынешней политической системы, существуют, но они преодолимы. Если, конечно, не наделаем глупостей. Другое дело – стратегические задачи, которые придется решать после 2008 года, другой вопрос – как нам преодолеть барьер модернизации.

Сегодня еще рано выносить суждения о политическом наследии Путина, но все-таки полагаю, что он оставляет своему преемнику серьезный задел в решении этой ключевой проблемы. Вместе с тем считаю, что в период правления Путина было сделано немало шагов и в неправильном направлении. Так, например, была серьезным просчетом отмена выборности губернаторов. И изменение порядка формирования Совета Федерации не укрепило, а ослабило законодательную власть. То же можно сказать и об изменениях в избирательном законодательстве, которые прежде всего определялись интересами одной партии. Мне кажется, что в этом отношении необходимо аккуратно выправлять ситуацию. Последовательно, но без спешки. Вспомним, что в США к выборности сената пришли лишь в 1913 году, а ведь к тому времени в США была зрелая политическая система, сложившаяся государственность, достаточно развитое гражданское общество.

Поэтому еще раз: выправлять ситуацию надо, но – осторожно и взвешенно, помня в том числе и об особенностях российского общества.

Мы часто склонны сводить наши проблемы к авторитарности верховной власти. Упуская из виду, что страна гораздо авторитарнее, чем ее президент. Ведь импульсы, идущие к Путину от страны, направлены в сторону усиления авторитаризма. Посмотрите, что показывают все опросы: народ ждет от президента коррекции политического курса в направлении более решительных и самовластных действий. Путин же, скованный своим рейтингом, действует достаточно осмотрительно, сохраняя приоткрытой дверцу демократии. Он же, как «единственный европеец в России» (принимая во внимание, что de facto президент является у нас реальным правительством и потому к нему применимо известное высказывание Пушкина), старается поступать по закону и в рамках Конституции. Недаром Александр Рар назвал его «немцем в Кремле». И это тот стиль лидерства, который важно сохранить при осуществлении будущих необходимых «переделок» политической системы.

В данной связи проблема преемника («проблема 2008») распадается, на мой взгляд, на две. Во-первых, речь должна идти о программе-минимум, состоящей в том, чтобы найти Путину преемника не хуже его самого по таким качествам, как уважение к праву и нормам европейской политической культуры, способность в этом отношении противостоять давлению общества и своего окружения. Но должна быть и программа-максимум. Она заключается в том, чтобы создавать надежно функционирующие демократические институты, которые позволили бы стране в следующий раз вообще избежать рисков подобного рода «русской рулетки». Иными словами, надо сделать так, чтобы судьба страны не зависела столь фатально от качеств лидера, снизить влияние личного фактора в российской политике.

Эти две задачи отнюдь не противоречат друг другу, это всего лишь два последовательных этапа решения одной задачи. Сегодня Путин как минимум должен обеспечить преемственность политического курса, но так, чтобы в обозримом будущем его преемник смог осуществить его необходимую ревизию и коррекцию.

Сам Путин сделать это не может. Он пришел после ельцинского хаоса как президент-стабилизатор, ему выпало решать другие задачи. Нельзя от одного человека требовать, чтобы он был одновременно и стабилизатором, и реформатором, – это чревато политической шизофренией. Поэтому искать решение проблемы следует в рамках преемственности и развития путинского курса.

Именно преемник Путина должен стать реформатором, начать осуществление программы далекоидущей политической, экономической, социальной и культурной модернизации России, для чего путинская стабилизация создала необходимые предпосылки. Иначе можно незаметно вползти в новый застой.

Иосиф Дискин «Сегодня впервые в российской истории возникают предпосылки для конкурентного рынка и политической демократии»

Прежде чем отвечать на поставленные инициаторами дискуссии вопросы о природе и перспективах Российского государства, позволю себе предложить читателю небольшое методологическое предуведомление, необходимое для понимания казуса российской государственности.

Дело в том, что обычные представления о классических схемах модернизации и демократического транзита плохо применимы к России. Поэтому без учета специфических механизмов трансформации российского общества и государства классические теоретические модели модернизации, выработанные на основе осмысления западноевропейского опыта, оказываются совершенно бессодержательными.

Специфика же России заключается, не в последнюю очередь, в том, что в ней до сих пор не завершился процесс секуляризации общественной и государственной жизни и не сложились окончательно многие другие предпосылки модернизации. И прежде всего, *этические*. Это накладывало и накладывает отпечаток на все историческое развитие страны. Это предопределяло и во многом предопределяет его отличие от развития западноевропейских стран, описываемого с помощью классических теоретических моделей модернизации.

О модернизации «вообще» и модернизации России

В соответствии с этими моделями, по мере разрушения традиционного общества активизируются механизмы социального действия (групповые, общенациональные и другие этосы), основанные не на следовании традиции, а на рациональном индивидуальном выборе. В результате в недрах «старого порядка» формируется макросоциальная опора для новых государственных институтов. Следующая затем секуляризация, снятие религиозной этической рамки создает основу для светского государства современного типа. В той же логике естественно появление рационализированной бюрократии, как специфического института, скрепленного собственным этосом. Наконец, результатом секуляризации оказывается и идея гражданского общества: при снятии религиозной этической рамки обнаруживаются уже сложившиеся этические, социальные и всякие иные основы нового государственного и общественного порядка.

Это универсальное представление об известной завершенности процесса секуляризации подразумевается всякий раз, когда используются классические модели модернизации. И сегодня в большинстве случаев, когда западные или отечественные исследователи размышляют о том, что происходит с Российским государством, в неявном виде, в интенции они исходят из все той же базовой трансформационной модели, впитавшей соответствующий западноевропейский опыт. При этом упомянутые выше особенности России в расчет, как правило, не берутся. Не учитывается, что европейский тип модернизации, в отличие от российского, имел под собой именно прочный *этический фундамент*, возводившийся долго и трудно.

Известна диссертация Павла Николаевича Милюкова, в которой автор подробно рассматривает этот сюжет. Основа современной европейской цивилизации была заложена в ходе Реформации, резко проблематизировавшей фундаментальные этические проблемы, связанные с легитимностью государства, государственным принуждением и т. п. Последующая контрреформация проходила уже на фоне заданного предшествующей эпохой высочайшего нравственно-этического напряжения. В итоге реформация и контрреформация полностью

упразднили весь тот возрожденческий тип сознания и социальной организации, где вопросы нравственности занимали далеко не первое место. Результат нам хорошо известен, в частности, по романам эпохи Просвещения, поднимающих вопросы нравственного долга, причем прежде всего высших классов.

В этом смысле можно сослаться на совершенно уникальный трагический «эксперимент», поставленный волею случая и показавший разительный контраст между этосом элитных и массовых групп общества. Я имею в виду трагедию «Титаника» и статистику спасшихся в этой катастрофе. В целом картина такова: из пассажиров первого класса спаслись в основном женщины и дети, а из пассажиров второго и третьего классов – преимущественно мужчины. Выводы очевидны. Это был страшный натурный эксперимент, обнаруживший особый этос элиты общества. Результаты такого эксперимента, показывающие наличие в действиях западной элиты прочных этических оснований, очень трудно опровергнуть.

Итак, с эпохи контрреформации на Западе был сформирован довольно суровый этос элит – этих, так сказать, «пассажиров первого класса», которые, в свою очередь, задавали образцы и определяли этосы всех западноевроейских государств. А что же в России?

В России все было существенно иначе. В XVII веке после никонианских реформ, как показал тот же Милюков, в стране практически исчезла подлинная религиозность. Точнее, исчезла вера, осталась лишь религия как государственный институт. Можно сказать, что Россия стала страной с религией, но без веры. Это подтверждается тем, что проблема спасения души оказалась отодвинута на второй, третий, пятый план. Напомню, что в России в течение целого столетия представители высшей аристократии, т. е. тех самых трех тысяч семей, которые правили страной, пожимали руку цареубийцам. Традиция эта пошла с 1762 года, с убийства Петра III. Пожимали руку цареубийцам, обрекая свою душу на вечное проклятие. Это – к вопросу о вере.

Тем самым мы получаем основание для сравнения: с одной стороны, суровый этос элит Запада, выросший из европейской религиозности, а с другой – отсутствие подлинной религиозности в высших классах России. Все те в России, для кого было значимо спасение души, ушли в раскол. И именно в раскольничьей среде потом появился подлинный капитализм: все московские текстильные фабриканты и заводчики вышли из раскола. Не тот «капитализм», о котором писал Владимир Ильич Ленин, – он всего лишь ловко обманул весь мир, назвав «капитализмом в России» крупное промышленное производство, не имеющее отношения к рынку. Но об этом подробнее как-нибудь в другой раз.

Пойдем дальше. В отсутствие религиозности и с учетом того, что свято место пусто не бывает, российское общество обзавелось особым квазирелигиозным институтом. Мы его хорошо знаем. Он называется «русская интеллигенция».

Слово «интеллигенция» ввел, как известно, писатель Боборыкин для обозначения образованных слоев населения, обладающих определенными нравственными позициями и критически относящихся к власти. Именно этот институт стал сосредоточением нравственных исканий, задающим нравственные критерии и выносящим нравственные оценки. И именно на этот институт стали со временем ориентироваться и более широкие слои общества: даже придворные самого близкого государю круга писали доносы на «своих» Герцену в Лондон…

Если западное религиозное сознание было основано на убеждении в необходимости совершенствования государственных институтов и установлений, то российская интеллигенция, как квазирелигиозный институт, стояла на позиции «нет власти, аще чем от диавола». В результате Российское государство теряло в обществе всякую этическую опору, встречая со стороны интеллигенции квазирелигиозную нетерпимость, нежелание сотрудничать, отказ от диалога с властью, расцениваемого не иначе как «предательство идеалов». Александр Ахиезер называет это отсутствием срединной культуры. Но если в таком обществе снять рамки, накладываемые государственным принуждением, то останется пустота.

Повторю: не гражданское общество, а пустота. Что, собственно, мы в последние два десятилетия и могли наблюдать повсеместно.

Эту извечную российскую пустоту необходимо было как-то удерживать, организовывать, структурировать. Поэтому российская государственность всегда и была исключительно удерживающей. Она не наполнялась рациональным содержанием некоего этического проекта, а лишь блокировала крайние антисоциальные действия подданных. Понятно, что при этом не возникало и не могло возникнуть общенационального консенсуса по ключевым проблемам национального развития, предваряющего постановку целей модернизации. Как же она в таком случае осуществлялась?

Она осуществлялась государством принудительно посредством насильственного воплощения в жизнь различного рода идеологических проектов. Это неизбежно была модернизация сверху, когда реформаторы исходили не из рационального анализа реальной практики, а из неких привносимых в эту практику извне идеологических доктрин. В условиях жесткого противостояния государства и всех живых сил общества подобный анализ был невозможен.

Все российские реформы происходили именно по такому сценарию. Идеологии могли быть самыми разными («третий Рим», православная или славянская империя, коммунизм), но механизмы их реализации всегда были насильственными. И чем больше был разрыв между реальной этической основой общества и требованиями к этическим нормам, предъявляемыми государственными институтами и обслуживающими их (и их породившими) идеологиями, тем больший уровень насилия был необходим для того, чтобы снимать возникающее социальное напряжение.

Вот, собственно, те теоретические предпосылки, из которых я буду исходить, выстраивая свои рассуждения по теме дискуссии. Не обозначив их, я рисковал бы остаться непонятым, поскольку зачастую в рассуждения о модернизации мы вкладываем совершенно разные смыслы. Модернизация «вообще» и модернизация в России – это, повторяю, далеко не одно и то же.

Безусловно, идейно вдохновленные модернизации происходили не только в нашем отечестве. Они имели место и на Западе, причем не раз. Это и государство иезуитов в Парагвае, и режим, возникший во Флоренции в результате реформ Савонаролы. В данный ряд можно включить и муссолиниевский, и гитлеровский режимы, идеологически вдохновлявшиеся перспективами модернизации сверху. Но все эти западные казусы осуществлялись в условиях отчетливо выраженного и достаточно организованного общественного сопротивления, накладываясь на существующие структуры гражданского или протогражданского общества. В России же насильственная модернизация сверху сталкивалась либо с пустотой, либо с неорганизованным, хаотическим, но тотальным неприятием и сопротивлением всего народа или значительной его части.

А теперь – о современной России, ее государственности и особенностях ее (и России, и государственности) модернизации. Об условиях, в которых эта модернизация протекает, и ее своеобразии как в сравнении с классическими мировыми образцами, так и с прошлыми отечественными воплощениями.

«Новая Россия» и путинская конвенция

С чем столкнулось Российское государство в тот момент, когда Путин пришел к власти? В 1990-е годы было до конца, до основания разрушено российское традиционное общество. Традиционной России, т. е. самого предмета, наличие которого позволяло бы говорить о сохраняющихся традициях российской государственности, больше нет (это я тем, кто призывает на эти традиции опираться). Идеологически ее подорвал Горбачев, а довершил разрушение Ельцин, сделав тем самым неизбежной интенсивную адаптацию страны и ее населения к новым

социально-экономическим условиям и новым институтам. При этом на месте разрушенного возникал совершенно новый феномен, без оценки которого невозможно понять исторический смысл режима Путина.

Возникало то, что я называю «*новой Россией*».

В процессе адаптации населения к изменяющейся реальности появились слои и группы, социальное функционирование которых стало определяться индивидуальным рациональным выбором моделей поведения. Это показали исследования И. Клямкина и Т. Кутковец, а также мои и еще многих других, изучавших особенности постсоветского общества.

Такого рода слои и группы, противостоящие разрушенному, но исторически и ментально не преодоленному традиционному обществу, составляют 25–30 % населения. И именно при Путине эта «новая Россия» упрочила свое положение и перестала опасаться угрозы реставрации России «старой».

В данном отношении путинскую стабилизацию правомерно считать не только политической, но и, что более существенно, социокультурной. В 2000-е годы, в уже устоявшихся и мало меняющихся условиях, новые социальные слои и группы смогли прочувствовать и осознать состоятельность собственных механизмов социального функционирования.

Это дает мне основания утверждать, что *впервые* в многосотлетней российской истории сложились предпосылки для конкурентного рынка и политической демократии. Раньше таких предпосылок никогда не было. Потому что раньше принципы рынка и демократии адресовались традиционному обществу, для которого эти принципы воплощали чуждые ему способы существования и потому воспринимались им как идеология, не имеющая отношения к повседневной жизнедеятельности. А в путинский период произошла инверсия. Да, идея демократии в минувшее десятилетие оказалась дискредитированной, но именно она определяет сегодня реальную практику «новой России», для которой свобода стала важнейшим жизненным императивом ее повседневного бытия.

Думаю, что мы еще не до конца осознали значимость этого фундаментального поворота, происшедшего, повторяю, впервые в российской истории. А также то обстоятельство, что реакция новых социальных слоев и групп на происходящие в обществе и государстве изменения становится точным и надежным индикатором укореняемости реформ.

Представители этих новых слоев и групп, движимые рациональным выбором и исходящие из оценки соотношения собственных ресурсов и притязаний, не обязательно бизнесмены. Речь идет обо всех людях, которые адекватно понимают свое место в новой социальной среде и принятые в ней правила игры. Более того, в «новой России» появился и специфический, конвенциональный по своей природе этос.

Можно сказать, что период правления Путина стал периодом формирования *конвенциональной этики*. Этики, не идущей ни от религии, как было когда-то в Европе, ни от какого-то иного авторитета, а формирующейся и упрочивающейся именно на конвенциональных началах.

Конвенция – не договор. Потому что договор рационален и формален, между тем как конвенция складывается из тысяч различных представлений, из множества локальных этик «для своих», для ближайшего окружения и дружеского круга. Они противопоставляются «чужим», а также тотальному беспределу, существующему вовне и таковым всеми «своими» солидарно признаваемому. И вот буквально на наших глазах эти локальные этики стали складываться – первоначально в бизнесе – во все более расширяющееся единое этическое пространство на основе некоей системы конвенций, т. е. добровольно принимаемых взаимных обязательств относительно правил деловой игры и необходимости их соблюдения.

Формирование этой конвенциональной системы обусловливалось не законом, а мерой допустимого нарушения формальных законов в зависимости от близости к власти. Путин

же стал своего рода верховным арбитром, удерживающим единую конвенциональную рамку, гарантирующим от особо грубых отступлений от новой деловой этики.

Кстати, и дело Ходорковского было связано не столько с хищениями и какими-то иными правонарушениями, сколько с попыткой пренебречь этой рамкой. В 2000 году все договорились о том, что сохранение огромных состояний ельцинских олигархов обусловливается их невмешательством в политику. Ходорковский эту договоренность грубо нарушил, за что его били и добивали сами олигархи, купившие ради такого важного дела все необходимые информационные и юридические ресурсы. Ходорковский, а до него Гусинский, потом Березовский были нарушителями конвенции. И их били, чтобы ее сохранить и упрочить.

Как бы то ни было и что бы ни говорили критики «персоналистского режима Путина», именно при Путине впервые стали утверждаться действенные нормы деловой этики. Приведу в качестве метафоры анекдот, рассказанный в кулуарах Высшего арбитражного суда. Анекдот такой. После открытия заседания суда ему предлагается следующая информация: «Господа, пришел Иванов, дал сто тысяч. Пришел Рабинович, дал сто пятьдесят тысяч. Что будем делать?» Суд посовещался на месте и постановил: «Вернуть Рабиновичу пятьдесят тысяч и судить по закону». Это и есть метафора конвенции.

Ее результатом стало не понизившееся, а, наоборот, явно повысившееся уважение к закону, который перестал быть полностью игнорируемым. Он тоже стал рамкой, с которой соотносятся все решения. Однако мера соответствия того или иного решения закону оставалась нежесткой, подвижной.

Это, в свою очередь, стало главным признаком стабилизации существующего политического режима, упрочения новой российской государственности. Появилась некая стабильная система принятия решений, которая иногда давала сбои, но нарушителя быстро возвращали в конвенциальную рамку. Иными словами, социально-культурные нормы, формирующие институциональную среду, стали более определенными, делая, к примеру, невозможным тотальную приватизацию отдельных министерств и ведомств, как то практиковалось в ельцинский период. Стал необходим постоянный переговорный процесс, соответствующим образом уплотняющий этическую среду. Но при этом надо отдавать себе отчет и в том, что конвенция – самая мягкая и, следовательно, самая расплывчатая институциональная рамка.

Она сформировалась после того, как было до основания разрушено российское традиционное общество. Но ее особенности предопределялись и тем, что традиционность сохранилась на уровне государственного управления и некоего «политического рефлекса», сидящего во всех нас.

Людям, жившим и живущим в России, всегда свойственны синдром смутного времени, пугачевщины, постоянное ожидание распада государства и превентивная гипертрофированная реакция на любые признаки его слабости. В основе этого – ощущение отсутствия прочного фундамента, отсутствия социальных субъектов, способных своей собственной активностью восстанавливать государственность, что побуждает все силы, заинтересованные в порядке, поддерживать ее привычные формы. Именно этим я объясняю, например, восстановление при Путине элементов прежней советско-имперской символики. Естественно также и то, что и само государство действует, учитывая наличие такого рефлекса.

Российская политическая стабильность носит негативный характер

Россия, говоря словами маркиза де Кюстина, – страна фасадов. Ее сильная государственность – тоже не более чем внешняя рамка. Вопрос в том, что там, под поверхностью моря.

С конца ельцинского – начала путинского периода все время нарастало фундаментальное противоречие между инерцией модернизации сверху, движимой идеологическими стереоти-

пами, и интенциями «новой России». В этом смысле «Единая Россия» – она ж не зря единая. Я, между прочим, резко выступал против такого названия, будучи одним из учредителей этой партии. В нем как раз и проявилась инерция прежней России.

Дело в том, что эмпирически проблемы единства, как и угрозы ему, в то время не было. А было совсем другое. Была прежняя российская государственность, пронизанная, во-первых, идеей авторитарной модернизации, ведомой некими идеологическими представлениями (в данном случае – либеральными представлениями реформаторов начала 1990-х), во-вторых, охранительными инстинктами, дисциплинирующими общество на старый традиционный манер, и, в-третьих, мощной системой коррупции, обеспечивающей стимулирование любого содержательного действия. К лавированию между этими тремя позициями и сводилось, по существу, функционирование государства. Но в этом контексте слово «единая», навеянное охранительным инстинктом, воспринималось как вполне уместное и даже необходимое. Разумеется, оно не только не снимало фундаментальное противоречие между новой реальностью и прежней российской государственностью, но, наоборот, выявляло его, делало более рельефным.

О чем свидетельствует данное противоречие? Прежде всего – о том, что сложившаяся при Путине государственная система крайне неустойчива.

Российская политическая стабильность носит негативный характер. Что значит негативный? Это значит, что она держится лишь на страхе перед потенциальными угрозами. Но отражать она способна лишь угрозы незначительные, будучи абсолютно беспомощной при возникновении сильных системных напряжений. И именно потому, что в ней отсутствуют силы, способные по собственной инициативе, самостоятельно заниматься ее поддержанием и восстановлением в случае кризисов. Сегодня она удерживается лишь конвенцией («давайте не будем раскачивать лодку»), а также возможными санкциями против ее нарушителей.

Однако в связи с приближением сроков переизбрания президента обостряется вопрос: действительно ли Путин продолжает оставаться держателем и гарантом конвенции, или это уже лишь миф? И что будет при преемнике Путина, сможет ли он удерживать конвенциональную рамку? И еще один вопрос: в состоянии ли он будет обеспечивать стране конкурентоспособность в условиях глобализации?

На первый взгляд этот последний вопрос с предыдущим никак не связан. Но это лишь на первый взгляд.

Говоря о конкурентоспособности России, сегодня следует различать два подхода к ее оценке. Первый из них, общераспространенный, предполагает, что речь идет о выходе российской продукции и российских капиталов на мировые рынки. А при втором акцент делается на обладании Россией крайне дефицитными энергетическими ресурсами. Но ведь в этом случае никакая конкурентоспособность не требуется вообще. Какая уж тут конкуренция, когда из доклада Национального совета по разведке США следует, что ближайшие 20 лет будут периодом острой конкуренции за российские энергетические ресурсы. И, стало быть, вопрос о российской конкурентоспособности претерпевает инверсию: *конкурентная борьба будет идти за возможность управлять этими ресурсами*.

В данной ситуации конвенция как раз и состояла в том, что российская власть от имени России говорила всем своим зарубежным друзьям и недругам: ребята, наш энергетический пирог делить мы будем сами. И именно благодаря этой конвенции Россия оказалась единственной посткоммунистической страной, сохранившей национальный контроль над своей экономикой. Подчеркиваю – единственной!

На Западе сначала считали, что риски инвестиций в Россию при таких условиях слишком высоки. Но я должен прямо сказать, что со стороны российских элит то была осознанная или неосознанная стратегия на преувеличение этих рисков: образ бандитской России был способом повышения защитного барьера против иностранных инвестиций – так же, как девальвация

рубля была способом защиты ее внутреннего рынка от импорта. В результате этой странноватой стратегии дележки российского эльдорадо – своего рода «междусобойчия» – политические риски были искусственно завышены в разы.

Теперь, думаю, становится понятно, почему так важно не только то, сумеет ли преемник Путина удерживать конвенциональную рамку, но и то, сможет ли он и в какой мере обеспечить защиту отечественного энергетического сектора от внешней конкуренции. Для становящегося российского капитала это ключевой вопрос. Потому что только победа в борьбе за российские энергетические ресурсы гарантирует его финансовое благополучие и возможность превращения России в конкурентоспособную страну в общераспространенном смысле.

Как правило, говоря о конкурентоспособности, подразумевают только эту зрелую ее форму и «перескакивают» (или просто забывают) через ту первичную конкуренцию за контроль над национальными ресурсами, которая, с точки зрения интересов национального капитала, несопоставимо важнее. Путин – не важно, сознательно или бессознательно – обеспечивал эти интересы. Он был политическим брендом тех, кто говорил: энергетический пирог мы будем делить сами. За ним была прочно спаянная команда – своего рода «Russia Incorporated». За ним стоял – плечо к плечу – весь российский бизнес. А как поведет себя преемник? Вот в чем вопрос вопросов. И вот почему так важно, кто именно преемником будет.

Здесь возможно несколько вариантов.

Политическим наследником Путина может оказаться умеренный либерал, который будет говорить (уже говорит), что ему неизвестно, что такое легитимность, поскольку в гражданском кодексе такого понятия нет. При таком лидере, который не понимает, что такое легитимность, и, следовательно, не будет заботиться об ее политических основах, о стабильности в России можно будет забыть. Успешная политика вообще-то в том лишь и заключается, чтобы наращивать легитимность политической системы. Тем более в условиях России, политическая система которой сегодня тотально нелегитимна: ни один значимый социальный слой в стране, включая и главных бенефициариев этой системы, не признает ее справедливой. Такой лидер может разрушить хрупкую путинскую конвенцию и ее основание, которое заключается в этом вот «будем делить сами».

Наследником Путина может быть и политик с какими-нибудь геополитическими блохами в голове. К примеру, если он увлечется играми с Китаем, выстроив одновременно конфронтацию с Западом, то нам могут вмазать так, что мало не покажется. В разговоре с человеком, лично отвечающим за отношения США и России (есть у нас такой человек), мы с ним пришли к выводу, что формирование глубокого стратегического союза России и Китая стало бы крахом российско-американских отношений. Пойдя на это, Россия перешла бы черту, за которой разрушение всей системы отношений с Западом (а значит, и ее энергетически-сырьевого бизнеса) стало бы неминуемым. И, соответственно, разрушение конвенции, на которой зиждется наша нынешняя внутренняя стабильность.

Наконец, наследником Путина может быть человек, пользующийся безусловным доверием ядра российских элит. И – шире – всей «новой России». Речь идет вовсе не об олигархах. «Новая Россия» сегодня – это не олигархия. За время путинского правления поднялся региональный бизнес, крупный и средний, возник его глубокий альянс с теми региональными политическими группами, которые выдвигают из своей среды и приводят к власти губернаторов. «Новая Россия» – это не Москва и не Чукотка, это – широкое географическое и социальное пространство. Это уже упоминавшиеся 25–30 % населения, куда входят представители не только верхних эшелонов власти и бизнеса, но и бизнеса среднего и мелкого, равно как и менеджмента. Это, по аббату Сийесу, то самое третье сословие, которое желает стать если не «всем», то «чем-нибудь». Это та действительно новая, пока еще безъязыкая Россия, которая ждет, чтобы пришел тот, кто даст ей язык.

Именно такой лидер был бы для страны наиболее предпочтителен. Говоря так, я исхожу из того, что и после завершения электорального цикла 2007–2008 годов функция держателя и гаранта конвенции не будет исчерпана.

Сегодня все признают ее недостатки, точнее – недостатки самого принципа конвенциальности. Но факт и то, что она постепенно *сокращает разрыв между номинальными легальными нормами и неписаными конвенциональными установлениями* . Благодаря ей под легальными нормами впервые стала ощутима реальная социальная мощь. В итоге появилась возможность быстро и эффективно решать практические вопросы. В итоге страна стала богаче. Появились возможности реальной борьбы с коррупцией.

Да, эта конвенция, как и всякая другая, не универсальна, а ситуативна. Подобно любому социокультурному механизму, она не отличается жесткостью. Она срабатывает с запаздываниями, у нее долгие обратные связи. Но нам сейчас важно осознать не столько минусы конвенции как таковой, сколько то, что в путинском ее исполнении она не завершена, не достроена. И это придает «проблеме преемника» еще большую масштабность и остроту.

Сценарии предстоящего выбора

Вот откуда наблюдаемая нами нервозность всех групп правящего класса России. Но она усугубляется еще и тем, что два главных бойца за трон вознамерились переиграть и Россию, и Путина.

Они решили, что смогут запустить такие политтехнологические механизмы, которые поставят Путина перед отсутствием выбора. В результате Дмитрий Медведев, судя по данным Фонда «Общественное мнение», уже набирает рейтинги, соизмеримые с путинскими. И это – в присутствии Путина в рейтинговом списке!

Отсюда следует, что Медведев получает собственный электоральный ресурс, независимый от Путина. Тем самым ему, Путину, как раз и показывают, что выбора у него уже нет. И это – почти правда: если нынешняя ситуация продлится еще какое-то, очень недолгое, время, то выбора действительно не будет.

Понятно, что такая развязка мало кого устраивает. Потому что держателем и гарантом конвенции, а тем более достраивающим ее субъектом может быть лишь человек, который мыслит ее не теоретически, а исходя из ее реального содержания, который «нутром» ощущает, что означает удерживать равновесие между элитами. А человек, сформировавшийся в юридической среде и рассуждающий о том, что категория легитимности отсутствует в гражданском кодексе, – это человек из другого мира. Это – как В. Ющенко для Украины.

Разница между В. Януковичем и В. Ющенко состоит в том, что один прекрасно понимает, что такое конвенция, а второй, выучившийся по американским учебникам, твердит, что главное – это закон. А до следующего тома институциональной экономики, где речь идет о том, что закон живет только тогда, когда под ним стоят этические нормы, он просто не дошел, его он выучить не удосужился. А может быть, даже и не знает о его существовании.

Вслушайтесь, господа «законники», в то, что один умный человек написал ровно 150 лет назад (моя любимая, кстати, цитата): «У нас самый закон заклеймен неискренностью; не озабочиваясь определительностью правил и ясностью выражений, он прямо и последовательно требует невозможного». Это – граф П. Валуев, прототип Каренина, прототип министра в «Сне Попова», автор первого проекта конституционной реформы Александра Второго. Литая формула, найденная полтора века назад.

Судьба путинской конвенции пока еще зависит от самого Путина. При этом и у него самого есть желание остаться ее держателем после ухода с поста президента. Он полагает, что может сохранить нынешний уровень своего влияния и при новом руководителе, при необходимости корректируя его действия. Думаю, однако, что это сомнительно. Во всяком случае,

многое, если не все, здесь как раз и будет зависеть от сценария поведения, который Путину предстоит выбрать.

Какие же это могут быть сценарии? Их не очень много, выбор невелик.

Первый сценарий – ничего не делать, пустив все на самотек, что пока и происходит. Но здесь очень легко попасть в ловушку «двоих бойцов» и оказаться перед возможностью совершать только вынужденные, навязанные ситуацией ходы.

Второй сценарий – выбрать и предложить фигуру, способную выстоять в геополитической конкуренции, сохранить и достроить конвенцию, не совершая роковых ошибок.

Третий – попробовать пойти путем Ельцина, перебирая претендентов и наблюдая их в деле. Вспомним, как поставили Степашина, потом ужаснулись и кинулись искать другого.

Скажу сразу, что третий сценарий представляется мне наименее вероятным. На то, чтобы менять премьеров до тех пор, пока не выявится компромиссная фигура, уже нет времени. Да и не в характере Путина, в отличие от Бориса Николаевича, такой политический стиль.

Что касается первого сценария (Путин решает, что пусть все идет как идет), то вероятность его реализации я оценил бы на 70 %. Быть может, она уже и выше. Последствия же будут тяжелейшими. Россия окажется ввергнутой в острейший кризис, потому что те игроки, которые придут к власти при этом инерционном сценарии, не смогут соответствовать масштабу нынешних вызовов. Скорее всего, они проиграют переговорную борьбу за контроль над национальными ресурсами, что вызовет крайнюю озлобленность всей российской элиты. Ведь если уже соглашение о вступлении в ВТО рассматривается как сдача позиций, то провал переговоров в области энергоресурсов неминуемо спровоцирует глубочайший кризис. При таком варианте путинская конвенция обречена. И сам Путин, перестав быть президентом, ее не удержит.

Второй сценарий более благоприятен уже потому, что только он подразумевает возможность инерционного развития. Если осмысление сложности проблемы заставит Путина всерьез отнестись к консультациям по кандидатуре преемника, то с высокой степенью вероятности можно ожидать, что среди ближайших друзей президента (за пределами их круга поиск исключен по определению) будет найдена компромиссная фигура, способная и удержать конвенциональную рамку, и найти верную геополитическую стратегию развития. За реализацию такого сценария я готов ставить свечки по всем храмам. Если же в итоге гарантами конвенции согласятся стать «два бойца», то ее прочность только возрастет, сращивание различных сегментов элиты станет еще более тесным, интенсивность социально-политического диалога и его реализм усилятся.

Но, к сожалению, времени на реализацию этого замечательного сценария практически тоже не остается. Его шансы я оценил бы в каких-нибудь 5 %.

Перспективы, что и говорить, небогатые. Но других я не вижу. Длинные же разговоры о том, как хорошо было бы иметь другое государство, другую модернизацию и вообще все другое, считаю лежащими за пределами нашей дискуссии.

Перспективы консолидированной демократии в России

В заключение отмечу, что конвенция – не самоцель. Это путь, ведущий дальше, к утверждению в России консолидированной демократии. Но такая возможность опять-таки открывается лишь в случае появления осмысленно действующего лидера, который стратегически будет ориентироваться на «новую Россию». В данном случае проблема содержательного становления консолидированной демократии в значительной степени была бы решена уже в ближайшие пять лет. Но вероятность этого, как я уже сказал, где-то на уровне 5 %.

Однако процедурной демократии, с формальной точки зрения, в стране станет гораздо больше и при реализации иных вариантов. Мы получим некую неоельцинскую демократию с большим, чем сейчас, плюрализмом прессы, с меньшим контролем над средствами массовой

информации, с введением чисто рамочного контроля над действиями политических партий. Политические силы будут опять лишь «перчатками» сегментально-олигархических и элитных группировок. Что в целом тоже не так уж плохо. Но это может в итоге подорвать финансовые ресурсы страны, а в условиях финансового стресса опять приведет к искажению демократических, легальных, правовых институтов, поскольку в условиях кризиса неудобно решать дела по закону. И тогда опять возникнет запрос на нового Путина, нового держателя конвенции. Если, разумеется, не вмешаются какие-то внешние факторы, что обернется катастрофическими для страны последствиями.

И последнее. До сих пор я сознательно не затрагивал тему парламентских выборов. С точки зрения «проблемы 2008» их роль ничтожна. К моменту их проведения все уже будет решено, все карты будут сданы. Но стратегически это один из ключевых вопросов.

Задача парламентских выборов не только и не столько в выстраивании диспозиции политических сил в Государственной думе (само по себе это дело второстепенное), сколько в той самой легитимации государственной системы, о важности которой я говорил выше. Ведь такая легитимация, о чем часто забывают, как раз и является одной из фундаментальных функций выборов в условиях политической демократии.

Выборы предполагают эмоционально переживаемую идентификацию гражданина или личности с государственной системой, что и есть воспроизводство ее легитимации. Если же выборы эмоциональных переживаний не вызывают, то они оказываются, напротив, механизмом углубления отчуждения человека от государства.

Парламентские выборы, не затрагивающие эмоций электората, не сопровождающиеся глубокими личными переживаниями в связи с их результатами, станут лишь свидетельством загнивания политической системы, усиливая, соответственно, упоминавшуюся мной тенденцию негативной стабилизации. Если же на политической сцене проявится весь спектр политических сил, с которыми люди готовы отождествлять себя (и тем самым отождествлять себя с государством), то это будет шаг к углублению легитимации этого государства и этой власти.

Но пока, к сожалению, движения в данном направлении не просматривается. В российской политической системе зияет гигантская дыра. В «новой России» по мере роста благосостояния главной становится проблема социальной справедливости, справедливого раздела национального пирога. В ситуации, когда никакое действие власти не считается справедливым, эта проблема в ее разных проявлениях неизбежно выходит на передний план. Заработал закон дележки, и *необходима политическая сила, которая выдвинет идею социальной справедливости в качестве главного пункта новой политической повестки дня*.

Между тем все представленные сегодня в Думе партии – это партии прошлой повестки дня. Партии стабилизации. И не только они, но и их оппозиция с либерального фланга.

Сегодня не может быть обеспечена общественная динамика, если вопрос о справедливости будет ставиться в прежнем виде, унаследованном от советских времен. Он должен быть откорректирован применительно к «новой России». И в этом смысле даже мироновская «Справедливая Россия», к которой я стоял до недавнего времени достаточно близко, пока еще является партией прошлой повестки дня. Она единственная, которая выдвинула правильный лозунг, но он должен предполагать новое понимание справедливости, новое понимание социально-политической ситуации и, самое главное, новую повестку дня. Партия справедливости должна, повторяю, непосредственно адресоваться к «новой России».

Только этот путь может привести к обретению российской государственностью этической опоры в обществе, чего в нашей стране до сих пор никогда не было. Сегодня у нас впервые появился шанс изменить многовековой маршрут. И желательно использовать его по максимуму.

Александр Архангельский
«Если государство не справляется со своими функциями, то оно будет отвергнуто и на его месте возникнет другое»

Современное Российское государство отнюдь не случайно сформировалось как государство, сосредоточенное – в вертикальном измерении – на одной фигуре, на главном лице. Обсуждая вопрос о перспективах его трансформации, который оказался в центре дискуссии, надо помнить о том, что его возникновение было, на мой взгляд, исторически вполне закономерным.

Постсоветский персоналистский режим не привнесен в Россию извне. Он возникал на обломках прежнего в тот момент, когда ни общество, ни элиты не были готовы к новой исторической эпохе. Поэтому нужна была некая политическая фигура, которая могла бы обеспечивать равновесие между накопившимися в обществе взаимосключающими интересами различных (зачастую полярных) экономических, культурных, ментальных страт.

Ельцин и силовики

Такой фигурой стал Борис Николаевич Ельцин. К нему могли относиться как угодно, но минимально приемлемой и признаваемой в этом качестве компромиссной политической фигурой он был для всех. Он был условно своим и для демократов, и для партократов. Да, для последних он мог быть и врагом, но «своим» врагом – удобным и понятным.

А затем наступил неизбежный постреволюционный синдром, когда нужно было вытягивать страну и элиту из того тупика, в который они зашли после 1993 года. Несомненно, что никакой вариант государственности, предполагающий формирование правительства парламентским большинством, в тот момент всерьез рассматриваться не мог. Во-первых, не сложилась еще эффективная многопартийная система, которая могла бы стать основой политического представительства различных социальных групп. Во-вторых, не было и самих структурированных групповых интересов, равно как и отчетливо выраженного общественного самосознания. Да, 1990-е годы справедливо характеризуются обостренной политической рефлексией. Однако глубокого осмысления социальной реальности, масштабов происходивших перемен и места различных групп в динамичной структуре общественных отношений, т. е. того самого общественного самосознания, необходимого для перехода к современным формам парламентаризма, не было почти ни у кого.

В результате мы получили то, что должны были получить, а вместе с тем и проистекающие из этого последствия. Борису Николаевичу Ельцину хватило мужества сокрушить две основы прежнего режима – компартию и Советы. Замечу, кстати, что Верховный Совет был отнюдь не парламентом, а специфическим – в рамках советской системы – инструментом проведения политики компартии в жизнь. Но, сокрушив эти основы политически, первый президент России вынужден был строить новое государство, опираясь на то, что осталось от старого. И он предпочел сделать ставку на спецслужбы.

Все разговоры о том, что выходцы из спецслужб хлынули во власть широким потоком лишь при Путине, – неправда. Они стали возгоняться в верхние слои политической атмосферы в середине 1990-х, и это было связано не только с тем, что Ельцин опасался спецслужб, но и с тем, что ему нужно было опираться на какую-то реальную и надежную силу, которая его не сдаст. И когда речь зашла о преемнике, возможности выбора оказались предельно узкими. Все кандидаты были из силовых структур: Евгений Примаков – генерал и бывший руководитель ГРУ, Сергей Степашин – генерал и бывший глава ФСБ, Владимир Путин – тоже понятно, а

на раннем этапе в этом списке фигурировал еще и генерал Николай Бордюжа. Все разговоры о том, что приемником мог стать Николай Аксененко или кто-то иной, – это были разговоры пустые. Круг претендентов жестко и однозначно очерчивался выходцами из спецслужб и других силовых структур. Причем именно персонализация власти определяла спецслужбы как ту единственную силу, на которую эта власть могла опереться в переходный исторический период.

Что же касается самого факта такой персонализации и предпосылок, создаваемых для нее конституцией 1993 года, о чем написал Михаил Краснов, то, повторяю, все это не случайно. Люди, которые сочиняли конституцию, решали поставленную Ельциным задачу и конструировали политическую систему под персону «заказчика». Правда, они, скорее всего, не предполагали, что создают институциональные условия, облегчающие вхождение представителей спецслужб в высшее политическое руководство страны. Догадывался ли об этом сам Ельцин? Думаю, что догадывался. Вряд ли он мог все просчитать, но он обладал гениальной интуицией и, кроме того, точечным видением ключевого звена стоящей перед ним политической проблемы – как орел, который летит и видит только те точки на огромном пространстве, которые ему нужны. Ельцин, по-видимому, представлял себе возможные последствия принимаемых решений, но, как большой политик, действовал в тех рамках, которые определила ему история.

В итоге на рубеже 1990–2000 годов страна столкнулась с проблемой, которую можно обозначить так: могла ли политическая элита, обновленная Ельциным перед его уходом, преобразовать созданную им политическую систему и вывести нас из 1990-х с наименьшими потерями?

Шанс раннего Путина

Путин реально пришел к власти 16 августа 1999 года, когда Дума утвердила его главой правительства. И в тот же день было объявлено, что он будет баллотироваться на предстоящих президентских выборах. Иными словами, он пришел к власти, когда решение о преемнике было фактически обнародовано уже официально. Так вот, в 1999 году, с моей точки зрения, у нации в лице ее политической элиты был колоссальный шанс избрать для страны новый путь. Шанс этот был вполне реальным, потому что Ельцин освободил своего преемника от каких бы то ни было обязательств перед олигархической машиной, которой сам он после выборов 1996 года был повязан по рукам и ногам.

Более того, с его уходом новая элита освобождалась и от неразрешимых экономических проблем, потому что самый страшный поворот, ведущий к необратимому распаду экономики, в августе – сентябре 1998 года удалось миновать. Страшный удар, который нанес по России капитализм «эпохи первоначального накопления», страна выдержала. Было ясно, что 17-летний период понижательной тенденции цен на нефть вот-вот закончится, и впереди, по крайней мере на несколько лет, страну и ее экономику ожидает рост мировых цен на энергоносители. Было ясно также, что реформы заработали, а неприятные издержки первоначального периода приняли на свой счет ельцинские элиты. Так что у новых элит руки, в известном смысле, были развязаны.

К тому же и в обществе к тому моменту сформировался запрос на новую политику и новое политическое лидерство. Суть его, с моей точки зрения, аккумулировал Никита Михалков (человек, очень точно чувствующий конъюнктуру) в фильме «Сибирский цирюльник» – слабом профессионально, но чутком к духу общественных перемен: «Он русский, и это многое объясняет!» А я бы добавил: он свободный русский, и это многое объясняет. В обществе вызрел запрос на свободного и патриотичного лидера, и Путин, не произнося ни слова и не формулируя собственную политическую программу, тем не менее идеально встроился в востребованный образ. На почве приятия этой новой идеологемы, заявленной в фильме (его пре-

мьера прошла во Дворце Съездов, фактически – в Кремле), сошлись все: и элита, и народ. И в этом был определенный шанс на общенациональное согласие.

Путин не был либералом, но у него появилась возможность, примиряя собою нацию, постепенно менять структуру управления и модернизировать страну в соответствии с теми задачами, которые ей предстоит решать в XXI веке. Единственное, чего Ельцин ему не дал и не мог дать – это свободу от той среды, которая Путина взрастила, – я имею в виду среду чекистскую. Но это уже был вопрос политического масштаба личности: хватит ли Путину решимости последовать примеру Ельцина, разорвавшего в свое время отношения с взрастившей его компартией? Это – вопрос политической воли, и насколько я могу судить на основании имеющихся в моем распоряжении фактов, такая воля в должной мере проявлена не была.

Ставка на «вертикаль власти»

Впрочем, выбор Путина мог быть и вполне осознанным. Не исключено, что он просто подсчитал последствия и понял, что не может позволить себе разрывать отношения с доставшейся ему политической системой. При этом он, ориентируясь на силовиков, оставил в руководстве экономической политикой исключительно либералов. Однако в дальнейшем, чем либеральнее был экономический курс, тем жестче и охранительнее становилась политическая среда, обеспечивающая либеральные реформы. Но когда вы делаете такой выбор, т. е. ставите на равные позиции взаимоисключающие политические силы, вы оказываетесь обречены сохранять «вертикаль власти».

Увязка появления термина «вертикаль власти» с Бесланом – случайность, недоразумение. Просто наступил срок завершения продолжительной подготовительной работы, а удачный ли то был момент для объявления о новом политическом повороте – вопрос особый: с этической точки зрения, может быть, и неудачный, но политически абсолютно точный и закономерный. И в этот момент модель политической системы, которую Ельцин создавал как вынужденную и переходную, закрепляется необратимо и окончательно. Изнутри системы поменять ее становится уже невозможно: когда приоритетной задачей провозглашается построение «вертикали власти», система для перемен закрывается. Этот момент маркирован двумя знаковыми событиями: заявлением о том, что отныне мы строим вертикально ориентированную государственность, и арестом Михаила Ходорковского.

Здесь вряд ли уместно обсуждать, хорош Ходорковский или плох. Более того, у меня нет полной уверенности в том, что победа Ходорковского была бы лучшим вариантом в сравнении с тем, что произошло. Но случилось то, что случилось. И случившееся, с моей точки зрения, – не просто преступление. Это – хуже, чем преступление, это – ошибка.

В тот день и час, когда было принято решение об аресте Ходорковского, пришел в действие маховик, остановить который уже нельзя. Он выносил наверх силовиков и спускал вниз либералов, нарушая пропорции внутри правящего класса и побуждая оба слоя элиты закрываться: решение о «вертикали власти» перекрывало каналы вертикальной мобильности, решение по Ходорковскому – уничтожало транспарентность системы «по горизонтали», разрушало ее связь с обществом.

До перехода к открытому выстраиванию Путиным «вертикали власти» еще можно было смикшировать, повернуть, остановить соответствующие процессы. Но как только этот принцип был сформулирован в качестве политической задачи, властная бюрократия обрела организующее начало и стала выстраиваться в упорядоченную, закрытую и устойчивую к внешнему дестабилизирующему воздействию систему.

При этом потребовалось наложить узду на общественное мнение, поскольку люди, которые фокусируют его, хотя и являются меньшинством, но очень активным, и их активность представляет серьезную угрозу для бюрократии. Пришлось также прервать реформирова-

ние судебной системы, причем на стадии близкой к завершению. Реализация плана Дмитрия Козака приостанавливается. А сам Козак, который, с моей точки зрения, мог бы стать в момент окончания первого президентского срока оптимальным преемником для Путина (с одной стороны, как человек системы, а с другой – как более открытый политик), исчезает с главной политической арены страны, уходит в политическое небытие.

Вслед за этим запускаются процессы отъема собственности, в которые вовлекаются на равных как либералы, так и силовики. Потому что либо ты лоялен, либо – уходишь. И когда умный и энергичный экономический политик Игорь Шувалов открыто сетует, адресуясь западным политологам, что силовики побеждают, что Роснефть уводят из государственной системы, остается лишь развести руками. Когда он, в составе общей команды, принимал участие в отъеме Юганскнефтегаза, он не понимал, чем это кончится? Он не понимал, что на то они и силовики, чтобы быть сильнее и не останавливаться на достигнутом?

Это, безусловно, довольно поверхностный анализ, всего лишь мои наблюдения, но я формулирую итог: все, крышка захлопнулась, ловушка закрыта, из мышеловки выхода нет. Правда, пока в мышеловке есть сыр, ситуация выглядит почти нормальной, внутренние напряжения и конфликты почти незаметны. Но если и как только сыр закончится, мы все столкнемся с очень большими проблемами: мышки в мышеловке захотят выйти из нее, а выхода нет. И хотя в истории возможно всякое, я смотрю на ближайшее будущее нашего государства в его нынешнем виде пессимистически. Государства, которое с судьбой страны, однако, не отождествляю.

Разумеется, если цены на нефть хотя бы еще лет десять продержатся в районе 60 долларов за баррель, не очень превышая этот порог, но и существенно не снижаясь, если цены на газ будут вести себя так же, тогда все мои опасения беспочвенны. Мне не нравится, как выстроилась система, но я готов буду признать, что ее создатели угадали экономический тренд и построили под него жизнеспособную государственность. Саудовская Аравия, например, вполне жизнеспособная страна, а у нас в России есть преимущества, которых нет у Саудовской Аравии: это просторы, это интеграция в западную экономику и многое другое. Однако в том, что еще лет десять продержится нынешний ценовой уровень на энергоносители, я сомневаюсь. Цены могут либо зашкалить, и тогда мы вместе со всем миром просто не выдержим таких затрат на энергию, либо упадут, и тогда мы полетим вверх тормашками, потому что уже привыкли жить в условиях высочайшей доходности экспорта. А перенастроиться созданная система не сможет.

Предчувствие грядущего кризиса

Значит, нас ждет кризис. В какой форме он будет протекать? Я не верю в реальность сценария «оранжевой революции» в России. Этого не произойдет по нескольким причинам.

Во-первых, революция, подобная украинской «оранжевой», в России уже была в августе 1991 года. «Оранжевая революция» – это способ ухода страны от прежнего контролера с помощью другого, нового контролера. В 1991 году мы с помощью Америки уходили от Советского Союза. Грузия с помощью той же Америки уходит от России. Украина уходит от России через Евросоюз. Но от кого, посредством кого и куда будет уходить Россия – мне совершенно непонятно. Да и политических сил, которые способны выполнить эту функцию, я не вижу.

Во-вторых, деградация либерального крыла российской политики сегодня такова, что в сравнении с ней состояние силового политического блока покажется просто идеальным. Во всяком случае, Игорь Иванович Сечин как политик-бюрократ даст сто очков вперед любому демократическому политику. Он свои функции знает куда лучше, а свои цели отслеживает куда внимательнее, чем тот – свои.

Безусловно, вплоть до ареста Ходорковского, о чем я уже говорил, существовал и иной вариант развития политического процесса. Была практически идеальная модель: власть сама

выращивала номенклатурную оппозицию во главе с Михаилом Касьяновым, которая при помощи той же власти постепенно трансформировала (но не ломала) существующую систему. Можно предположить, что таким путем страна в течение двух президентских сроков могла выйти к каким-то иным политическим горизонтам, вплоть до подготовки почвы для перехода к парламентской республике. Но сегодня я уже не вижу никаких шансов для движения в этом направлении.

А симптомы приближающегося кризиса налицо. Похоже, уже возникают определенные экономические проблемы. Прежде всего, они связаны с существенным понижением мировых цен на энергоносители в конце лета и начале осени 2006 года (примерно на 18 % за три недели) при неясных перспективах на будущее. Резко снизилась за последние месяцы капитализация Газпрома. Очевидны и непосредственно политические риски, обусловленные вступлением страны в очередной электоральный цикл. Какова же может быть реакция на эти вызовы и риски?

Есть «стратегия Кутузова»: ничего не делать и позволить истории течь самой – тогда, возможно, все придет туда, куда нужно. И есть «стратегия воли», когда политический актор ломает естественный ход истории и пытается развернуть ее в нужном направлении. Если бы после Ельцина был избран первый вариант – ничего не делать (как, например, поступал Примаков, когда был премьером), то, может быть, мы смогли бы 2008 год проскочить. Но власть пошла иным путем, который и привел к нынешнему предкризисному состоянию. Она выбрала «стратегию воли», но такую, которая оказалась стратегически бесплодной и быстро выдохлась, сменившись отсутствием какой-либо стратегии вообще. И сегодня в Кремле пугают друг друга «оранжевой революцией», страшилками про то, что Америка готова поглотить Россию, что завтра будет война… В закрытом клубе под названием ЗАО «Кремль», судя по косвенным данным, уже началась внутренняя паника, раздрай там хуже, чем в оппозиции, и друг друга члены этого клуба ненавидят больше, чем оппозиция ненавидит их совокупно.

Более того, там уже явным образом сформировались две группировки, которые можно обозначить (памятуя о выборах 2007–2008 годов) как «выборную» и «антивыборную». Первая настаивает на проведении выборов путем продвижения кандидатуры преемника. Вторая – не хочет отпускать Путина с президентского поста ни при каких обстоятельствах.

Путин – человек очень умный, он прекрасно понимает, что ему в любом случае в 2008-м необходимо уходить, что только при таком условии он получает надежную международную гарантию безопасности. Известна красивая историческая параллель, которая, конечно, условна как все исторические параллели. Суть ее такова: с разрывом ровно в 200 лет основные этапы Великой французской революции и новейшей российской истории обнаруживают поразительное сходство. 1789 год – созываются Генеральные штаты, 1989 – первый съезд народных депутатов СССР. В том и другом случае открывается клапан кадрового обновления власти, появляются новые люди, действия которых тотчас входят в противоречие с интересами старых кланов; в обществе начинаются разброд и шатания. 1791 год – неудачное бегство короля, 1991 год – Форос. 1793 год – казнь Марии-Антуанетты и Людовика XVI, 1993 – попытка переворота и обстрел парламента (настаиваю: обстрел, а не расстрел, которого как такового не было). Пропускаем несколько этапов… 1799 год – фактический приход Наполеона к власти, 1999-й – фактический приход Путина к власти. 1804 год – пожизненное консульство Наполеона, 2004-й – второй срок с перспективой пожизненного президентства. 1808 год – Тильзит, вершина побед Бонапарта, а дальше 1812 год и за ним 1814-й и 1815-й. Итог – остров Св. Елены.

Чтобы прервать аналогичный ход событий, надо вовремя уходить.

Дилеммы Путина

Парадокс, однако, состоит в том, что на сегодняшний день в своем противостоянии «антивыборной» группировке Путин может апеллировать только к той силе, которую сам же затоптал, т. е. к медиаресурсам. Напомню, что на всем протяжении своего правления Ельцин никогда медиа не трогал, потому что прекрасно понимал, что свободные медиа защищают эффективнее, чем подконтрольные. Сегодня Путин объективно нуждается в СМИ. Именно через них он транслирует свои обещания уйти после второго срока, понимая, что только посредством апелляций к населению он может защитить себя от принуждения остаться. Но ресурс медиа работает плохо, потому что разрушена связь между ними и обществом. А разрушена она потому, что СМИ перестали быть свободными. При таком положении вещей лидер остается один на один со своими «друзьями», которые не могут допустить его ухода.

Возможные сценарии, которые они могут попытаться реализовать, – это внутренние беспорядки с последующим введением чрезвычайного положения или внешняя война. Сейчас идут своего рода военные учения (я имею в виду Кондопогу и то, что происходит вокруг Грузии), опробуются разные варианты, какой сработает. Несомненно, вы не можете точно спланировать поведение господина Саакашвили, вы не можете спланировать раздражение отморозков в Кондопоге, но вы можете эти точки напряжения использовать, чтобы посмотреть, как развивается ситуация, каким образом можно ее локализовать или, напротив, позволить беспрепятственно развиваться дальше.

В Кондопоге – классический случай, когда ситуации дали взорваться, до определенного момента не мешали, а потом резко одернули. Это похоже на армейские учения. А с Грузией, полагаю, отрабатывается некий вариант использования «внешнего» фактора. Иначе невозможно объяснить, почему такое внимание уделяется столь политически ничтожным державам, как Молдавия и Грузия. Я ничего плохого о грузинах и молдаванах сказать не хочу, но в политическом отношении эти державы Россию вообще не должны волновать. Договариваться, чтобы интересы абхазцев и осетин как граждан России (но не Абхазии и не Осетии) защищались, – необходимо. Но отстаивать интересы территорий – это как-то странно, с моей точки зрения.

Итак, на сегодняшний день силовая («антивыборная») группировка во власти побеждает. Но она пока еще не победила окончательно. Более того, Путин уже дал этой группировке первый бой, когда аккуратно убрал Владимира Устинова с поста генпрокурора. Война во власти, с моей точки зрения, уже идет по полной программе. Тот факт, что Газпром был вынужден купить Сибнефть по завышенным ценам, прямо указывает на это. Прежде расчет был на инкорпорирование в структуру Газпрома Роснефти и использование дивидендов в ходе предвыборной кампании. Силовики этот ресурс отобрали, и Газпрому пришлось покупать Сибнефть по ценам выше рыночных у ее реальных владельцев. С этого момента ситуация уже вышла из равновесия, и дальше процесс пойдет по нарастающей.

Силовики неизбежно захотят приватизировать Роснефть до окончания предвыборного цикла, т. е. до 2007 года. Либералы вынуждены будут дать им бой, в котором полетят головы.

Путин пытается микшировать ситуацию: то, что он снял с поста Устинова, не убирая его из политической системы, показывает, что он пока предпочитает демонстрировать обеим сторонам, кто в доме хозяин. Одним он показывает, что если они намерены спустить с цепи бульдога, то он в состоянии посадить бульдога снова на цепь; другим – что если они надеются с его помощью навсегда избавиться от этого бульдога, то ошибаются: он будет сидеть на цепи там, где ему указано.

Есть и другой сигнал от Путина – 17 отставок в высшем эшелоне власти с конца лета 2006 года. Среди них – две в руководстве ФСБ и еще две – в Администрации президента. Иными

словами, борьба уже идет не на жизнь, а на смерть. И пока победителем в этой борьбе остается сам Путин. Он демонстрирует всем, что главный вопрос окончательно еще не решен.

Тем не менее я, повторяю, наблюдаю симптомы нарастающего кризиса, выходом из которого будет не «управляемая революция», а что-то совсем иное. Я не пророк, но это будет не просто политический кризис в его привычных для нас проявлениях. Это будет кризис, развивающийся по схеме недавних событий в Будапеште или тех, что назревают в Варшаве, – неуправляемый порыв стихийного недовольства людей, но в гораздо более жестких формах.

Смута в верхах имеет свойство распространяться и на более низкие этажи общественного здания. А смута в российских верхах не ситуативная, обусловленная только предстоящими выборами. Она системная. В подтверждение – один лишь пример.

У меня есть свои идеологические симпатии и антипатии. Но, отдавая предпочтение либеральной модели государства, я понимаю, что можно жить и при антилиберальной. Человеческая жизнь, в конце концов, протяженнее любого отдельно взятого исторического периода. Но у антилиберальной (номенклатурно-бюрократической) модели, как и у либеральной, есть свои законы функционирования. Они просты: своих не сдают, из системы не выбрасывают, если ты ее не предал. Но сегодня этот принцип нарушается точно так же, как нарушается принцип свободных выборов.

Поговорите с людьми из номенклатуры: они за свою шкуру, за свое положение дрожат так, как никогда ни один советский чиновник не дрожал. Советский партократ дрожал, потому что все время должен был думать: понизят – не понизят, какой номер пайка будет – по первому разряду или по второму, переведут ли в какой-нибудь город, где нет ресурсов, а есть только сельское хозяйство, или не переведут, хороший обком дадут или так себе. Но что его вышвырнут из системы в поле голого и как врага, он не мог такого предположить.

Такое было только в среднесталинский период. Послевоенный Сталин уже не мог позволить себе подобного. Более того, даже во время большого сталинского террора у опальных, но не репрессированных представителей номенклатуры был шанс вернуться в элиту: номенклатура знала, что существует нижняя граница падения. А где эта нижняя граница проходит сегодня, номенклатура не знает. Нарушены все базовые принципы ее формирования – и демократические, и недемократические. Сегодня невозможно нормально жить и тем, кто хочет жить при демократии, и тем, кто хочет жить при номенклатурных порядках.

Иными словами, система перестала быть самонастраиваемой, она управляема изнутри лишь до тех пор, пока Путин держит рычаги управления в своих руках. Но самоизмениться она не в состоянии.

О роковых моментах истории и свободе политического выбора

Читатель может заметить, что около 1999 года оптика авторского анализа ситуации меняется. На процессы до 1999 года я смотрю одними глазами, а на процессы после него – другими. Причина тому следующая.

С позиции политического актора, с одной стороны, всегда есть некий набор исторических обстоятельств, которые вы не можете обойти, некая историческая закономерность. Но, с другой стороны, есть и определенная свобода исторического решения. Однако соотношение этих факторов бывает различным и меняется в зависимости от решений, принятых ранее, и изменчивых обстоятельств. К примеру, у Ельцина наибольшая свобода была в 1991 году, она сохранялась и в 1993-м, но чем дальше, тем в большей степени все определяла своего рода железная необходимость. С моей точки зрения, в 1991 году Ельцин сделал правильный выбор. И в 1993 году – тоже правильный. Это позволило сохранить страну, пускай ценой потрясений, за которые мы до сих пор расплачиваемся. Но в 1999 году должен был быть заново сделан

еще один свободный выбор, т. е. выбор в пользу развития, преобразования, а не консервации системы.

Этого не произошло. Напротив, после некоторых колебаний 1999–2000 годов был сделан своего рода отрицательный выбор. При этом страна проходит две уже упоминавшиеся мной точки невозврата: арест Ходорковского и Беслан. Дальше – снова действует логика железной необходимости, но если тогда, в 1991 и 1993 годах, мы, принимая очень тяжелые решения, выходили из тупика, то теперь целенаправленно движемся по горизонтали из тупика в тупик.

Тем не менее и сегодня сохраняется известная свобода политического выбора. Сохраняется, говоря иначе, возможность для реализации новой «стратегии воли». Теоретически мыслим, например, «царский» путь, когда Путин, оказавшись в патовой ситуации и поняв, что загнан в тупик, идет ва-банк и сам ломает свою собственную политику, демонтирует им самим выстроенную политическую систему. Я почти не верю в этот вариант, но в истории такое случалось. Это должен быть шаг великого политического деятеля, который ставит на кон весь свой политический капитал, понимая, что вероятность проигрыша очень велика. В 1999 году для такого шага были очень благоприятные обстоятельства. Сейчас шансов на успех гораздо меньше.

Альтернативой же этому опять-таки может быть лишь глубокий системный кризис, который приведет нас к новой развилке с возможностью сделать новый свободный выбор. Правда, при гораздо худших стартовых условиях, чем в 1999–2000 годах.

Определенные симптомы формирования запроса на новое решение и новую парадигму политического лидерства (такого же, как путинское, но более крутого) уже наблюдаются. Сказываются постоянные разговоры о противостоянии окружающему миру, о нарастании внутренней напряженности. Люди начинают ощущать растущую угрозу, но не понимают, от кого она исходит, в чем ее причина. Более того, у них начинает двоиться сознание, потому что они искренне любят Путина, самого популярного политика по данным массовых опросов. Экономика вроде бы налаживается, но жизнь по-прежнему плохая, жить в стране неуютно. Вроде бы при Путине такого быть не должно, но это есть. Как удержать систему, если такие настроения получат развитие, непонятно. Я, по крайней мере, этого не знаю. Если бы знал, сам бы стал политиком.

Попытка политического консультирования

Что в этой ситуации можно посоветовать российскому лидеру? Я бы ему посоветовал, пока не поздно, создавать номенклатурную оппозицию. По своей природе она может быть неотличима от нынешней элиты – как от ее силовой, так и от либеральной страты. Она будет такой же меркантильной, но при этом – несколько более гибкой и не столь связанной различными обязательствами ни по отношению к силовикам, ни по отношению к либералам. И, главное, она будет способна дать необходимые гарантии сохранения контроля лидеров нынешнего режима за значительной частью ресурсов, имеющихся на сегодняшний день в их распоряжении. Сменяя нынешнюю элиту во власти, она должна быть ориентирована на решение своей главной исторической задачи – обеспечить постепенную адаптацию общественного устройства к неизбежным переменам.

Сейчас формирование такого рода номенклатурной оппозиции (реальной, а не имитационной) по существу блокируется. Система следит за всем, что может представлять угрозу ее стабильности, уничтожает и вытаптывает все подозрительные ростки. Но кадровый ресурс для такой оппозиции имеется. В первую очередь это люди, прошедшие через административные структуры существующего режима, находящиеся на его обочине, имеющие опыт работы в среднем и крупном бизнесе, достаточно лояльные, чтобы гарантировать безопасность представителям режима, и достаточно обиженные, чтобы стремиться к его изменению.

Это те, кому сегодня 45–55 лет. Люди, представляющие средний и мелкий бизнес, которым обещали все, но не дали почти ничего. Не надо бояться того, что отчасти это националистическая и даже, я бы сказал, национал-демократическая оппозиция. Во главе ее должны быть прежде всего русские люди. На ее знамени должно быть написано: «*Родина, сила, солидарность*». Но со временем цели такого движения должны быть несколько скорректированы. Примерно так: «*Свобода, вера, солидарность*».

Солидарность здесь – слово ключевое. Дело в том, что все разговоры о российском коллективизме – полная ерунда. Россия – страна не коллективистская, а солидаристская. В нужный момент составляющие ее индивидуумы способны объединиться ради какого-то дела. Но жить в коллективе они не способны и никогда не смогут. В России ни одно коллективное начинание не приводит к успеху, она в этом смысле больше похожа на Америку, чем на Европу. Это, повторюсь, солидаристская страна.

В каких политических формах могут реализоваться описываемые преобразования? Думаю, начинать в любом случае придется в рамках существующей модели, характеризуемой как персонифицированная власть с очень сильным бюрократическим ресурсом. Необходимо переориентироваться на новую среду для формирования политического заказа, на неудовлетворенных людей среди молодежи, среднего и мелкого бизнеса. Нужно создавать новые партии. А для того, чтобы партии появились, нужна общенациональная дискуссия. Для этого, в свою очередь, нужно освобождать медиа… Ну и т. д.

Есть и еще одна альтернатива: новая элита могла бы пойти не политическим, а гуманитарным путем. Существует огромное количество гуманитарных проектов, способных объединить нацию, но беда в том, что до настоящего времени они реализуются исключительно бюрократическими методами. Вот, например, Путин попытался в последнем послании Федеральному собранию подойти к решению демографической проблемы. Но у него целеполагание, как у бюрократа: главное – средства и кто их будет осваивать. А подойти следует иначе, акцентируя гуманитарные аспекты проблемы: ведь это позор страны, когда 600 тысяч детей воспитываются в детских домах. Необходим проект усыновления основной массы воспитанников российских детских домов в течение ближайших десяти лет. Причем, поскольку наша страна патерналистская, лидер должен подать ей пример, чтобы усыновление вошло в моду.

Существуют и проекты, ориентированные на малый и средний бизнес, активизирующие его конкурентный потенциал и личностные амбиции его представителей. Если власти удастся вернуть доверие этой важной социальной группы, это будет серьезным шагом в нужном направлении.

Но у проблемы грядущей трансформации есть и другая сторона, связанная с возможностями *общественной* альтернативы проектам, выдвигаемым властью. Мы, видимо, не смогли вовремя зафиксировать тот момент, когда в России идея собственности завладела умами. Эта идея, так проклинаемая массами, на самом деле, как только дело доходит до реальных проблем, в момент овладевает умами конкретных представителей самих масс. Пример тому – ситуация, с которой столкнулось московское правительство в Южном Бутове.

Юрия Михайловича Лужкова вообще следует назвать родоначальником гражданского общества в России: уничтожая Москву, он заставляет людей, интересы которых затрагиваются действиями власти, объединяться, формируя реальную силу гражданского противостояния. Мы зачастую просто не замечаем, как на наших глазах меняются фундаментальные основы общественной жизни. Между тем обновление почти очевидно, вопрос лишь в том, будет ли у этих гражданских инициатив, формируемых на основе идеи собственности, исторический шанс дозреть и сформировать полноценное гражданское общество, или власть предпочтет затоптать его ростки.

Если оценивать предварительные итоги правления Путина, то оно характеризуется протеканием двух противоположно направленных процессов: идет быстрая деградация политиче-

ской системы и медленное вызревание гражданского общества. Причем в последнем власть сознательно искореняет его политизированную компоненту, опасаясь возможности воспроизведения в России сценария «цветной революции» по примеру, скажем, Грузии. Но такие опасения ни на чем не основаны.

Да, в Грузии общественные организации действительно были напрямую наняты для осуществления государственного переворота. Но это стало возможным потому, что в стране была колоссальная безработица, делать людям было нечего, а в общественных организациях они могли получить средства к существованию. В России все иначе: активные люди вкалывают по 12 часов в сутки, и их трудно вовлечь в политические акции. Но неполитизированные общественные организации, объединяющие людей по конкретным поводам защиты их конкретных интересов, формируются в России независимо от власти и активно развиваются. Основой их объединяющего потенциала выступает собственность граждан, являющаяся гарантом их независимости и от государства, и от бизнеса. Это и есть базовая идея гражданского общества.

О шансах России на будущее

Однако, в отличие от некоторых участников дискуссии, я не вижу никаких шансов на то, что нашу государственную систему удастся модернизировать силами общества. Ни путем «оранжевой революции», которой, конечно, не будет, ни каким-либо иным. Шансы модернизировать систему изнутри – еще меньшие. Наиболее вероятно то, что она развалится сама, обнаружив свою нежизнеспособность. А ее крах спровоцирует глубокий социальный кризис, преодолевая который мы придем к необходимости воссоздавать государство заново. При этом очевидны высокие риски соответствующего переходного периода, когда к власти может прийти такая популистская сила, по сравнению с которой власть нынешняя покажется чуть ли не идеальной. Но в истории всегда так: либо все меняется медленно, либо – очень быстро, а быстрые роды, как известно, могут привести к смещению шейных позвонков. И тем не менее выбор, стоящий перед нами, таков: рождаться или не рождаться.

Примем во внимание и то экономическое давление, которое будет испытывать Россия со стороны глобальных процессов, а в них она включена еще очень слабо.

Посмотрите, как нынешняя элита описывает взаимоотношения России с миром. Это, с одной стороны, отношения осажденной крепости с осаждающей ее ордой, а с другой стороны, как говорит Владислав Сурков, отношения с нашими конкурентами на политическом рынке, где соперничают государства. Тут очевидна логическая несообразность: глобальная экономика не предполагает конкуренции между державами, она предполагает конкуренцию лишь между производителями; идея державы в глобализирующемся мире вообще утрачивает какую-либо определенность. Нельзя быть конкурентом на мировом политическом рынке, если вы участник глобализации.

Даже метафора державы как единой мегакорпорации в данном случае не срабатывает: метафора эта заимствована из индустриальной эпохи и неприменима к глобализованному постиндустриальному обществу. Надо отдавать себе ясный отчет в том, что мы в него еще не вошли. Ведь даже Газпром – единственная российская компания, имеющая транснациональное распространение и стремящаяся позиционировать себя в качестве транснациональной, таковой не является. Это – национальная корпорация, действующая в транснациональных масштабах. Корпорация, еще не вошедшая в глобализацию.

Возможно, что такой разрыв между желаемым и действительным и определяет многие удивительные особенности мировоззрения российского правящего класса. В России все перепутано, и ее элиты не понимают, что значит быть полноценным участником глобализации. Более того, они не знают, что необходимо делать, чтобы изменить ситуацию.

Впрочем, Америка и Запад в целом еще хуже представляют, что им делать с Россией, чем Россия представляет, что ей делать с самой собой. В этом смысле в советские времена было больше определенности. Например, ядерные боеголовки, направленные СССР и США друг на друга, были нужны для взаимного сдерживания. А зачем они нужны сегодня? Политики Запада не могут понять, что для них предпочтительней: инкорпорировать Россию в западное сообщество или изолировать ее. И, на всякий случай, не делают ничего. Забавно, что Путин говорит сегодня об отношениях России с Европой, слово в слово повторяя то, что говорил Ходорковский в 2002 году. Но подобно тому, как у Ходорковского в те годы попытки выйти на глобальные рынки через Америку закончились ничем, так и у Путина из этого ничего не получится. Как в политике, так и в экономике России пока можно наблюдать лишь имитацию современных форм.

Конечно, жизнь идет своим путем. Главная наша проблема, связанная с властью, – помешает она нашей жизни или нет. То, что власть давно потеряла связь с реальностью, – медицинский факт. Она замкнулась сама в себе, она парит, словно шаровая молния над поляной. Вопрос в том, взорвется она или не взорвется, долбанет или не долбанет. Если ее унесет куда-нибудь – так в добрый путь, забирайте ее и летите отсюда.

История – субстанция экономная, она отвергает все лишнее. Если государство не справляется со своими функциями, оно будет отвергнуто и на его месте возникнет другое. Точка. Я, как и всякий нормальный человек, не хочу платить своей судьбой и судьбой своих детей по счетам такого государства. Я не хочу судить, хорошее оно или плохое, нравится оно мне или не нравится, – все это не более чем факт моей биографии. Даже если это государство мне персонально не нравится, я готов бы был с ним сотрудничать, если бы его существование шло на пользу жизни, прорастающей снизу. Но я знаю, что за кризис выстроенной системы я заплачу частью жизни своих детей. А я не хочу за это платить. Поэтому я не хочу, чтобы кризис, в который власти затаскивают страну, был серьезным, по-настоящему тяжелым.

Помните, Солженицын писал: «Пробили часы на башне коммунизма, и обвал неизбежен, главное, чтобы нас не погребло под этими обломками». Сегодня масштаб кризиса, конечно, иной. И все-таки… Когда башня коммунизма рухнула, плиты образовались крупные. А сейчас крупные остатки тех плит, среди которых мы живем все эти годы, в свою очередь начнут разрушаться, и новые обломки будут совсем мелкие. Погибнуть под такими обломками нельзя, но вполне можно задохнуться в пыли. Вот этого я и хочу избежать.

Жизнь на российском пространстве при любом исходе событий все равно будет продолжаться. Из истории мировой цивилизации Россию ничто и никто не вычеркнет, она в любом случае будет участвовать в строительстве глобального будущего. Вопрос в том, какова будет цена нашего участия в этом строительстве и как надолго мы задержимся, пытаясь преодолеть собственную неготовность и те неустройства, в которые ввергнет нас очередной кризис.

Евгений Гонтмахер «Судьба Российского государства зависит от того, способен ли будет новый президент обновить российскую политическую элиту»

Размышляя по поводу состояния современного Российского государства, я осознаю сложность своей ситуации, поскольку много лет пребывал внутри институтов этого государства в качестве его маленькой частички, винтика. И сейчас, хотя я все равно включен в его коловращение, мне предстоит попытаться беспристрастно взглянуть на него со стороны.

В отличие от большинства участников дискуссии я хотел бы поговорить не столько об институциональной структуре Российского государства и особенностях его конституционного устройства, сколько о том, как оно реально работает, как функционируют его кадры, какие цели оно перед собою ставит и сколь эффективно их добивается, как, наконец, соотносится то, чем оно должно заниматься, с тем, что оно делает «на самом деле». Осознавая особость своего подхода в рамках данной дискуссии, полагаю, тем не менее, что он может оказаться полезным для более ясного понимания обсуждаемых проблем.

Российское государство сегодня не выполняет ни одну из своих базовых функций

Скажу сразу: я склонен к радикально негативным оценкам нынешнего российского государства и результатов его деятельности. С моей точки зрения, оно сегодня не выполняет ни одну из тех своих функций, которые должно было бы выполнять в соответствии с классическими представлениями о современном государстве.

Начну с такой его функции, как принуждение к порядку посредством использования монопольного права на легитимное насилие. Что мы наблюдаем? Всем известны ужасающая криминогенная ситуация, широко распространенная практика заказных убийств, коррупция. Государство этому препятствовать не в состоянии. Более того, своими действиями оно только усугубляет беспорядок. Скажем, с Нового года запретили торговать на рынках нерезидентам, не приняв во внимание, что на этих рынках господствуют криминальные, мафиозные порядки. Мы ничего не изменим, если просто поменяем одну мафию на другую, только усилим общий хаос.

Так что самую элементарную свою функцию поддержания законности и порядка наше государство не выполняет. Можно даже сказать, что в этом качестве оно фактически отсутствует, поскольку превратилось в особый элемент рыночной экономики. Вот прочитал недавно интервью с председателем Комитета Госдумы Владимиром Васильевым – человеком весьма толковым. И он откровенно говорит: понимаете ли, на каждом рынке существуют свои милиционеры, которые берут с торговцев деньги. Говорит спокойно, не рвет на себе волосы. Но ведь он – бывший первый замминистра внутренних дел… Иными словами, открыто признается, что репрессивная часть Российского государства сегодня прочно вросла в экономику и никаких функций, кроме обслуживания своих собственных корыстных интересов, не выполняет.

Другая функция государства – проведение внешней политики. В отличие от Виктора Кувалдина я считаю, что она у нас полностью провалена. Мы исхитрились поссориться со всеми вокруг. Потому, видите ли, сейчас Россия становится сильной и должна диктовать свои условия окружающим. В результате – серьезные геополитические потери. Мы теряем постсоветское пространство: кавказские дела провалены, то же с Украиной, в ближайшие годы, уверен, от нас отпадут Казахстан, Белоруссия. Вся российская внешняя политика какая-то

подростковая: получили толику нефтяного рынка и начинаем считать, что всем все можем диктовать. Это закончится тем, что мы превратимся в страну-изгоя и с нами никто не будет считаться.

А что у нас с экономикой? Как известно, функцией государства в условиях рыночной экономики является установление правил игры, а также контроль за соблюдением законов. Чтобы понять, как у нас с этим обстоит дело, достаточно вспомнить о сохраняющемся в России колоссальном неформальном, теневом секторе. Мы видим, далее, как даже хорошие законы могут работать у нас против рынка и либеральной экономики. Вот, к примеру, несколько лет назад Герман Греф продавливал и продавил закон о регистрации в одном окне для малого бизнеса. Считалось, что теперь малый бизнес расцветет. А потом был проведен эксперимент, инициированный Игорем Шуваловым – тогдашним руководителем аппарата правительства. Он попросил одного из своих сотрудников якобы зарегистрировать свой бизнес «в одном окне» в городе Москве. Процесс растянулся не на дни и даже не на недели. Это был сплошной ужас. Так «работают» у нас законы.

В итоге мы видим, что малый бизнес, составляющий сегодня основу нормальной рыночной экономики, не может занять в России достойного места. На малых российских предприятиях работает лишь 20–25 % занятых. Между тем в Германии, к примеру, эта цифра составляет более 60 %, причем речь идет не только о занятых в сфере услуг и торговле, но и об инновационных предприятиях. У нас же значительная часть населения по-прежнему держится за свои места на старых предприятиях советского периода, которые сегодня «лежат на боку» (как, например, АвтоВАЗ). О какой конкурентоспособности несырьевого сектора российской экономики можно при этом говорить? И о какой высокой зарплате?

И, наконец, социальная сфера. Здесь главная роль государства заключается в перераспределении доходов в пользу бедных и малоимущих. Но и эту роль оно в России не выполняет, поскольку у нас различия между богатыми и бедными, как известно, продолжают возрастать даже по официальной статистике. К тому же в стране существуют колоссальные межрегиональные различия по уровню доходов.

Резюмируя, я вынужден констатировать, что по всем основным пунктам – правоохранительная сфера, внешняя политика, экономическая и социальная политика – никакой другой оценки, кроме двойки, наша власть не заслуживает. А ведь эти провалы в политике государства таят в себе колоссальную угрозу для будущего страны. Не считая себя квасным патриотом, я, безусловно, выступаю за целостность России. Но то, что происходит сейчас с нашим государством, – это прямая дорога к ее развалу.

О причинах государственной немощи России

Каковы же причины этой государственной немощи? Я не буду мазать грязью обоих наших президентов – они соответствуют тому обществу, в котором мы все находимся. Очевидно, было бы наивно пытаться представить на месте Путина какого-нибудь Бисмарка, который бы все выстроил как положено. Дело, конечно, не в конкретных персонах. Однако и от персональных особенностей зависит многое – тем более в такой стране (и с таким государственным устройством), как Россия. В частности, надо учитывать фактор непрофессионализма.

Я верю в то, что Путин, став в 2000 году президентом, хотел выстроить компактное и эффективное государство. Программные задачи, которые он ставил перед правительством на ближайшие 15–20 лет (а я участвовал в подготовке социального раздела «программы Грефа»), – вполне достойные и благородные. Но эта программа была принята правительством просто «к сведению», что в переводе с бюрократического языка на русский означает: «положить в стол и забыть». Путин мог настоять на ее одобрении и начале реализации. Но почему-то настаивать не счел нужным. Вместо этого страна стала жить по ежегодным президентским

посланиям и среднесрочным (на три года) программам правительства. Тем самым был утерян стратегический порыв, потеряна столь необходимая России перспектива.

А потом резко пошли вверх цены на нефть. И, соответственно, начали поступать огромные деньги в бюджет, став большим соблазном для президента. По своему характеру он человек чрезвычайно осторожный, очень не любит резких движений, каких-то чрезвычайных событий – вспомните его поведение во время трагедии «Курска». Он вполне нормальный человек, у него нормальные человеческие реакции, но в критических ситуациях он долго не может решить, что делать. Он опасается совершить какой-то неосторожный шаг, который может стать поводом для кривотолков. Он следит за своим имиджем, тщательно и умело подбирает свои знаменитые фразы. И все же я думаю, что если бы не эти колоссальные цены на нефть, то он вполне мог бы – вместе со своей командой – осуществить прорыв в направлении современного государства и современной государственной политики. Но цены на нефть все спутали.

Что же произошло? А произошло вот что.

Во-первых, при таких бюджетных поступлениях появляется соблазн воздерживаться от любых реформ, которые хотя бы для некоторых групп населения неизбежно болезненны и вызывают их естественное недовольство. Во-вторых, сработал эффект зависти. Многие причастные верховной власти люди, наблюдая, как вокруг ходят олигархи, у которых при повороте нефтяного краника текут реальные деньги, тоже испытали непреодолимое желание немножко состричь. Первой значительной жертвой этого их желания стал Михаил Ходорковский. Разумеется, последствия его посадки и разорения ЮКОСа заранее никто не просчитывал. А зря! Ведь 2003 год стал действительно поворотным в нашей новейшей истории, после чего заработала неумолимая логика событий.

Стало понятно, что с надеждой на создание эффективного современного государства придется расстаться до следующей смены режима. В том виде, в каком оно формировалось, оно ничем, кроме передела собственности, всерьез заниматься не могло и не хотело. А чтобы народ безмолвствовал во время начавшейся вторичной приватизации, было решено с ним чуть-чуть поделиться. Стали почаще проводить копеечные индексации пенсий, зарплат бюджетников.

Но этот поворот имел и другие последствия. Он сопровождался изменением позиций ключевых игроков в самой властной команде. К концу своего первого президентского срока Путин в значительной мере разочаровался в ее либеральном крыле, олицетворяемом фигурами Г. Грефа и А. Кудрина. Но продолжал действовать осторожно – в том смысле, что не вполне последовательно. Не давая либералам полной свободы в осуществлении необходимых преобразований, он, с другой стороны, требовал и ожидал от них каких-то реформ. Но никаких реформ при отсутствии у реформаторов достаточной свободы действий, разумеется, не происходило. Правительство же, почивая на лаврах, лишь подсчитывало доходы от нефтяного экспорта.

Самым простым и логичным решением для Путина в 2004 году было бы всех прежних прогнать и набрать новую команду. Но он на это не пошел, если не считать отставки Михаила Касьянова. И по очень простой причине. Этих, по крайней мере, он хорошо знал. И именно поэтому не только не отправил в отставку, но даже не отпускал, когда они сами просились: тот же Г. Греф заявления об уходе подает регулярно. Более того, каждый раз успокаивает их: ребята, надо еще поработать. Потому что он безумно боится новых лиц, боится тех, кого не знает по старым допрезидентским временам.

Это его большой минус как лидера, который сказался, например, на политической судьбе М. Касьянова.

Бывший российский премьер стал жертвой элементарной провокации. Она состояла в том, что буквально накануне президентских выборов 2004 года на самый верх пришла докладная записка о подготовке олигархами срыва 50-процентной явки, необходимой – по тогдашнему законодательству – для признания президентских выборов состоявшимися. Предусмат-

ривалось, что при недостаточной явке избирателей они объявляются недействительными, все кандидаты выбывают из дальнейшей борьбы, а руководство страной на три месяца до следующих выборов переходит в руки премьера. Понятно, что этот премьер (в тот момент М. Касьянов), пользуясь СМИ и прочими подручными средствами, получил бы возможность нарастить свой политический капитал и стать следующим президентом.

Записка была прочитана, и адресат ей поверил. Помните, как внезапно председатель правительства был отправлен в отставку накануне выборов?

Вот как срабатывает сложное переплетение особенностей личности лидера и нюансов текущей политики. А тут еще эти цены на нефть… В результате Россия пропустила весьма благоприятный момент для восстановления и наращивания своего экономического потенциала, а государство в лице производителей подобных записок вместо необходимых реформ начало решительно овладевать экономикой.

Государство и прежде контролировало ее через компании типа Газпрома, где имело контрольный пакет. Но делало это не столь активно, как сейчас. Теперь же оно пытается контролировать все: либо напрямую, либо через подставные структуры типа Росвооружения. Причем речь идет не просто о большем государственном проникновении в экономику. Речь идет именно об использовании группой лиц, которые сидят на соответствующих государственных постах, доходов бюджета в своих частных интересах.

Никто, разумеется, не отрицает необходимости небольшого числа государственных концернов. Но они должны работать на страну и, что не менее существенно, для этого должны развиваться сами. А что происходит у нас?

Возьмем тот же Газпром. Во-первых, в нем нет прироста добычи газа. Сейчас мы отказались от помощи Запада в разработке Штокмановского месторождения и, с моей точки зрения, сядем в лужу. Сами мы не потянем. Во-вторых, Газпром имеет дефицит бюджета. У него огромные непогашенные внешние долги (десятки миллиардов долларов), под которые заключены многолетние обязательства по поставкам газа в Западную Европу. Но так как новых мощностей не появляется, то у нас назревают проблемы с внутренним рынком. Инвестиций на разработку новых месторождений не хватает, поэтому Газпром настаивает, и, кажется, небезуспешно, на либерализации внутренних цен на свою продукцию. Что это значит с точки зрения снижения инфляции и чем обернется для рядового потребителя – понятно без лишних объяснений.

Правительство с упоением рапортует, что в Россию приходят невиданные инвестиции, но их значительная часть – это кредиты, которые привлекают наши гигантские государственные монополии. Иными словами, Газпром в долгах как в шелках. Так же как и Роснефть, которая сейчас захватила значительную часть ЮКОСа, одолжив денег. Кому же на пользу такая политика, кроме тех, кто ее непосредственно осуществляет?

Или другой пример: РАО «ЕЭС». Весьма уважаемый мною Анатолий Чубайс уже больше пяти лет всем там управляет, но только сейчас вдруг понял, что упустил главное – техническую политику. Он пришел в компанию как финансист и экономист. Разобрался с долгами, навел порядок, сделал прозрачными финансы. Все это абсолютно правильно, но – недостаточно. Оказалось, что у нас не хватает генерируемых мощностей. И сегодня Чубайс открыто говорит, что в 2007 году будут перебои с электроснабжением на Урале, в Сибири, в Москве… Но если так обстоят дела, то где же, извините, государственная политика?

А как принимаются у нас важнейшие государственные решения? Вот, скажем, Транснефть. Возглавляющий ее Семен Вайншток – очень квалифицированный менеджер, в его профессионализме усомниться нельзя. Но вопрос о том, прокладывать нефтепровод в Китай или в Японию, решался фактически без него. Не говорю уже о том, как был откорректирован маршрут нефтепровода на участке к северу от Байкала…

Я не в состоянии поверить в полный непрофессионализм людей, управляющих государственными монополиями. Очевидно, что функции, которые им вменяются и которые должны

соответствовать государственным интересам, в реальной деятельности этих управляющих деформируются тем, что ключевые решения принимаются на политическом уровне.

Вывод: государство, соблазнившись благоприятной экспортной конъюнктурой, вместо формирования и реализации экономической политики в интересах всего общества фактически произвело вторичную приватизацию в пользу кучки высокопоставленных чиновников и их обслуги. Естественно, что такому государству некогда, да и не хочется заниматься своими прямыми обязанностями.

Неизбежность политического землетрясения

Есть ли выход из этого положения? Можно ли переломить ситуацию? И кто это может сделать, выступив субъектом перемен?

Думаю, что президент Путин на такую роль давно уже не претендует. Он явно не собирается баллотироваться на третий срок. Все проблемы, которые при нем накопились, он переложит на плечи своего преемника. И груз этих проблем гораздо внушительнее того, который Путин унаследовал от Ельцина.

В свое время нынешнему президенту достаточно было сказать несколько правильных слов (Борис Николаевич в последний период своего правления даже и на слова уже был не щедр) и кое в чем немного навести порядок. Этого оказалось достаточно, чтобы Запад затрепетал в восторге от того, что наконец-то в Москве появился достойный и способный к диалогу партнер. Да и у российского общества поначалу были какие-то надежды. А что в итоге?

Период правления Путина – это период неиспользованных возможностей. Но если они не используются вовремя, они перестают быть возможностями. Или, во всяком случае, существенно уменьшаются. Своевременно не решенные проблемы становятся трудноразрешимыми или неразрешимыми вообще. Сегодня большинство людей об этом еще не подозревает – мировая экономическая конъюнктура позволяет скрывать от них реальное положение дел. Но скоро тайное станет явным. И тогда… Это как перед землетрясением – на глубине нарастает напряжение, но с поверхности пока ничего не видно.

Я глубоко убежден в том, что России не избежать повторения событий типа государственной катастрофы августа 1991-го или октября 1993-го. О неизбежности грядущего глубокого кризиса некоторые участники дискуссии (например, Александр Архангельский) уже говорили, и я с ними согласен. И в обоснование этого мрачного прогноза хочу привести некоторые дополнительные соображения.

Тяжелейшие проблемы, которые достанутся будущему президенту, – это проблемы прежде всего экономические, связанные с нашей зависимостью от цен на нефть. Я более чем уверен, что цены эти в ближайшие пять – десять лет существенно понизятся. А по расчетам экспертов известно, что при их падении ниже 40 долларов за баррель у нас возникнут серьезные трудности. Но когда возникают трудности и что-то выходит из-под контроля, у нашей власти начинается истерика. Вспомним, как было на начальном этапе монетизации льгот: едва люди вышли на улицы, власть забилась в истерике и сразу вывалила для успокоения недовольных жуткую кучу денег.

Бюджетные проблемы, связанные со снижением цен на нефть, скорее всего обнаружат себя в конце нынешнего – начале следующего десятилетия. И президенту, который с ними столкнется, не позавидуешь. Государство, не подумав толком, набрало колоссальные социальные обязательства и со страхом ожидает времени расплаты. К примеру, наш пенсионный фонд половину своих денег получает напрямую из федерального бюджета, он не может за счет единого социального налога обеспечить выплату пенсий. Иными словами, они выплачиваются опять-таки благодаря ценам на нефть, причем с каждым годом зависимость от этого источника усиливается.

Но уже и сейчас государство не в состоянии выполнять все взятые на себя социальные обязательства. Вот поймали недавно ребят из Фонда медицинского страхования, но само по себе это в данной сфере мало что изменит. Потому что дело не только в чиновничьих злоупотреблениях, хотя и в них тоже. В бюджете на 2007 год не заложено достаточного количества денег для бесплатных лекарств всем льготникам, не покрыты долги перед дистрибьюторами. Даже при нынешних ценах на сырье государство испытывает затруднения. А что будет, когда эти цены упадут?

К тому же по-прежнему плохо обстоит дело с налогами, они не выходят из тени. Рассматриваются предложения замены НДС, который не удается эффективно администрировать, налогом с продаж. Но это если и будет принято, то уже следующей администрацией, которая вынуждена будет разруливать и все социальные последствия этого довольно рискованного шага. У нас ведь такая практика уже была: пойдешь в магазин, а местные власти к ценам новую надбавку ввели. И радости у населения это не вызывало.

Последствия неизбежного падения доходов от сырьевого экспорта будут тем более драматическими, что значение несырьевых отраслей российской экономики остается незначительным. Она так и не смогла приспособиться к конкурентной среде. У нас чуть ли не половина рабочих мест с точки зрения рыночных критериев неэффективна. Люди занимаются непонятно чем и производят то, что не имеет спроса ни на внутреннем, ни, тем более, на внешнем рынке. Это касается и негосударственной сферы: классический пример – уже упоминавшийся АвтоВАЗ. Или возьмите наше авиастроение – о его плачевном состоянии тоже хорошо известно. Я уж не говорю о каких-то мелких вещах: почти все безделушки, продаваемые в российских магазинах, сделаны либо в Китае, либо в Турции. Мы стали страной, самостоятельно производящей только нефть, газ, какие-то металлы и небольшую часть еды. Что касается лекарств, то 80 % субстанций, из которых эти лекарства делают, – из Китая или Индии. И чуть ли не половина мяса у нас импортная. А Герман Греф не так давно сообщил, что к 2009 году российский импорт будет больше, чем экспорт.

В 1990-е годы так и не решились на жесткую структурную перестройку экономики. Боялись массовой безработицы, да и политическая ситуация были крайне скользкой. Вспомним: в Верховном Совете, а потом и в Думе большинство было против президента. Не сделали этого, убаюканные высокими ценами на экспортное сырье, и за истекающие путинские годы. Но такое положение вещей не может продолжаться до бесконечности. Если Россия хочет выжить, то нам точно следует половину экономики закрывать.

Возникает вопрос: куда девать людей – в том числе и тех, которые заняты сегодня в бюджетных отраслях? Ведь и очень многие учителя нынешние не годятся, и врачи. Когда проводили перепись терапевтов, которым теперь положены 10 тысяч рублей надбавки, обнаружили работающего врача 1919 (!) года рождения. А что в школах? Сегодня историю и литературу, физику и математику там преподают люди пенсионного и предпенсионного возраста, воспроизводя отсталость и рутину. И в вузах то же самое. Особенно по современным специальностям, связанным с экономикой, юриспруденцией, медициной.

Во всех бюджетных отраслях нужны новые кадры. Колоссальная, титаническая задача – от одних освободиться, обеспечив другой работой, других – набрать, предварительно подготовив. И для ее решения тоже, кстати, понадобится всемерное развитие малого бизнеса, который должен взять на себя трудоустройство миллионов высвобождаемых людей. Помогать же ему должно опять-таки государство – через создание льготных налоговых условий, предоставление бесплатных помещений, активизацию центров занятости. Только вот очень сложно представить себе в этой благородной роли нынешнее государство – насквозь коррумпированное, потерявшее (за ненадобностью) даже подобие профессионализма.

В результате бюджетная сфера пребывает в депрессивном состоянии, а в экономике в целом накапливаются критические диспропорции. Существует, например, проблема инфля-

ции, подавить которую мы не можем. Все говорит о том, что она у нас сохранится на уровне 8–9 %. Кстати, для бедных она еще больше – где-то на уровне 12–15 %. Получается, что реальные доходы тех же пенсионеров не растут, и они либо выживают за счет общего дохода семьи, либо, если одинокие, просто бедствуют. А теперь еще раз представим себе, что будет, когда цены на сырье поползут вниз. А это ведь произойдет! И тогда никому мало не покажется. С моей точки зрения, полыхнуть должно где-то в период следующей легислатуры, в 2009–2010 годах, причем непременно.

Думаю, что власть до конца не осознает реальность такой перспективы. Потому что она озабочена другим. Тем, чтобы сохранить главенствующие позиции в экономике, которые входящие в высшие властные эшелоны люди начали захватывать с 2003 года и в данном отношении весьма преуспели.

Что касается технократов типа Г. Грефа и А. Кудрина, то они, скорее всего, это понимают. Но они молчат, надеясь на какое-то чудо. Возможно, думают, что пронесет. Не пронесет! Фактически в стране складывается революционная ситуация. Я не люблю этих слов, я не сторонник революций, но боюсь, что следующему президенту придется действовать в экстремальных обстоятельствах. Страна наша, к сожалению, вождистская, и это, видимо, будет последний раз, когда от вождя будет очень многое зависеть.

Следующий президент тоже, конечно, сможет попробовать закрыть на все глаза, надеясь, что и на его политический век путинской стабильности хватит. Но это, во-первых, вряд ли, а во-вторых, последствия такой беспечности могут стать для лидера трагическими, а проистекающие из нее беды для страны – неисчислимыми. Поэтому хотелось бы надеяться, что он сразу же озаботится тем, чтобы срочно и резко поменять политику, поменять команду, поменять методы управления.

Так, например, как это сделал Хрущев после Сталина. Аналогия, конечно, условная, но тогда политика за каких-то два-три года действительно радикально изменилась, позволив СССР выйти на качественно новый уровень развития. Поэтому аналогия с тем временем сохраняет свою поучительность.

Активизировать бизнес – главная задача нового президента

Что, однако, означает сегодня «резко поменять политику»? Это означает, что новый президент должен будет пойти на риск. Он должен будет резко активизировать *политическую роль бизнеса*. Такова, убежден, главная задача будущего руководителя страны. От его способности осознать ее зависит очень многое, если не все.

Бизнес – это сфера, где работает большинство нашего населения. И это сфера, которая должна не только выживать, но и интенсивно развиваться. В том числе и потому, что нам необходимо сокращать работников бюджетной сферы, сокращать армию. Трудоустройство сокращаемых ляжет на плечи бизнеса, никто другой это сделать не сможет. Но сегодня он, с одной стороны, стал дойной коровой для нашей бюрократии, а с другой – представляет собой стадо онемевших овец, которые боятся властям сказать лишнее слово.

Более того, у бизнеса вообще нет какой-либо возможности политического представительства. Предприниматели, которым дозволено его представлять, по-прежнему ходят на цыпочках к Путину и полушепотом вымаливают очередные административные послабления в налоговой или тарифной сферах (это когда уж совсем достанет). Вопросы же политического представительства интересов бизнеса не ставятся вообще: страшат последствия. А чтобы не выглядеть трусоватыми, говорят о том, что политика, дескать, не дело бизнеса, его дело – представлять интересы акционеров и наращивать прибыль, ничто иное волновать его не должно.

Впрочем, бизнес неоднороден. Описанные мною страхи характерны в основном для крупных предпринимателей, которым есть что терять. Что касается малого бизнеса, то он

погружен в текучку, в ежеминутную борьбу за выживание, и ему не до политики. Но есть еще средний бизнес, который тоже, в свою очередь, неоднороден и распадается, условно говоря, на две группы – средне-мелкий и средне-крупный. И именно эта вторая группа с интересующей нас точки зрения особенно важна.

Речь идет об относительно преуспевающей страте людей, которые самостоятельно выстроили свой бизнес, не используя возможности приватизации или залоговых аукционов. Так вот, представители данного слоя имеют определенные политические запросы, но не имеют адекватных средств их реализации. Лишь только они пытаются эти запросы артикулировать, как тут же местные власти и друзья по бизнес-сообществу начинают увещевания: слушай, дорогой, тебе что, свое дело совсем не жалко? Ведь развалить любой бизнес сегодня никакой проблемы не составляет: появится налоговая служба, выставит штрафы за какой-нибудь мохнатый год и вынудит заниматься всем этим, коль у тебя нашлось время мечтать о политике. Так что ни эта, ни, тем более, какая-то другая группа предпринимателей сама по себе субъектом перемен стать не может. Но не использовать накопленный нашим бизнесом колоссальный потенциал, держать его в стороне от политики может лишь безответственная власть.

Перед страной стоит важнейшая задача – формирование новой политической и управленческой элиты. Государством все же не кухарки управляют – мы это уже прекрасно понимаем. Но та политическая (в широком смысле) элита, которая у нас сейчас существует, включая и депутатов обеих палат Федерального собрания, и лидеров якобы политических партий, – все это лишь приводные ремни от очень узкой действительно правящей группы. Удручающие результаты деятельности и этой группы, и ее приводных ремней у всех перед глазами. Поэтому следующий президент должен взять курс на формирование обновленной политической элиты, ввести новых людей в свою Администрацию, в правительство.

Вопрос в том, где таких людей взять. Сразу скажу, что это не может и не должна быть интеллигенция. Не надо повторять ошибок 1990-х годов, когда она была призвана наверх. Интеллигенцию во все времена и во всех странах отличало и отличает полное отсутствие навыков государственного управления. А вот у бизнеса, точнее – у среднего бизнеса, сумевшего пробиться «из-под глыб», таковые навыки есть. И их надо использовать в интересах страны.

Я полагаю, что этими людьми движут не только сугубо частные интересы. Думаю, у них есть и некий общий интерес. Представьте себе типичного представителя данного слоя – владельца какого-нибудь завода в провинции. У этого завода нет отделений в других регионах, поэтому его владельца там не знают, но в своем областном центре он является человеком видным, заметным. И у него есть сегодня два пути. Первый: рост и превращение в бизнесмена крупного, из обладателя десятков миллионов – в миллиардеры. Этот путь похвален, но только в случае, если ты действуешь по закону. Но есть и второй путь, особенно в надвигающейся критической ситуации, – спасать Родину. Потому что если этого не делать, то рухнет и то, что было неимоверными усилиями достигнуто за 15 лет новой России. Тем более что навыки для такой деятельности имеются – навыки кризис-менеджеров, из которых и может быть сформирована будущая элита.

Но для ее рекрутирования и сплочения нужны общенациональные лидеры, которым бизнес, претендующий на политическую роль, доверял бы и которые понимали бы важность обновления элиты. И я имею в виду не только будущего президента.

Вот, скажем, тот же Михаил Касьянов. Он не выиграет выборы в 2008 году: его либо не допустят к ним, либо «правильно» посчитают результаты в пользу официального преемника. Но когда подступит и разразится кризис – как после войны: дом обрушился и торчит только одна труба, – тогда Касьянов останется тем единственным из прежней ельцинско-путинской элиты, которого все знают и которому по-прежнему в глубине души все доверяют: и бизнес, и губернаторы, и Запад. Тем «единственным дымоходом», оставшимся от прежнего здания. Он может стать кризис-менеджером, знающим технологии спасения, вокруг которого все снова

сложится. Не президентом, но, к примеру, премьер-министром. Однако опять-таки лишь в том случае, если у нового президента хватит разума понять, что иначе все развалится.

Нам сейчас в первую очередь нужны именно технологии спасения: экономические, финансовые и прочие. Нам нужен очень высокий уровень менеджмента, потому что мы себя сами загнали в тупик собственным непрофессионализмом. А профессионализм сохраняется сегодня только в среде регионального средне-крупного бизнеса. Не того средне-мелкого, который погружен в пучину ежеминутной борьбы за выживание, а того, представители которого чувствуют себя относительно независимыми. Которые уверены, что завтра к ним не придут и не заберут их предприятия. Которые уже всем, кому надо, заплатили.

Я надеюсь только на эту страту бизнес-сообщества.

«Проблема преемника» как проблема обновления властвующей элиты

Проблему преемника Путина, столь широко и эмоционально сегодня обсуждаемую, просто бессмысленно рассматривать вне проблемы обновления властвующей элиты.

Я лично при всем желании не могу представить себе, как будет действовать наш нынешний правящий класс, когда начнутся процессы неконтролируемого и непредсказуемого распада, когда начнутся массовые волнения, когда выйдут из подчинения отдельные элементы силовых структур. У сегодняшней власти нет и, думаю, не будет ответов на эти вопросы. Она просто не понимает, что ей делать в такой ситуации. Тем более что большинство ее представителей считают, что все шито-крыто, все довольны, а идиотская телепропаганда уже оглушила всех до состояния полного дебилизма. Но есть пенсионеры, которым нужны лекарства, есть эти вот дольщики, у которых увели деньги и жилплощадь, есть масса недовольных – по самым разным причинам – людей. Пока еще нет условий для возникновения цепной реакции, но они могут созреть в результате самых простых, будничных событий.

Вспомним февраль 1917 года в Петрограде. Тогда за два дня до начала в городе волнений все вроде бы было управляемо, находилось под контролем. А через неделю государство рухнуло. Тогда, правда, шел четвертый год войны, народ устал. Сейчас, слава богу, войны нет. Но к концу текущего десятилетия количество и груз проблем, одолевающих рядового человека (ЖКХ, цены, проблемы со здравоохранением, с образованием, коррупционный беспредел даже на бытовом уровне, преступность), могут перерасти в опасное качество социальной нестабильности.

Нынешняя правящая элита, повторяю, ко всему этому не готова и подготовиться не способна. И озабочена она, похоже, совсем другим. Думаю, ее планы очень простые: выжить, сохранить приобретенные финансовые ресурсы. Собственно поэтому, к сожалению, нормальный политический процесс, который должен был бы сопровождать смену властных команд, сейчас подменен другим – поиском стратегии личного выживания. Эти люди хотят повторить опыт Бориса Николаевича и его семьи, которая получила гарантии на весь путинский период. И никакой другой стратегии за годы правления нынешнего президента у политической элиты сформироваться не могло.

В начале своего президентства Путин сделал, быть может, максимум того, что мог при присущем ему уровне кругозора и стратегического мышления. Но когда в его окружении выявился дефицит интеллектуальной поддержки, а присущее ему недоверие к незнакомым помешало расширению круга доверительного общения, он сам себя загнал в ситуацию неспособности к стратегическому планированию. Показательна судьба идеи об «энергетической сверхдержаве», претендовавшей на статус внешнеполитической стратегии России. Где эта идея сейчас? Путин же сам от нее открестился, когда пронаблюдал реакцию Запада. Но неужели сложно было предвидеть, какова будет реакция на новогоднее отключение газа Украине?

Теперь Запад навсегда увязал идею «энергетической сверхдержавы» с перспективой подобных отключений.

При всех различиях в возрасте и прочих обстоятельствах, Путин во многом воспроизводит политический путь позднего Ельцина, подходя к концу своего второго срока предельно уставшим и абсолютно не желающим продолжать играть навязанную ему обстоятельствами роль. Он, конечно, стремится сохранить свое нынешнее влияние на решение принципиальных вопросов, касающихся интересов близких ему людей. Но никаких резких движений он делать уже не хочет, а хочет лишь спокойно уйти и быть поминаемым незлым тихим словом. Поэтому ему не нужны никакие «прорывы»: все реформы им практически приостановлены.

Это весьма удобная тактика: ведь если после его ухода с поста президента в стране начнутся какие-то неурядицы, он может вновь выйти из тени и выступить в качестве некоего гуру-спасителя. Впрочем, если у него хватит на то идей, людей и прочих необходимых ресурсов. Но сейчас главный вопрос в том, в каком состоянии он страну оставляет и к чему ее своими действиями либо бездействием готовит.

На финальной стадии правления Бориса Николаевича мы стали свидетелями серьезного раскола элиты. Сейчас, наблюдая за предвыборными боданиями двух «Россий» – «Единой» и «Справедливой», – мы можем констатировать, что наметился новый элитный раскол. И вот уже даже некоторые кремлевские политтехнологи в сердцах заявляют, что в результате формирования второй партии власти («Справедливой России») ситуация может окончательно выйти из-под контроля, что две партии власти – это погибель для нынешнего политического класса. И они правы. Потому что народ полностью дезориентирован.

Долгие годы ему пытались внушить, что есть одна партия сторонников политики Путина – «Единая Россия». И вдруг появляется вторая, выступающая по отношению к первой как оппозиционная, но тоже заявляющая, что она говорит от имени Путина. Появились уже и перебежчики в нее из «Единой России», в политике отчетливо обозначились проявления стихийности и неопределенности, что для нынешней политической элиты, неспособной управлять в условиях кризиса (не говорю уж о чем-то подобном революционной катастрофе), смерти подобно. Для избирателя, конечно, это даже интереснее: у него появляется возможность выбора, а вместе с ней и стимул быть политически активным. Но элита – в полном смятении, поскольку вертикаль власти, выстроенная под «Единую Россию», начала рассыпаться.

Пока, правда, риски сводятся к тому, что «Единая Россия» может не получить большинство в Думе. Поэтому главная интрига на сегодня связана все же не с парламентскими выборами, а с тем, что будет потом. Речь идет не просто о том, кто будет преемником Путина и на какую фракцию нынешней элиты он сделает ставку, а о том, будет ли способен на *обновление* элиты в соответствии с внутренними и внешними вызовами, перед которыми оказалась страна.

На Путине сейчас очень большая историческая ответственность. Одно дело, если он выберет человека, приятного и удобного ему во всех отношениях, того, кто будет потом говорить правильные слова в адрес Владимира Владимировича. Другое – если Путин сделает свой выбор, понимая, какая колоссальная ноша, какие проблемы лягут на плечи его преемника. Причем, повторяю, не только внутренние, но и внешние.

Мы живем в едином глобализованном мире. В ближайшие годы американцы, думаю, решат проблему Ирака, выведут оттуда войска. Скорее всего, они решат свои проблемы и на Ближнем Востоке, и в Афганистане. А когда у них высвободятся силы, они займутся Россией. Займутся по-настоящему.

США, в частности, крайне обеспокоены нашим позиционированием в отношении Китая. Поскольку гораздо больше, чем нас, они боятся именно Китая, опасаются рисков, связанных со стремительным ростом его могущества. Россия же беспокоит их постольку, поскольку демонстрирует готовность стать сырьевым придатком Китая. В такой связке с Россией он имеет

реальные шансы стать второй супердержавой, воспроизводя ситуацию биполярного мира полувековой давности, когда друг другу противостояли США и СССР.

В этой ситуации для России риск двоякий: с одной стороны, оказаться под плотным прессингом американцев, а с другой – стать энергетическим придатком Китая. Да, последний пока не намерен претендовать на наши территории. Разговор о такого рода угрозах – глупости, китайцы не готовы их заселять, о чем некоторые участники дискуссии уже говорили. Но политическое влияние Китая плюс товарная экспансия – это вполне серьезно. Ведь Россия может просто утратить свой суверенитет в части обеспечения своего населения потребительскими товарами.

Европа, с моей точки зрения, допустила в 1990-е годы колоссальную стратегическую ошибку, упустив возможность включить Россию в сферу собственного общеевропейского рынка. Нужно было более активно вести политику интеграции, нужно было приглашать Россию и в НАТО, и в Европейское сообщество, начинать соответствующие переговоры, которые затем могли бы идти хотя бы и 20 лет. Но этого, к сожалению, не произошло.

Можно ли сегодня исправить ситуацию? Полагаю, что какие-то эфемерные шансы пока еще сохраняются. Путин мог бы, уходя, сделать грандиозный исторический шаг, оставив преемнику договор с ЕЭС о том, что должна делать Россия, чтобы стать членом Европейского сообщества лет через 25. Своего рода дорожную карту. Я понимаю, что даже для этого необходимо выполнить много разного рода условий и проработать разного рода договоренности, но такое наследие Путина было бы чрезвычайно важным для страны.

Что касается грядущего нарастания напряженности между Россией и США, то она сегодня нами явно недооценивается. Американцы не только влияют на нефтяные цены. Многими путями и разными способами они влияют и на внутреннюю ситуацию в России. Тут нет необходимости говорить о каких-то заговорах – все гораздо проще и очевиднее. Ну, например, достаточно вспомнить, что деньги всех наших нуворишей хранятся на Западе. А после 11 сентября 2001 года для американцев не существует банковской тайны, даже имея в виду швейцарские банки. Все наши миллиардеры просто-напросто на крючке у американцев. Иными словами, разговор с нашей элитой – после того, как Россия станет для них главной целью, – может быть достаточно коротким.

В этих условиях наша власть использует националистическую, антизападную, антиамериканскую риторику для того, чтобы якобы сплотить народ. Точнее – чтобы было чем занять его головы. Вот инородцы на рынках засели, вот грузины опять Россию обижают, вот на митинг необходимо собраться, чтобы выразить свою солидарность с властью. Простые такие отвлекающие маневры. Парадокс же в том, что вся эта борьба за «национальные интересы» ведется элитой, которая на самом деле не является национальной, российской. И потому, что все ее деньги хранятся там, на Западе. И потому, что российская экономика давно уже предельно открытая, и ее «капитаны» стремятся делать IPO, причем в Лондоне. Им же начхать на наш внутренний рынок, они намерены повысить внутренние цены на газ в пять раз за пять лет. Если это всерьез, то, значит, экономика страны и ее будущее им абсолютно безразличны. Это абсолютно компрадорская стратегия, с национально ориентированной политикой не имеющая ничего общего.

Таковы цели нашей элиты – сохранить деньги и не попасть в заключение при выезде к месту их размещения, не повторить судьбу какого-нибудь Маркоса. Отсюда и историческая ответственность Путина – осуществить переход 2007–2008 годов таким образом, чтобы не закрыть путь к формированию новой политической элиты, способной остановить набирающие силу процессы, которые угрожают самому существованию России как суверенной и благополучной страны. Если Путин это сделает, то ему достанется все-таки почетное место в нашей и мировой истории.

Дмитрий Тренин «Причину консервации персоналистского режима надо искать не в конституционной конструкции государства, а в обществе»

Я рад приглашению Игоря Моисеевича Клямкина принять участие в обсуждении чрезвычайно богатой мыслями статьи Михаила Краснова. Дискуссия по фундаментальным проблемам политической власти в России не может не быть актуальной в год парламентских выборов и менее чем за год до выборов Президента РФ. Кроме того, окончание второго срока полномочий второго президента страны позволяет подвести итоги развития политической системы России и обсудить причины «трудностей перехода» и возможности их преодоления.

Главный итог последних двух десятилетий: на рубеже 1980–1990-х годов Россия вернулась на естественный для нее путь развития. Ведущие факторы этого развития – формирование и постепенное укоренение института собственности («центральная роль денег») и растущая включенность в мировые процессы («открытость страны»). Основное «дело» на данном этапе жизни России – *становление капитализма*.

Отличие России от стран Центральной и Восточной Европы, включая Украину и даже Белоруссию, заключается в том, что у России отсутствовала и отсутствует реальная возможность ускорить и закрепить внутреннюю модернизацию посредством международной институциональной интеграции через вступление страны в Европейский союз и НАТО. Таким образом, российский транзит опирается главным образом на внутренние факторы развития, что делает его более длительным и тяжелым, не исключающим срывы и попятные движения.

Конституция «на вырост». Российское общество между подданством и гражданством

Нынешний политический режим РФ не только опирается на традицию, но и отражает состояние общества и поэтому «объективен». Этот режим – царский по сути, по форме и по стилистике. Власть консолидирована, ее разделение представляет собой конституционную фикцию. Президент РФ – современный царь – выступает единственным функционирующим институтом политической системы. При этом особенностью российского авторитаризма является то, что авторитарное правление опирается на согласие управляемых. Роль легитимирующего фактора в этой «сцепке» исполняют выборы.

Президент РФ не является, конечно, абсолютно независимым субъектом. Он выступает в роли арбитра между различными группами интересов, обладающими финансово-экономическим весом и административным ресурсом. В этом узком смысле политика в России существует, и ее результирующая представляет собой внутриолигархический компромисс. Однако ничего принципиально нового и специфического здесь нет: любая свобода, как свидетельствует мировая история, начинается со свободы «баронов» и постепенно распространяется вниз, в конце концов охватывая рядовых обывателей.

Россией управляют те же люди, которые ею владеют. В меньшей степени это владение формализовано и публично, в гораздо большей – формализовано, но непублично, в еще большей – не формализовано и представляет собой «лишь» контроль над финансовыми потоками. Этой более или менее консолидированной властной корпорации в России противостоит все еще довольно аморфное, но быстро структурирующееся общество. Имущественное расслоение ведет к социальной стратификации и постепенному оформлению групп интересов. Дело не в фетишизации среднего класса как «золотого ключика» модернизации, а в том, что Россия

во все большей степени и на всех уровнях превращается в страну материально выраженных интересов.

Наше общество, если понимать под ним совокупность управляемых, не столько прозевало персонализацию власти и восстановление всевластия бюрократии, сколько не было готово к участию в политической жизни. Такая готовность основывается не на абстрактном желании «установить демократию», а на осознании реальной, конкретной ответственности перед собой и своей семьей. *Волю* к ответственности способно породить лишь владение собственностью. Политическое участие – не только регулярная «отдача голосов» на всевозможных выборах, но прежде всего самоорганизация для достижения значимых конкретных результатов на уровне повседневной жизни. О выходе на этот рубеж могло бы свидетельствовать, например, массовое появление в России товариществ собственников жилья.

Пока процесс вызревания миллионов индивидуальных воль не завершился, общество будет склонно мириться с волей правителя и с всевластием бюрократии. Поддержка правителя со стороны управляемых, однако, не гарантирована автоматически. Более или менее равнодушное к верхушечной политике, массовое сознание вырабатывает «мнение» по важнейшим для себя вопросам (прежде всего социально-экономическим), игнорировать которое не может позволить себе ни один «государь». Да, Кремль предпринимает активные усилия по воздействию на общественное мнение в нужном для правящей элиты направлении. Однако возможности манипулирования массовым сознанием в обществе, где существуют частная собственность и свобода передвижения, существенно ограничены.

Конституция РФ – это конституция «на вырост». Российское общество 1990-х и 2000-х годов в большинстве своем – уже не масса *подданных*, но еще и не корпус *граждан*. Картина, которую РФ пыталась являть внешнему миру в 1990-е (демократия, рынок, независимые СМИ), слабо соответствовала реальности. Вместе с тем институты разделения властей, парламентаризма, независимой судебной власти, зафиксированные в Конституции, – не ширма, подобно многим положениям советских конституций, а своего рода местоблюстители, которые, вероятно, будут заполняться по мере формирования условий для существования перечисленных институтов. В этом смысле демократия и права человека в России – не прошлое («свободные 1990-е»), а будущее, хотя и не очень близкое.

Попытка «срезать исторические углы», искоренить персонализм с помощью персонализма, отрицающего самое себя, бесперспективна. На случай рассчитывать нельзя; «заслать казака в Кремль» не получится, даже если глава режима личной власти решится на его демонтаж. Без поддержки организованных сил общества он добьется немногого. Уверенное движение *вперед* – это обязательно движение, поддержанное *снизу*.

Итак, ключ не в руках героя, сумевшего пробраться в Кремль, а в самом обществе. И дела здесь не столь безнадежны, как многим кажется.

Генератор такого общественного движения – *частная собственность*. Логика ее развития свидетельствует, что количество собственников увеличивается в геометрической прогрессии. Условно говоря, страна, «принадлежащая» дюжине олигархов (групп, семейств, кланов), через 10 лет будет иметь сотни «владельцев», через 20 лет – сотни тысяч. И т. д. Для владельца же естественно воспринимать себя хозяином. Это значит, что со временем у *земли Русской* будет появляться все больше *хозяев*. Невозможно представить себе, что политический режим при этом не будет становиться все более плюралистическим.

Развитие в данном направлении, хотя и объективно обусловленное, не будет идти в автоматическом режиме. Кризисы не просто вероятны; они неизбежны. Но при этом если вначале политический режим будет оцениваться по критериям уровня компетентности (Ельцин – Путин; Путин – его преемник), то в дальнейшем – все чаще также и по степени представительства основных групп интересов.

Политический режим России непосредственно после выборов 2008 года будет, вероятно, менее консолидированным, чем в 2004–2007 годах. Авторитет третьего Президента РФ будет в первое время опираться на авторитет его предшественника, выдвиженцем которого он будет поначалу восприниматься. Новый премьер-министр также окажется, по-видимому, назначенцем Владимира Путина, а не его преемника. Значительная часть высших чиновников останется на своих постах. Наконец, важнейшей новацией станет фигура самого бывшего президента, который будет играть роль не только «гаранта» и «арбитра», но какое-то время также и «шефа» (в его советском значении), т. е. в каком-то смысле соправителя.

Это обстоятельство существенно изменит «живую конституцию» России и даст стране шанс сделать шаг вперед в формировании институтов власти. Кроме того, сам факт активной политической роли бывшего президента был бы для страны позитивным. Ведь расширение пространства для «бывших первых» является важным индикатором расширения свободы для остальных: сравните «уходы» конкурентов Сталина, отправку на пенсию Хрущева, создание Горбачевым Фонда социально-политических исследований, периодическую публичную активность Ельцина после его добровольной отставки.

Кстати, обсуждаемая возможность избрания экс-президента Путина Председателем Конституционного суда РФ в случае реализации могла бы существенно укрепить авторитет судебной власти и постепенно создать условия для того, чтобы конституционная норма разделения властей стала в РФ реальностью. Необходимость в независимом судебном арбитре в условиях современной России очевидна. Конечно, на сегодняшний день КС РФ – сравнительно скромное учреждение. Но ведь и в США Верховный суд первые 14 лет своего существования играл незаметную роль. Своим нынешним положением ВС США обязан верховному судье Джону Маршаллу, превратившему Суд за 34 года председательствования в интерпретатора Конституции США.

Национальная элита и новый либерализм

Ключевой вопрос российской государственности – становление в России национальной элиты, способной контролировать правящую верхушку и толкать ее к модернизации режима. Речь идет о появлении в сравнительно близкой исторической перспективе группы современных, состоятельных и самостоятельных собственников, готовых взять на себя общественное лидерство. Такое лидерство уже востребовано на всех уровнях – от муниципального до общефедерального, но пока отсутствует его субъект. Можно ожидать, что необходимость защиты собственных интересов и – одновременно – возможность думать шире и смотреть дальше, чем личные интересы, будет заставлять российских «лучших людей» соединять свои усилия. Появятся партии, созданные на фундаменте базовых принципов федерации интересов, и лоббисты крупных программ. Нынешняя российская «федерация кланов» станет похожей на федерацию регионов.

Задача уже существующих сил, которые в будущем могут составить национальную элиту России, – способствовать тому, чтобы более разреженная среда на вершине власти не привела к одному из (или обоим) возможных результатов: ожесточенной борьбе после 2010 года за обладание всей полнотой власти и утверждению нового единовластия. Этого можно добиться, настойчиво подталкивая корпоративных «баронов» – в их же собственных интересах – к политическим компромиссам и «легализму», образовывая и просвещая их и – одновременно – ставя в жесткие рамки. Легализация капиталов, международное признание (или, напротив, санкции за нарушение законов и норм) – вот инструменты такого воспитания.

Сказанное позволяет утверждать, что либерализм вновь становится для России актуален. Историческое время «консерваторов», подморозивших (по их терминологии, «стабилизировавших») на время страну, истекает, и они сами начинают это осознавать. Что делать дальше?

Очевидно, что мобилизационные проекты не способны решить задачу модернизации из-за сложности самой задачи и невозможности управлять развитием из одного центра. Более того, их реализация под вопросом из-за колоссальной коррупции в государственном аппарате. Авторитарный мобилизационный поворот («диктатура развития», в которой значимым является только первое слово) способен, скорее всего, окончательно развалить страну. И гражданское общество в принципе не может быть создано государством, на что надеются некоторые высокопоставленные чиновники, сколько бы денег государство в него ни «закачивало». Государство может лишь создать более или менее благоприятный режим для самоорганизации общества.

Именно либерализм с его упором на институты собственности и конкуренции способен повести страну вперед по пути модернизационных реформ. Российские власти совершенно справедливо указывают на необходимость конкуренции на международной арене, где их лозунгом дня стала многополярность. В принципе, мир именно в этом направлении и развивается. Еще большая потребность в конкуренции, однако, существует *внутри* России. Без внутренней конкуренции невозможна внешняя конкурентоспособность. В свою очередь, внешняя неконкурентоспособность страны обрекает ее на исход за границу элиты (в критериях меритократии, т. е. самых лучших), а затем и массы трудоспособного населения. Современный опыт самых разных стран – от Узбекистана до Зимбабве – тому яркое свидетельство.

В XXI веке с его колоссально расширившимся пространством свободы «единицей успеха» является уже не государство (как в XIX) и даже не компания (как в XX), а человек. Соперничество между государствами и компаниями – это в конечном счете конкуренция за человека.

Субъектом нового либерализма могут быть те группы и лица из среды новой буржуазии, государственной бюрократии, «новых людей», добившихся личного успеха, которые решили остаться в России и, естественно, стремятся поэтому к улучшению среды, в которой они живут и от которой зависят. Главные ценности этих людей и групп – свобода в сочетании с ответственностью и достоинство личности. И важнейшая задача либералов – формирование современной национальной элиты, поддержка успешных и перспективных людей, разделяющих общие с ними ценности.

Новым либералам требуется соответствующая стратегия и тактика. Им не обязательно претендовать на общенародный характер своей организации. Нет особой необходимости и в создании парламентской партии. Россия – не демократия и еще долго ею не станет. Поле деятельности либералов – верхние слои общества, которые должны подать пример и в конечном счете повести за собой все общество. Речь идет о верхнем срезе на всех уровнях – федеральном, региональном, городском, муниципальном. Сетевая организация либералов должна стать локомотивом развития.

Исторический путь длиной в три поколения

Нет никаких оснований считать Россию органически неспособной генерировать демократию. Полностью согласен с Лилией Шевцовой в ее неприятии фатализма. В свое время практикой были отвергнуты представления о демократической бесперспективности немцев, католиков, православных вообще и восточных славян – в частности. На наших глазах процесс вестернизации охватывает все больше стран и регионов не только Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, но также Азии и Латинской Америки. Формируется то, что можно назвать потенциальным *новым Западом*. Пресловутый БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) – его возможный костяк. Эти страны идут по пути, проложенному до них Японией и Южной Кореей, Тайванем и Турцией, а еще раньше – Западной Европой и Северной Америкой. Российский путь – как индийский или бразильский – специфичен, но не уникален.

За двадцать лет хождения по этому пути Россия добилась существенных успехов, которые нет смысла недооценивать. Россия переживает одновременно несколько фундаментальных трансформаций: социально-экономическую; внутри– и внешнеполитическую; национально-государственную. Ни одна из этих по сути революционных трансформаций не завершена, есть опасность стагнации, но есть и закрепленные результаты. Главный результат – перенос центра внимания и интересов на частную жизнь.

Атомизированная Россия сегодняшнего дня, в отличие от общинной, коллективистской России прошлого, становится все больше индивидуалистичной. Ею фактически движут не идеология и не Кремль (роль первого лица государства неуклонно снижается), а конкретные интересы конкретных людей и их групп. «Свобода воли социального электрона», о которой говорит Игорь Александрович Яковенко, а еще раньше – другими словами и на другом языке – говорил Адам Смит, в условиях глобализации обладает большей силой, чем когда бы то ни было в прошлом.

Не могу согласиться с теми, кто считает, что Россия находится в исторической ловушке. Напротив, после 1991 года она возобновила движение по естественному для нее пути развития, которое идет в общем направлении вестернизации, иначе говоря, восприятия наиболее эффективных экономических, социальных и политических институтов. Становление демократии участия – важный, но не ранний продукт этой эволюции. Капитализм, деньги, собственность формируют основу будущей российской демократии. Вероятная траектория при этом пройдет от нынешней царской (моносубъектной) модели к «конституционной монархии» (наличие нескольких субъектов власти и, главное, укоренение законоправия) и, далее, к представительной демократии, т. е. к российскому аналогу современных западных политических режимов. На всю «дорогу» может уйти примерно три поколения. Если брать за точку отсчета начала «процесса» провозглашение Михаилом Горбачевым курса на перестройку, то первая треть пути близка к завершению. В этом смысле и все последующие, постперестроечные режимы – Ельцина, Путина, следующего президента и его преемников – были и будут переходными.

Переходом в новое качество, «точкой невозврата» в движении страны будет достижение согласия в правящей элите и в наиболее значимых общественных группах относительно верховенства закона. Магистральный путь лежит в продвижении от *России порядка*, обеспечиваемого традиционными способами, к *России закона*, к тому, что Михаил Краснов называет *легократией*. Это означает переход от неформальных отношений и теневых практик, о которых говорит Алексей Зудин, к преимущественно формальным и прозрачным отношениям в государстве и обществе.

Секрет консервации персоналистского режима, повторю, кроется не столько в конституционнной конструкции государства, сколько в обществе. Следовательно, и «решать вопрос» нужно главным образом не в сфере конституционного права. В то же время укоренение авторитета Закона, усиление судебной власти – главный фронт продвижения вперед. На данном этапе в фокусе находится не объем полномочий Президента РФ, а комплекс вопросов собственности. Именно здесь – основной участок работы «инженеров» российских реформ.

Тем не менее по мере создания условий для более равновесной политической конструкции коррекция властных полномочий абсолютно необходима. Первое окно возможностей открывается, как уже упоминалось выше, сразу после выборов 2008 года. Так что предложения Краснова очень актуальны.

Последнее замечание касается международного аспекта проблемы. Я всегда воспринимал Россию как часть Европы, но не часть Запада. Принадлежность России к европейской цивилизации – не предмет дискуссий. Это – факт. Сейчас, однако, когда Европа идет по пути объединения и все больше отождествляется с Европейским союзом, невозможно говорить о России – на всю обозримую перспективу – как о части единой Европы. В то же время Россия очевидно идет по пути вестернизации, она все глубже включается в мировые процессы и

международные комплексы интересов. Итак, *от России европейской, но не западной к России западной, но не европейской* – вот тот путь, по которому идет страна.

Она, конечно, никакой не мост и не «внецивилизационное» образование. Географически евро-тихоокеанская, политически расположенная между Европой и Америкой, непосредственно соседствующая с Восточной Азией и с исламским Югом и включающая в себя растущий мусульманский элемент, это страна глобального уровня. Будущее России и благополучие остального мира во многом зависят от того, будет ли соответствовать этому уровню качество российской элиты.

ЧАСТЬ III
ИДЕОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО: PRO ET CONTRA

Борис Межуев
«Российское государство может быть лишь сочетанием идеократии и демократии»

Отвечая на вопросы относительно природы и перспектив современной политической системы в России, поставленные организаторами дискуссии, должен сразу сказать, что эта система представляется мне крайне неэффективной, причем по целому ряду параметров. Вместе с тем мне очень сложно соотнести мою позицию как с традиционной западнической, так и с почвеннической точками зрения, принятыми среди наших экспертов. Эту позицию вряд ли можно однозначно охарактеризовать по двумерной шкале оценок «патриотизм-либерализм».

Наша политическая система содержит на самом деле множество родовых пятен в целом традиционной для России модели правления – *самодержавно-бюрократической*. Включая и те новации, которые внесла в эту модель бюрократическая рационализация самодержавия, начавшаяся еще в эпоху Павла I и достигшая своего предела в «псевдоконституционной» системе думской монархии образца 1906–1917 годов.

Общая черта этой модели, в несколько обновленном виде воспроизводимой и сегодня, – исключение реальной политической конкуренции. Бюрократ, технический исполнитель занимает место политика. Технический расчет замещает политический выбор. Прочность системы непосредственно связана с популярностью, рейтингом доверия верховному главе государства. Пока его правление кажется успешным большинству населения, система худо-бедно работает. Но как только его власть по тем или иным причинам теряет привлекательность для избирателя, тут же возникают системные сбои, преодолеть которые оказывается крайне сложно и без особых, чаще всего незаконных, политических усилий просто невозможно.

Никакой серьезной разницы между режимом Б. Ельцина и режимом В. Путина в этом смысле усмотреть нельзя, за исключением определенных изменений в региональном управлении. Однако, централизовав систему и создав так называемую вертикаль власти, действующий президент замкнул ее на себя, т. е. на собственную Администрацию, одновременно превратив обе палаты парламента фактически в департаменты исполнительной ветви власти. Вместе с тем утратили серьезное значение политические партии, а также независимая судебная власть. Не будучи либералом западнического толка, для которого первоочередное значение имеют права и свободы личности, а интересы государства стоят на втором месте, я считаю данную модель не просто антидемократической, на что при определенных условиях можно было бы согласиться, а именно дисфункциональной, угрожающей целостности и стабильности государства.

Во-первых, данный режим не может без каких-то искусственно создаваемых кризисов воспроизводить сам себя. Наши руководители упрямо боятся идти на отмену президентских выборов, и, думаю, причина этого заключается отнюдь не только в страхе потерять расположение западных лидеров и общественности, как предполагают некоторые эксперты. Существует, может быть, и более весомая причина для сохранения института выборов главы государства. Я имею в виду опасение, условно говоря, «либерального», хотя правильнее сегодня было бы говорить «интеллигентского», крыла правящей элиты оказаться в полной зависимости от «силовой группировки».

Понятно, что в случае нелегитимного продления полномочий главы государства силовики, как и в 1993-м, выходят на первый план, а вся разветвленная экспертно-интеллектуальная инфраструктура, так или иначе соотносящаяся с общественным мнением и публичной политикой (скажем, мобилизующая массовые политические организации в целях противодействия электоральным революциям), оказывается просто ненужной. В свою очередь, такой поворот наверняка приведет к отчуждению от власти активной части интеллектуального класса, что, в свою очередь, еще в большей мере будет способствовать делегитимации режима, особенно при неизбежном осложнении внешнеполитической обстановки. Все это уже имело место быть в 1994–1996 годах, и к этой полукатастрофической ситуации режим явно не намерен возвращаться.

Во-вторых, подавление открытой политической конкуренции при отсутствии механизмов транзита власти делает довольно невнятной всякую правительственную политику. Проще говоря, непонятно, кто несет ответственность за принятие тех или иных ответственных решений, прежде всего в области экономической политики. Министры сейчас – это технические исполнители, назначаемые и снимаемые президентом, лидеры партий – точно такие же чиновники, полностью зависимые от Администрации. Выходит, вся ответственность за политические решения ложится на плечи главы государства. Именно он отвечает за провал или неуспех национальных проектов, поскольку именно им были назначены лица, призванные реализовывать эти президентские начинания. Провал экономического курса, как в августе 1998 года, способен поколебать всю пирамиду власти.

Понятно, что система, способная пошатнуться от малейшего сбоя в работе исполнительной власти, непрочна по определению. В любой оппозиции себе по любому из экономических вопросов власть справедливо угадывает признаки будущей революции, а любой критик правительственной политики, даже в целом лояльный сложившейся политической системе, неизбежно превращается во врага. Я не очень верю в близость падения «цен на нефть», предрекаемое экспертами, но если таковое падение по тем или иным причинам произойдет, тщательно возведенная Путиным система политической стабильности рассыплется как карточный домик. Чиновники немедленно снимут с себя ответственность за рост цен и невыплаты зарплаты, возведя всю вину на главу государства, которому в такой ситуации окажется уже крайне сложно обеспечить победу на парламентских выборах «партии власти» и, тем более, провести преемника.

Причиной и вместе с тем отягощающим признаком данной политической системы является почти неизбежно сопутствующая ей политическая коррупция: власть оказывается орудием извлечения личных доходов, в том числе посредством постоянного перераспределения собственности. При таком положении вещей частное лицо никак не может получить гарантии неприкосновенности своей собственности от государства, а власть видит в любых претендентах на высшие места во властных эшелонах прежде всего конкурентов в борьбе за лакомые куски собственности.

В-третьих, крах политической системы, вызванный возможным экономическим коллапсом, поставит под угрозу целостность страны, в которой каждый региональный руководитель на сегодняшний день является президентским назначенцем.

Наконец, в-четвертых, подавляющая политическую конкуренцию система плодит внутри себя множество различных квазиконституционных органов, обладающих разной степенью власти и влияния. Это в первую очередь так называемая Общественная палата, симулирующая реальное представительство гражданского общества, а также пресловутая Администрация президента, которая, насколько можно судить, и является в настоящее время реальным правительством страны. Внутри этого института и совершается реальная государственная политика, там идет подлинная борьба за власть между различными сегментами политической элиты. Разуме-

ется, никакой продуманной и ответственной перед своей страной политике функционирование такой квазиконституционной системы не соответствует.

В том-то и беда нашей политической системы, что она не может решиться ни на откровенный авторитаризм, ни на открытую политическую конкуренцию, зависая где-то посередине и продолжая существовать в большей степени по инерции. С другой стороны, вся эта, на самом деле, разболтанная и плохо отлаженная машина оказывается еще и лишенной четкого идеократического оформления, ибо ее лидеры не могут сойтись в фундаментальных вопросах исторического бытия России – скажем, в вопросе о том, относится она к Европе или представляет собой особую уникальную цивилизацию. Поэтому не очень понятно, как поведет себя Россия в тех или иных международных коллизиях и какими принципиальными соображениями будет руководствоваться при этом ее политическое руководство. Возникает ощущение, что как во внутренней, так и во внешней политике наша страна будет лишь оперативно реагировать на возникающие вызовы, устраняясь от выработки стратегической линии, основанной на каких-то идеологических константах.

Все это в совокупности свидетельствует о крайней необходимости для России смены конституционного строя. Думаю, оптимальной мерой было бы наделение президента страны правом избираться на третий или же четвертый срок в обмен на формирование кабинета министров победившей на парламентских выборах партией при утверждении правительства главой государства. Причем на какой-то переходный период режим «управляемой демократии» может быть даже сохранен – в том смысле, что к выборам будут допускаться только те партии, программы которых будут соответствовать основным принципам общегосударственной политики. Сами же эти принципы должны быть сформулированы и утверждены неким надпартийным идеократическим органом, не претендующим на оперативное вмешательство в политический процесс (подобные функции в США исполняет Верховный суд, а для европейских стран – высшие органы ЕС и Совет Европы).

С другой стороны, следовало бы отказаться от института губернаторов, переложив функции регионального управления на избираемые субъектами Федерации правительства земель, главы которых должны быть, подобно главе кабинета, утверждены федеральным президентом. При такой системе вертикаль власти сохранялась бы, но она не превращалась бы в нынешнюю систему бюрократической безответственности. Эти и другие вполне рациональные политические предложения по трансформации системы власти в России были сформулированы в Конституции Института национальной стратегии 2005 года.

Россия, по своим историческим и геополитическим характеристикам, не может считаться частью Европы или какой-то иной цивилизации. Как единое целое она может существовать лишь в качестве отдельного государства-цивилизации, не интегрированного ни в какую иную цивилизационную семью народов. Всякие попытки интеграции в европейский мир будут способствовать только продолжающему кризису российской государственности. Европа не хочет, не может и, главное, не обязана включать в себя Россию, не обязана считать нашу страну полноправной участницей европейского содружества наций. Но если это так, то уже одно это должно раз и навсегда исключить любые попытки России найти свое место в общеевропейском доме.

По той же причине наша страна не может слепо копировать и политическое устройство европейских демократий, которые на сегодняшний день являются полусуверенными государствами. Это предполагает, что Россия, как и всякая другая устойчивая демократия, не может быть лишена своих собственных надпартийных идеократических инстанций, корректирующих политический курс страны в зависимости от основных установок ее цивилизационной идентичности. Полагаю, что таковыми установками должны быть господствующая роль в обществе православной религии, целостность страны, национальное равноправие.

Однако наличие идеократического компонента государственного строя России не отменяет необходимости конкуренции политических сил, представляющих несовпадающие инте-

ресы разных слоев населения страны, а также их различные представления об оптимальном социально-экономическом и международном курсе государства. Здесь очень важно пройти между Сциллой и Харибдой. Если политические силы внутри страны будут сталкиваться по принципиальным вопросам ее цивилизационного самоопределения, в частности о том, следует ли России интегрироваться в военные и политические организации Запада, то Российское государство окажется перед опасностью фундаментального раскола – у сторон просто не окажется общей основы для консенсуса. Однако подавление *всякой* свободной конкуренции в конечном счете рано или поздно приведет к государственной катастрофе – российские граждане не обладают тем безотчетным чувством доверия к действующей власти, каковое имеют жители различных успешных в экономическом отношении азиатских автократий и полуавтократий. Для России отнюдь не любая власть является легитимной в глазах населения, таковой легитимностью обладает лишь власть успешная.

Нужно быть реалистами: в ситуации хаотических и зачастую непредсказуемых флуктуаций мировой экономики, в которую худо-бедно вписана Россия, власть не может быть застрахована от сбоев и кризисов, зачастую происходящих даже не по ее вине. При отсутствии же гибкой управляемой демократической системы, экономические кризисы почти неизбежно перерастают в политические. Поэтому оптимальная форма Российского государства и должна всегда строиться на сочетании компонентов идеократии и демократии.

Дмитрий Володихин
«Нам нужна самодержавная монархия, несколько смягченная рядом представительных учреждений»

В российском политическом спектре постепенно выкристаллизовывается новое направление, идеологической основой которого является то, что условно можно назвать «русским консерватизмом». Я считаю эту силу растущей, перспективной и солидаризуюсь с соответствующими ценностями и политическими приоритетами. Поэтому прежде, чем приступать к полемике с Михаилом Красновым и другими либералами, хочу кратко изложить базовые положения русского консерватизма.

Очевидно, что он вырос на отталкивании от уже существующих маршрутов, проложенных по современной политической карте, постепенно осознавая себя как «четвертый путь», т. е. как нечто совершенно самостоятельное, отличное и от коммунизма, и от либерализма, и от ряда «густых» националистических организаций – архаичных и неконструктивных. Таких, например, как НДПР. В ближайшее время будет сформирована повестка «политического консерватизма» (термин Бориса Межуева), или, иначе, программное формулирование нового субъекта российской политики.

Вместе с тем на этом пути есть целый ряд чисто идеологических препятствий. Прежде всего, ясно, что русский консерватизм идет «широким фронтом», подгребая самые разнообразные группы и идеологические концепты, но границы, за которыми происходит очевидное «размывание ядра» идеологии, еще не очерчены четко. Прямых программных высказываний русских консерваторов относительно немного. Отношение к евроамериканскому консерватизму едва прописано. Очевидно отталкивание от «либеральных консерваторов» в духе создателей рейганомики и тэтчеризма; консерваторы-традиционалисты, наподобие Патрика Бьюкенена, вызывают сочувствие, неоконсерваторы (на самом деле ультрадемократы) спровоцировали противоречивые оценки. Как бы то ни было, русский консерватизм – «русская вещь», это далеко не реинкарнация тори на территории РФ.

Несколько размытыми остаются представления о взаимодействии с Русской православной церковью, умеренными националистическими группировками, социал-демократическими организациями, об отношении к наследию дореволюционного отечественного консерватизма и т. п. В данном тексте я попытаюсь дать ответ лишь на некоторые из этих вопросов.

Русский консерватизм versus либерализм

По отношению к либерализму русские консерваторы определились достаточно твердо.

Слова «либерализм», «глобализм» и «демократия» вызывают у огромных масс народа и большей части интеллектуалитета не то чтобы отторжение на уровне инстинкта – это уже пройденный этап. Открытое высказывание по поводу того, до какой степени комплекс перечисленных понятий отвратен, становится моветоном: окружающие и так давно все осознали, так к чему тельник на себе рвать? Всерьез критиковать либерализм сейчас все равно что браниться по поводу неудачной моды, сшедшей с витрин три года назад…

Недавно я видел серьезного политтехнолога, читавшего лидерам лоялистской молодежной организации лекцию на тему: «Почему демократия не так омерзительна, как может показаться». Ему удалось добиться признания обозначенного тезиса, но, боюсь, при этом он выдал версию «чистой демократии», или, иначе говоря, «демократии-в-потенции», которая нынешних «штатных» идеологов демократического лагеря и нынешних практических политиков вряд ли устроит. Конечно, находятся люди, способные вполне серьезно говорить: мол, нельзя же с

водой выплескивать и ребенка! Но после полутора десятилетий реализации либеральных проектов на территории России подобное высказывание напоминает пропаганду героина в качестве отличного средства от простуды.

Слово «либерал» приобрело бранный оттенок, поместившись в обличительной лексике где-то между «болваном» и «ворюгой». «Полный либерал» – выдающийся глупец. Если кто-то «олибералился», всем ясно: был честным человеком, а вот прижукнулся, купили его гады. Некоторые, как, например, Александр Елисеев в статье «Срочно требуется либерал», наивно пытаются извлечь из истории дореволюционного либерализма в России нечто полезное для современности. Напрасно: степень дискредитации либерализма такова, что никакое хорошее начинание нельзя сейчас приближать к этому понятию. Протухнет моментально. Что же касается Михаила Краснова, воспевшего в статье «Фатален ли персоналистский режим в России?» преодоление персоналистской организации власти в России во имя торжества демократии, то он выглядит как верующий, коленопреклоненно возносящий гимны сакрализованному объекту культа.

Мне много раз приходилось слышать: «Россия как не знала, так и не знает ни настоящего либерализма, ни настоящей демократии!» А народ видит нечто криминально-кабацкое, путанно-киллерское, хапуг, лжецов и мошенников. Во главе их воинства – совсем уж экспонаты из Кунсткамеры: Чубайс, а прежде того Гайдар… Делается абсолютно адекватный вывод: если настоящие-то либерализм с демократией придут, это ж совсем кранты! И без того обнищали, а там вконец переморят! Подобное «нутряное понимание», наверное, самое правильное. Суть любой идеологии видна по плодам ее.

Поэтому если и есть в демократии и либерализме нечто полезное, то сейчас пора ему найти новые имена, иначе мало кто пожелает к этой самой пользе подойти вплотную, опасаясь измазаться привычной субстанцией. Какой уж там «новый либерализм», упаси господь!

В русском социально-политическом обиходе слова «капитализм», «либерализм», «социализм», «глобализм» означают несколько иные явления, чем в обиходе евроамериканском. Да, у нас это во всех случаях «сниженные варианты». Да, у нас это не только обозначение «идеальных состояний», т. е. чисто теоретических категорий, очищенных от влияния жизни, но в значительной степени и обобщение неудачной практики. Однако проблема в сердцевине своей гораздо глубже. Одна из цивилизаций Земли выработала понятийный аппарат для присущей этой цивилизации политической реальности. Он не только плохо подходит для соседей, поскольку у них иная политическая реальность, но и базируется на опыте таких общественных институтов, которые у самих евроамериканцев работали слишком недолгий срок, чтобы делать сколько-нибудь серьезные выводы об их практической пригодности.

Первые значительные политические шаги либерализм начал делать лишь в последней трети XVIII столетия. Глобализму как внятной системе социально-политических и экономических взглядов и всего-то несколько десятилетий. Для мировой истории это два маленьких мальчика, настырных и злых, но оттого ничуть не более опытных. Века через три-четыре можно будет делать выводы о практической пользе либеральных и глобалистских рецептов, а пока судить просто не о чем. Неужто два столетия способны проявить какие-то новые глубокие истины в политике или философии?

Тем более если учесть, сколь дорого обошелся либеральный опыт его «родным цивилизациям» в рамках евроамериканского сообщества. Сколько революций пережила Франция? Россия с ее двумя в этом отношении просто дитя. Сколько десятилетий протянет Великобритания без колониальной системы, обеспечивавшей все необходимое для метрополии? Тамошние шахтеры и докеры давно поняли, почем фунт лиха. А сколь тяжким бременем легла глыба либерализма на Веймарскую республику – настолько тяжким, что она поспешила переродиться в Третий рейх! Истинный либерал всегда свободен в выборе средств давления на соседей…

Сколько ненависти вызывают США во всем мире в настоящее время, и как эта ненависть еще отольется американцам? 11 сентября – только начало.

В настоящее время у либерализма нет серьезных аргументов для того, чтобы претендовать на монопольную выработку социально-политической рецептуры.

Русский консерватизм и Российское государство

Что представляет собой российская государственность постраспадной эпохи?

При Ельцине она функционировала в основном как механизм легализации имущественных захватов, осуществляемых криминальными предпринимателями, силовиками и номенклатурой. Она позволяла им свободно бороться друг с другом – вплоть до смертоубийств и очевидного попрания законности. Она давала им возможность подавлять любое сопротивление снизу и сама не раз участвовала в этом. Она в вопросах внешней политики (а во многом и внутренней) была насадкой на манипуляторе андроида, включенного на порядок более серьезными зарубежными игроками.

Что такое российская государственность при Путине?

Политическая организация, ничуть не переставшая быть «насадкой на манипуляторе», но управляемая более тонко, чем раньше. Определенный круг олигархических кланов выстроил механизм передаточных шкивов, шестеренок и болтиков, приводящих в движение марионетку центральной власти. Те, кто входит в указанный круг, могут относительно мирными методами выяснять вопросы о разграничении полномочий по управлению марионеткой и получению строго определенных дивидендов по строго определенным каналам. В свою очередь, они, во-первых, отчитываются перед партнерами по бизнесу более высокого статуса; во-вторых, устанавливают правила для всех остальных; в-третьих, «сбрасывают с корабля» тех, кто в круг не вошел, но по предложенным правилам играть не хочет (от живых национально-ориентированных общественных движений до какого-нибудь нувориша Ходорковского).

Что же касается так называемой демократии, то в России она представляет собой чисто антуражный элемент политической системы. Конечно, массмедиа и механизм счета голосов всегда требовали и будут требовать своевременных инвестиций, но это в конечном итоге получилось не столь уж дорого. Эффективнее действует угроза отобрать и те крохи, которые падают журналистам, экспертам, политтехнологам и менеджерам-счетчикам с барского стола. Года примерно с 1997-го все наши выборы контролируемы на девять десятых, если не на девяносто пять сотых. Довольно большой круг лиц представляет себе, каковы тарифы на думское кресло, сколько стоит место в Законодательном собрании, определенный пост в администрации. А главное кому и как *дать*.

Единственный центр власти, сохраняющий реальную силу, а также реальный контроль за основными финансовыми потоками и средствами принуждения – Администрация президента. Этот орган играет роль закрытого акционерного общества, где представители инвесторов являются «офицерами связи» и координаторами всех политических решений, принимаемых на самом верху. Иными словами, Канцелярия Его Императорского Величества в современном варианте.

Самодержавие у нас было при императорах, при генсеках, оно осталось и в президентский период. Немножечко подгадили Львов с Керенским, Никита Сергеевич да единственный президент СССР, но и правили они все относительно недолго. Отличие одно: при государе Николае Павловиче, сделавшем Канцелярию главным управляющим органом в России, она действительно подчинялась центральной власти. А сейчас есть основания говорить о ситуации обратного свойства: скорее АП управляет центральной властью.

Главный вопрос российской организации власти состоит в том, кто контролирует государя и его ближайших советников. В дореволюционный период – аристократический слой. Сейчас – «акционеры» Администрации Президента РФ.

Плохо ли это?

Ответ не очевиден.

Русский консерватизм и перспективные задачи политической трансформации

Современный демократический выборный парламентаризм – одна из худших систем власти, когда-либо придуманных человечеством. Если бы он в России работал на полную катушку, мы бы до сих пор сидели в болоте имени Бориса Николаевича. Демократический парламентаризм обеспечивает абсолютную власть богатых людей. Поскольку перед урной Иван Иванович Иванов должен выбрать одного из двух и более совершенно незнакомых ему персон, чаще всего в равной степени антипатичных, он опирается на информацию СМИ. Поэтому побеждает тот, кто покупает СМИ и готов материально обеспечить «долгое позирование» перед камерами, т. е. чрезвычайно дорогостоящую выборную кампанию претендента. Вот и весь сказ.

Нынешнее политическое устройство вводит как главный фактор работы всей системы «административный ресурс». А значит, политическая власть не распределяется по многим рабочим органам системы и не делится между силами, контролирующими медиасферу. Она вся сконцентрирована на самом верху и является прерогативой крайне узкого круга лиц: «царь», его приближенные и небольшая группа избранных экспертов. Захват контроля над указанной группой означает либо размещение на этом пятачке чистых ландскнехтов с несколькими «офицерами связи» во главе (современный вариант), либо людей со строго определенными убеждениями: эти сами будут делать все, что нужно.

Следовательно, позиция центральной власти не особенно прочна. И она может быть сокрушена незначительным по масштабу верхушечным переворотом. Несколько сотен бойцов и несколько десятков специалистов способны справиться с задачей силовой смены правящей элиты; новая устойчивая олигархическая группировка способна решить эту проблему одними финансовыми методами (не считая полудюжины «случайных» смертей).

В этих условиях начинают в гораздо большей степени «играть» не «политтехнологические», а «социологические» факторы. Центральная фигура и ее приближенные могут столкнуться с необходимостью массовой поддержки – такой, какая была у Путина в первые два года первого срока. И, следовательно, потребуется реально удовлетворять чаяния весьма широких секторов населения, уважительно относиться к базовым ценностям большинства. Иными словами, принять политический курс, способный создать у подножия трона круг «сил обороны». Как медийных, так и политических. Это единственный способ придать власти прочность в нынешних условиях.

Что в подобной ситуации составляет платформу русского консерватизма?

Русский консерватизм означает прежде всего полное и безоговорочное расставание с проектами «единого человечества», «мирового правительства» и им подобными. Он по сути своей – снятие глобализма с повестки дня. Вариант универсализации православия и русской культуры как базовых ценностей для всего человечества, кажется, никто *пока* всерьез не предлагал, а прочие варианты глобализации заинтересовать русского консерватора не способны в принципе.

Русский консерватизм видит в России, во-первых, территорию самостоятельной цивилизации, новые формы которой сейчас еще пребывают в стадии генезиса; во-вторых, пространство Империи. Под словом «Империя» понимается мультиэтничное государство с ярко выраженным иерархическим устройством, достаточно крупное по территории и мощное в

политическом, экономическом, военном и демографическом отношении, чтобы претендовать на ведущую роль в регионе. Государство с развитой системой внутренних силовых структур, с центром, который вырабатывает доминирующую идеологию и устанавливает определенный порядок в ряде вопросов администрирования (транспорт, финансы, суд, важнейшие законы), обязательный и равный для всех провинций. При этом стратегическая деятельность центра опирается на господствующую культуру, являющуюся плодом исторического творчества «несущей нации». В случае России таковой является русская православная культура.

Чтобы оказаться в стратегическом центре, необходимо принадлежать полю господствующей культуры, но не обязательно быть представителем этноса, ее выработавшего. Иными словами, правящую элиту России должны составлять русские по культуре, при этом не обязательно русские по крови. Их конфессионально-культурная принадлежность должна быть прочной, очевидной. Русский консерватор стремится к полной политической, экономической и культурной независимости России, что в ситуации перехода к развитым формам Русской Православной цивилизации может вылиться в умеренный изоляционизм. Он считает главными приоритетами государственной политики придание первенствующего статуса православию, русской культуре, русскому предпринимательству, а также целому ряду программ по нормализации демографии коренных народов страны и реконструкции отечественной промышленности, технологической сферы, вооруженных сил. Он готов в случае необходимости перейти к мобилизационным средствам развития и пойти на значительное сокращение «прав человека» в их евроамериканском понимании.

При Путине значительная часть крупных компаний, в том числе и сырьевых, прошла ренационализацию. Это было сделано, чтобы дать возможность контролирующему олигархическому кругу реализовать материальные активы по неадекватно высоким ценам. Но есть тут и определенное благо: с позиций русского консерватизма государство *обязано* располагать мощным сектором в экономике, дабы исключить давление на страну как внешних, так и внутренних врагов, а также иметь возможность обеспечить России «прожиточный минимум» (энергетика, транспорт, связь, медийная сфера, сельхозпродукция) при *любых* условиях. А вот развитие среднего и мелкого бизнеса нуждается в освобождении от избыточной опеки государства в первую очередь налоговых органов и милиции.

Внешняя задача России на ближайшие десятилетия – геокультурная экспансия (православное миссионерство прежде всего) и защита интересов нашей диаспоры за рубежом. Усиленный импорт «биоединиц» в рамках «замещающей иммиграции» рассматривается русскими консерваторами как преступная политика, ведущая к подрыву государственной безопасности.

В связи с этим русский консерватор:

1. Стремится создать в информационно-медийной сфере устойчивый сектор, где традиционные культурные и религиозные ценности, а также интересы народа и страны располагают абсолютным приоритетом.

2. Поддерживает силы, способные повернуть нашу властную верхушку к политическому курсу, основанному на национальной консервативной идеологии.

3. Отрицает смену правящей элиты революционным способом, в том числе путем организации масштабного вооруженного восстания.

4. Всеми силами и средствами продвигает близких по духу людей наверх.

5. Если действия государства соответствуют национальным консервативным идеалам и соотносятся с Евангелием, сам готов войти в состав «сил обороны».

6. Он всегда помнит: наступление «реальной демократии», т. е. соревновательной модели власти богатейших кланов над страной, резко снизит его возможности на что-то повлиять.

Политическая тактика

Конечно, русским консерваторам нужны организации для выхода к власти. Но что это должны быть за организации? По всей видимости, гибриды общественных движений и журналистских клубов. Учитывая, как уже говорилось, совершенно антуражный характер высших выборных органов в России и, в первую очередь, полную «простроенность» Госдумы под интересы политической верхушки, представляется крайне малоценным делом прорываться к депутатским креслам. Ведь пребывание одного, десяти или даже сорока русских консерваторов в этих самых креслах не даст ни малейшего шанса на решение сколько-нибудь серьезных политических задач. Попадание нескольких представителей русского консерватизма в Госдуму и региональные выборные органы имеет ограниченную ценность: это признак статуирования в качестве самостоятельной политической силы, вот и все. В целом же у русских консерваторов на первом плане должны быть другие задачи. Их цель – работа в администрациях любого уровня, вплоть до высшего, а также постоянная медийная активность, продуцирование определенного «фона» в информационной сфере, поддержка своих во власти.

Общественно-политические организации русских консерваторов, во-первых, ждут удобного момента, а еще лучше – создают удобный момент для рекрутирования единомышленников в структуры исполнительной власти; во-вторых, всегда готовы в случае нестабильности на самом верху заявить свое право на места в «стратегическом центре»; в-третьих, если центральная власть, не меняясь на персональном уровне, поворачивается лицом к чаяниям национальных консервативных сил, она должна видеть перед собой реально действующие группы, с которыми можно как минимум провести политические консультации или договориться о разработке масштабных программ.

Поэтому идеальная общественная организация русских консерваторов должна напоминать кадрированную военную часть. Штаб, небольшое количество охранных подразделений и политуправление (те же журналисты) находятся в постоянной боевой готовности. Прочие, когда потребуются, могут быть отмобилизованы быстрыми темпами. Партия территориального типа с многочисленными органами, нацеленными на предвыборную работу, не нужна, да и не по зубам. Нелегальные экстремистские группы – совсем из другой сферы. А вот ориентация на своего рода клубы, как на сетевую основу центров консервативной политики, – гораздо правильнее и реалистичнее.

Духовная основа русского консерватизма

Духовной основой русского консерватизма может быть только православие. Все должно быть пронизано им. Любое политическое действие, любое практическое предложение должно проверяться евангельским духом. Если благое пожелание русских консерваторов противоречит заповедям Иисуса Христа, значит, где-то была совершена ошибка. Значит, необходимо вернуться назад и проанализировать, в чем допущен просчет, кто худо повлиял на общее дело. И движение к власти, и ее использование суть действия, находящие теоретическое обоснование в концепции теократической симфонии.

По словам современного православного публициста и катехизатора Андрея Кураева, «церковь не может отказаться от своей мечты о симфонии, ибо это вопрос о том, может ли остаться внехрамовая жизнь людей вне соотнесения с Евангелием. Идеал симфонии неустраним из православия. Но вопрос – симфонии с кем и с чем. Главный итог размышлений русских философов на эту тему состоит в том, что разговор надо вообще перевести в другую плоскость – не Церковь и государство, а Церковь и общество, Церковь и люди». В статье «Православным пора почувствовать вкус к карьере» он, в частности, развивает идею простую, но эффектив-

ную. Суть ее в том, что многое решается духовным настроем, воспитанием. С точки зрения А. Кураева, не будет никакой православной России, если из детей не удастся воспитать православных людей, «которые могли бы, владея всей сложностью современной культуры и техники, сделать ради веры своей, ради народа своего успешную социальную карьеру. Если мы хотим видеть Россию православной, ей нужны православные элиты. Православные депутаты, экономисты, министры, бизнесмены, учителя, журналисты и т. д. Значит, православным людям надо прививать вкус к успеху в жизни, творчеству, карьере».

Совершенно правильная мысль! Лишь постепенное продвижение единомышленников к верхам всех социальных иерархий может создать в России государство-семью, основанное на благодушном и рачительном патернализме. А это означает воспитание не только «вкуса к успеху», но и чувства духовно-родственного долга: на уровне инстинкта помогать таким же, как ты, поддерживать их повсюду и везде, не ожидая за это никакой благодарности.

Политический идеал русского консерватизма

Какое государство нужно Русской Православной цивилизации в качестве «программы-максимум»? Иными словами, какова оптимальная форма государственности, если отрешиться от возможностей «достроить» и «отладить» современную российскую государственную машину?

В этом вопросе можно сделать лишь несколько «этюдных» мазков. Он требует серьезной разработки. Сожалею, что консервативный лагерь может в настоящее время опереться лишь на старые идеи, высказанные Константином Леонтьевым, Львом Тихомировым, Иваном Солоневичем. Приходится излагать частное мнение, а не четкую общую платформу.

Автор этих строк надеется, что желаемый «градус христианства» в политической жизни Русской Православной цивилизации ему удалось показать в статье «Цивилизация второй чаши». Собственно, на любом уровне политической власти никакое серьезное дело не должно решаться без советования с духовными властями, без благословения патриарха, епископа, иерея… Соответственно, Русская православная церковь обретает конституционно утвержденные права первенствующего конфессионального учреждения в стране, а православие – первенствующей конфессии. Это означает крупные преференции в области образования, в медийной, да и в культурной сфере, а также возможность обращения к верховной власти с законодательной инициативой, минуя выборные учреждения. В хозяйственном и финансовом отношении Церковь выступает как самостоятельный независимый субъект российской экономики.

Вопрос спорный, но обсуждаемый – о предоставлении «второго ранга» исламу и буддизму, также с определенными льготами и закрепленными в Конституции правами. Во всех трех случаях предполагается ввести в бюджет статьи расходов на магистральные нужды конфессий.

Ярослав Бутаков в эссе «Новое иосифлянство» высказал сходные идеи относительно политического положения Церкви: «Итак, в иосифлянской модели Церковь – независимый общественно-политический институт, деятельно и равноправно сотрудничающий с государством в деле утверждения Правды Божьей на земле. Между государством и Церковью есть разделение функций, но нет приниженного положения ни одной из сторон…» Во времена Ивана III, когда св. Иосиф Волоцкий формулировал важнейшие принципы русской версии «симфонии», никого не могло удивить безраздельное руководство Церкви в духовных вопросах. Такова одна из аксиом раннего иосифлянства. «Когда Иосиф призывал великого князя казнить еретиков, он упирал на то, что государь *обязан* это делать, и обязан как раз потому, что это *велит ему Церковь*», – пишет Я. Бутаков. Возврат к подобным формам симфонии сейчас вряд ли возможен. Однако значительное усиление Церкви в политике и культуре – требование для русского консерватора самоочевидное.

Теперь о государственном строе. Суверенитет и право на осуществление всех властных полномочий исходят из сакрального источника, а не из идей о «делегировании полномочий» народом своему избраннику (избранникам). На власть нужна санкция Высшего Судии. Большинство русских консерваторов считает монархический принцип более эффективным и более соответствующим духу Священного Писания, нежели республиканский. Соответственно, форма организации власти должна быть максимально персоналистичной – самодержавная монархия, несколько смягченная рядом представительных учреждений. Она ограничивается также принципом гражданского неповиновения государству, если оно идет против веры; этот принцип изложен в современной социальной концепции Русской православной церкви.

Два мирных метода перехода к монархическому устройству власти от нынешнего государственного строя таковы: референдум и последующее венчание на царство или просто венчание на царство уже избранного народом президента. Революционный захват власти, как уже говорилось, неприемлем. Очевидно, исключительно важным становится в этой системе принцип престолонаследия. Он должен определяться не только традицией «крови», но и более сложными соображениями – например, способностью монарха отправлять свои обязанности, его возрастом, физическим и душевным здоровьем, вероисповеданием. Поэтому уместно использование мобильной и динамичной византийской системы, уходящей корнями в позднеримские политические устои.

Это означает введение соправительства. Попросту говоря, монарх-«август» сидит в Москве, в то время как его соправители-«кесари» могут осуществлять правление крупными региональными единицами – скажем, совокупностью дальневосточных регионов России. При этом они ограничены во власти правами и первенством «августа», а также тем, что территории для осуществления власти «кесарями» формируются ситуативно, по мере надобности; они не имеют постоянных органов власти. При кончине «августа» у него всегда есть живой дееспособный преемник – «кесарь».

Принцип парламентарной демократии вместе с принципом «сдержек и противовесов» навсегда уходит из высших эшелонов политической организации страны. На местах остаются назначаемые из центра «губернаторы», т. е. те же «воеводы», как это и было установлено при Путине, а власть выборных органов резко сокращается. Для нее достаточно будет границ, предложенных еще в XIX веке в проекте министра внутренних дел Н.П. Игнатьева. Это значит: Госдума и заксобрания становятся законосовещательными органами. Их функции приравниваются к функциям земских соборов: консультирование стратегического центра во главе с монархом и выдвижение законопроектов. То же самое происходит на региональном уровне во всех нынешних субъектах Федерации. Собственно, федерализму приходит конец. Он уступает место унитаризму.

Зато на локальном уровне государственное чиновничество, судейские люди и органы внутренних дел уступают бóльшую часть своей власти институтам самоуправления. Причем нынешний районный уровень – слишком крупный, слишком неудобный для решения простейших задач, хотя бы жилищно-коммунальных. Первичные властные ячейки должны быть сформированы на уровне более мелком, чем современный мегаполисный микрорайон; в идеале – до 1000 жителей для города и до 300 жителей для сельской местности. Здесь все знают всех, здесь ясно видны нужды общины, и здесь могут быть использованы разные формы самоорганизации народа, в том числе выдвижение старост (исполнительная власть), «голов» (с полномочиями шерифского характера, о чем неоднократно высказывался П. Данилин) и «сотских» для управления народным ополчением (необходимость его формирования обоснована М. Ремизовым). От этих локальных структур должно выбирать должностных лиц на районный уровень, а там – на муниципальный, где они будут делить власть с «воеводой» пониже рангом, чем региональный.

Таким образом, если на высших уровнях власти демократия будет в значительной степени урезана, то на нижних установится господство чистой, беспримесной демократии. Как в эллинских полисах.

Автор этих строк сознает, что его предложения идут вразрез со всей политической философией евроамериканского мира со времен эпохи Просвещения. Так и бес с ней.

Максим Артемьев
Слабость демократии и утопии ее противников (О «русском консерватизме» Дмитрия Володихина и необходимости конституционной реформы)

Дискуссия разворачивается вокруг двух основных вопросов. Первый: реально ли создать в России прочные государственные институты, не завязанные на конкретную личность или должность? Второй: приемлема ли для России демократия?

Мы обсуждаем эти вопросы после того, как «крепкая власть» в 1990-е годы стала главным требованием населения, и пока нет предпосылок к чему-то иному. Людей не интересуют вопросы разделения властей, четкого разграничения полномочий и многое другое, о чем говорится в статье Михаила Краснова и в выступлениях его сторонников и оппонентов. Люди ждут от государства конкретной помощи, его вмешательства даже в самые ничтожные их проблемы. И при таком состоянии умов всякая дискуссия, подобная нынешней, обречена быть умозрительной, далекой от жизни, академической. Ясно, что под лозунгом «Больше демократии!» или «Нет персоналистскому режиму!» много народу не соберешь. В этом смысле я согласен с Дмитрием Володихиным, что самые слова «демократия» и «либерализм» оказались в общественном сознании скомпрометированными.

Но вот что любопытно. Сами власти предержащие никогда от той же демократии не отказывались и не отказываются. Напротив, почти в каждой значимой речи президент подчеркивает приверженность демократическим ценностям. Да и население в своей повседневной жизни давно уже демонстрирует готовность жить по либеральным принципам – платить за «бесплатные» услуги, требовать максимум сервиса от продавца, надеяться только на себя. Можно сказать, что современная Россия представляет собой в определенном смысле странное образование – с демократией без демократов и либерализмом без либералов. Оттого, что понятия эти оказались скомпрометированными, мало что изменилось. Курс правительства, назначаемого и формируемого президентом, вполне либеральный в социальной и экономической политике. Конституция, как ни крути, демократическая, она не меняется, и слова о приверженности ее принципам в Кремле не утихают. Другое дело – реальные дела его хозяев, но я сейчас не о них.

Итак, никакой внятной альтернативы демократическому и либеральному курсу никто еще внятно не предложил. Речь может идти (и идет) о его неприятии, но, как только дело доходит до формулирования ответа на вопрос, чего же хотят его противники, начинается сумятица. Иностранцы, приезжающие в Россию, подмечают это сразу. За лозунгом «Мы – не Запад» не следует разъяснений насчет того, кто же мы. Как только начинаешь уточнять, с чем, собственно, не согласны оппоненты демократического государственного устройства, выясняется, что по каждому пункту в отдельности они возражений не имеют. Их неприятие эмоционально, а не рационально. В его основе – всяческие комплексы по поводу явного превосходства Запада во всех сферах, страх перед «чужим», перед потерей идентичности.

Самым главным недочетом реформаторов 1990-х годов я бы назвал, с позиций сегодняшнего дня, недоучет того, как много значило для бывших советских людей чувство принадлежности к великой державе, причем безотносительно к тому, что конкретно им это давало. Человек действительно мог жить в убогом жилье, получать ничтожное жалованье, но гордиться сопричастностью к полетам в космос или тем, что его страна – одна шестая суши. Лишившись иллюзий, «хомо постсоветикус» озлобился на весь мир, пытаясь отрицать все, что идет извне. И в первую очередь отрицается пресловутая демократия – «дерьмократия». Но поскольку взамен ничего не выдвигается, мы и имеем то, что имеем, т. е. непонятное образование – вроде бы

демократическое, но без демократов, вроде бы не империя, но с мечтами о том, чтобы вновь ею стать. Плюс заведомо утопические маргинальные проекты вроде того, который представлен в выступлении Д. Володихина и к которому я еще вернусь.

На этот хаос в умах ложится нелегкий груз тысячелетней российской истории. Кто-то полагает, что она дает нам повод для оптимизма и наполняет гордостью за «особый путь», кто-то, напротив, считает, что в ней не содержится ничего утешительного, а лишь грустная повесть о несвободе.

Ни в коей мере не соглашаясь с тезисом иных либералов о том, что СССР есть продолжение Российской империи (вся суть его была противоположна монархии Романовых), я не могу согласиться и с мнением Солженицына, что никакие черты дореволюционного устройства не влияли негативным образом на судьбу России в XX веке.

«Понимаю – яром, голодуха, тыщу лет демократии нет…» В этих словах Набокова, которого я цитирую по Льву Лосеву, безусловно, отображены реальные особенности нашей истории. К тому же «и живительной чистой латыни мимо нас протекала река». Ведь латынь «мимо нас» несла с собой не только католицизм, но и римское право, развитую теологию с упором на личность. Византия же передала нам не Платона и Гомера, а принцип безраздельной власти государя вкупе с интригами.

Дальше хуже: монархия строилась в России не только как абсолютистская, но и как самодержавно-крепостническая. Конечно, в США рабство негров было отменено еще позже, чем крепостное право в России, но рабство сосуществовало в Америке с развитой правовой системой, с утвердившимся федерализмом и проработанной конституцией. И оно, как это ни парадоксально звучит, было следствием демократии – большинство жителей южных штатов выступали за рабство, и никакой суд, никакой президент ничего поделать с этим не могли. Точно так же, кстати, и сохранение до сих пор в США смертной казни – следствие действия именно демократических принципов. Существует консенсус в обществе по ее поводу, и никакие гуманисты-одиночки не в силах ее отменить, как в Европе. Ни один политик в Америке не рискнет действовать против общественного мнения.

В России ничего похожего ни по части укорененности демократических принципов, ни по части правосознания к XX веку не сложилось, и потому большевикам так легко оказалось захватить и удерживать власть. Сравнивая же дооктябрьский и послеоктябрьский периоды истории государства, можно сказать: до революции оно было органичным (т. е. не навязанным, а сформировавшимся естественным путем), но плохим, а после революции – и плохим, и неорганичным. Так что крах построения современного демократического государства после августа 1991-го во многом объясняется (но не извиняется!) «дурной наследственностью». Ни элиты, ни массы не желали терпеть и мириться с разрушением жизненного уклада во имя непонятной западной модели жизнеустройства, что отличало их от жителей Прибалтики и стран Восточной Европы.

Малоизмененная советская государственность была наложена на рыночную и некоммунистическую действительность. Если и был какой-то консенсус в обществе, то он заключался именно в этом. Перемалывающий всех и вся аппарат правительства остался прежний (см. любопытные воспоминания Валерия Воронцова), облисполкомы с прививкой людей из обкомов составили ядро областных администраций, райисполкомы – администраций районных. Нетронутыми оказались прокуратура, правоохранительные органы, судейский корпус. Не было даже осознания необходимости что-либо всерьез менять. По ходу дела возникали новые органы – фонды и комитеты имущества, налоговые инспекция и полиция, но функционировали они на прежних принципах. Принятая конституция оказалась конституцией персоналистского режима, что и показал Михаил Краснов. Формально отменив советскую власть, она ничего не изменила по существу и на общественное правосознание никакого позитивного воздействия не оказала.

Несовершенство нынешней ситуации понимают все – и левые, и правые. Но в условиях российской действительности рецепты лечения предлагаются более чем своеобразные. Для большинства «большое государство» – фетиш, значение которого даже не нужно разъяснять. «Нормальный» европейский вариант государственного строительства не обсуждается вообще. Упования на то, что с бюрократией и коррупцией можно справиться бюрократическими средствами, несмотря на всю их тысячу раз доказанную неэффективность, по-прежнему сильны. Трезвых объяснений того, почему необходимо иметь раздутое государство, никогда не показавшее свою полезность рядовому человеку, не дается. Предлагается принимать это на веру: в России, мол, по-другому нельзя.

Тем не менее и «государственники» не могут не замечать, что, несмотря на усиление исполнительной власти, желаемых изменений не происходит. И некоторые из них в поисках выхода обращаются к российской государственной традиции, оборванной в 1917 году. «Русские консерваторы», представленные в дискуссии Д. Володихиным, выступают за восстановление самодержавной монархии и ограничение пространства демократии законосовещательными институтами и местным самоуправлением.

Понятно, что никто и никогда в наше время не сможет реально установить абсолютную царскую власть. Так что предложение это носит чисто умозрительный характер, а потому столь же умозрительным было бы и его обсуждение. Тем не менее на некоторых идеях Д. Володихина я хочу остановиться, поскольку они вполне конкретны и выдвигались другими авторами уже не раз.

Во-первых, речь идет об избрании властей на микроуровне. По мысли Володихина, именно и только так можно в России развить низовую демократию, поделив общество на первичные ячейки: «В идеале – до 1000 жителей для города и до 300 жителей для сельской местности. Здесь все знают всех, здесь ясно видны нужды общины, и здесь могут быть использованы разные формы самоорганизации народа…» Но ведь в том-то и дело, что в городе люди, живущие в больших домах, не знают друг друга совершенно! Житель шестнадцатиэтажки понятия не имеет, чем занимается и как характеризуется его сосед по подъезду со второго этажа. Да и соседей по лестничной площадке мы часто знаем очень поверхностно. Наш дом – это место ночного пребывания, а большая часть нашей активности реализуется в других местах – там мы работаем, отдыхаем, социализируемся. Наивная утопия в народническом духе разбивается при соприкосновении с житейскими реалиями.

Во-вторых, Д. Володихин предлагает перейти от федерализма к унитаризму. Предложение опять-таки популярное и не новое, но как его осуществить, даже если кто-то возьмется за это всерьез? Как Татарстан и Бурятия, Чечня и Коми поступятся своей автономией? Вытекающее отсюда же предложение о православной монархии наталкивается на то же препятствие. Как быть тогда с мусульманами и буддистами, с атеистами и язычниками? Официально объявить их неполноправными гражданами?

Подобные «альтернативы» демократии, заведомо утопические, лишний раз доказывают, на мой взгляд, что реальной стратегической альтернативы светскому государству, учитывающему многонациональный, многоконфессиональный и урбанистический характер российского общества, сегодня нет. Поэтому никто из политиков, рассчитывающих хоть на какое-то общественное влияние, проектами вроде того, что изложен Д. Володихиным, не соблазняются. Всерьез они даже не обсуждаются, и наша дискуссия вряд ли станет здесь исключением. Можно спорить о том, какая республика нам нужна – президентская, парламентская либо президентско-парламентская, но не о монархии или иной утопии.

В современном мире сильная президентская власть – редкость, и свойственна она скорее развивающимся странам. США почти единственное исключение на Западе. В этом смысле Россия скорее соответствует латиноамериканским странам – Мексике, Бразилии, Аргентине, Чили, которым примерно равна по уровню экономического развития. Однако в принципе про-

тив сильной президентуры возражать не приходится, учитывая переходный характер нашего общества и отсутствие в нем устоявшихся и общепринятых воззрений на то, чем должна являться Россия. Проблема лишь в том, что, как показал М. Краснов, у нас гиперпрезидентская республика, наделяющая главу государства совершенно исключительными полномочиями, без системы сдержек и противовесов. А также в том, что у нас есть то, чего совершенно нет в Латинской Америке, а именно – трусливо-конформистский правящий класс, воспроизводимый персоналистским режимом и его воспроизводящий. Этот класс априори не способен на публичное возражение или отстаивание собственного мнения; в лучшем случае он в состоянии использовать лишь процедуры непубличных консультаций для снятия противоречий.

Вряд ли можно лучше изобразить нашу государственную «специфику», чем сделал это корреспондент «Фокуса» Борис Райтшустер. Обращаясь к немецким читателям, он предложил им представить себе телевизионный выпуск новостей, который звучал бы примерно так. Федеральный канцлер Германии Герхард Шредер отправился из Берлина на отдых в Нижнюю Саксонию. В Ганновере его радушно встретил премьер-министр Нижней Саксонии. Затем Герхард Шредер провел совещание с представителями местных органов власти и посетил молочную ферму… (камера показывает, как канцлер гладит корову и, слушая главного зоотехника, задумчиво перебирает комбикорм).

Или такой сюжет. Перед отъездом в отпуск Герхард Шредер принял в своей резиденции в Берлине министра финансов Германии Айхеля. Камера показывает стоящего навытяжку перед канцлером Айхеля. Затем крупным планом Шредер, который говорит: «Я слышал, что у вас проблемы с финансами. Это плохо! Вы должны все сделать для того, чтобы люди вовремя получали зарплаты и пенсии!» Министр финансов в ответ: «Мы немедленно примем все меры!»

Самая ужасная ирония заключается в том, что многое из того, что для нас привычно, непредставимо не только в Германии, но и в Латинской Америке. Ни в Мехико, ни в Буэнос-Айресе уходящий президент не знает, кто станет его преемником, и не способен мобилизовывать для избрания приемлемого для него кандидата все чиновничество и всю бизнес-элиту, как в России. В этих странах много независимых центров влияния, ведущих свою игру, – оппозиционные партии, крупные капиталисты, профсоюзы, церковь, региональные кланы. Как же выйти из сложившейся ситуации, как преодолеть историческую инерцию?

Представляется, что для построения современного государства в России следовало бы предпринять следующие шаги.

Во-первых, отменить все законодательные новации нынешней власти, продиктованные ее паранойей и желанием контролировать всех и вся. А именно – вернуть Совету Федерации его более или менее избираемый характер. Отменить формирование Счетной палаты президентом. Отменить назначение губернаторов. Вернуться таким образом к конституции 1993 года, так сказать, в ее чистом виде.

Во-вторых, заняться конституционным реформированием путем либо внесения поправок, либо принятия новой конституции. Основной упор сделать на формирование четкого баланса властей, что предполагает:

1. Отмену поста премьер-министра и возложение всей ответственности за правительственную политику на президента либо переход к формированию правительства по результатам парламентских выборов. Нынешняя ситуация, когда премьер по сути дела является второстепенным чиновником при президенте, должна быть признана неприемлемой.

2. Расширение полномочий парламента. Он должен получить право создания следственных комиссий, право на одобрение назначения каждого министра в отдельности. Создание и ликвидация министерств и ведомств тоже должны осуществляться только с согласия парламента посредством принятия им соответствующих законов. Счетная палата должна стать либо органом контроля со стороны парламента, либо совершенно независимым органом. Но в любом случае ее необходимо вывести из-под подчинения президенту.

3. Реформирование прокуратуры и правоохранительных органов путем создания Следственного комитета. Должно быть исключено дублирование следствия, как это имеет место сегодня. За прокуратурой следует оставить лишь функцию поддержки обвинения, для чего целесообразно включить ее в состав Минюста.

4. Расширение полномочий региональных властей в области здравоохранения, образования, поддержания общественного порядка при одновременном введении полномочий губернаторов в строго очерченные рамки. Нужно сделать часть высших должностей в регионах избираемыми (по примеру США)[28] и создать реально независимые органы аудита.

5. Запрещение государству (на федеральном, региональном и муниципальном уровнях) быть учредителем СМИ. Альтернатива – создание общественных (парламентских) комитетов по контролю за деятельностью принадлежащих государству ТВ, радио и печатных органов. Этим комитетам должны быть переданы функции подбора и назначения руководящих кадров, а также контроль за редакционной политикой.

[28] В любом американском штате избираются не только губернатор и вице-губернатор (последние могут в некоторых штатах выбираться независимо друг от друга, так что один является представителем демократов, а другой – республиканцев), но и главный аудитор штата, казначей и прокурор. Обычно избираемы руководители органов образования штата, города, графства. В иных штатах избирается до двадцати высших чиновников. Для России, приученной к неразделенности власти и, соответственно, к ее самодурству, подобный опыт был бы особенно полезен.

Михаил Юрьев «Естественным для русских вариантом государственного устройства является смесь идеократии и имперского патернализма»

Прежде чем приступить к обсуждению поставленных Михаилом Красновым вопросов относительно эффективности и жизнеспособности сформировавшейся в современной России политической и правовой системы, мне хотелось бы сформулировать обсуждаемую проблему несколько шире: в какой мере существующая модель государства решает и вообще в состоянии решать перспективные задачи России? Я хотел бы поговорить о роли государства в России, причем не только того, что сформировалось к сегодняшнему дню, но и традиционных моделей российской государственности, их влиянии на процессы нашего самопреобразования.

Три модели государства

Я исхожу из существования трех основных идеальных ролевых моделей государства, имея в виду государство в узком смысле, прежде всего как государственную власть.

Первая, традиционная модель государства рассматривает его в качестве института, поддерживающего в данном социуме жизненный строй и порядок, угодные Богу или богам, и, в свою очередь, опосредующего благорасположение Небес к обществу.

В рамках *второй* модели государство – это главный мотор развития и механизм реализации всех стратегических задач данного народа, данной страны. Государство здесь – основной институт, обеспечивающий и постановку целей общества, и их последующую реализацию, которая может осуществляться либо непосредственно самим государством, либо другими стимулируемыми и поощряемыми им субъектами.

Наконец, *третья*, либеральная модель государства; в предельном случае – пресловутая модель «ночного сторожа». В данном случае государство выступает в качестве института, который общество «вычленяет» из самого себя как особую политическую надстройку, призванную обеспечивать общественное благополучие и самосохранение и исключительно в этих функциональных границах наделяемую обществом мандатом на осуществление легитимного насилия над собственными членами.

Эта третья модель устами государства говорит обществу: «Вы сами решаете, как вам жить; я лишь наблюдаю за порядком, за исполнением установленных вами правил игры». С позиции второй модели видение государством собственной роли иное: «Я работаю для вашего блага и лучше вас знаю, что вам нужно и как этого следует добиваться». Наконец, в рамках первой модели государству вообще глубоко наплевать на интересы общества; оно судит так: «Я руководствуюсь высшими интересами, а нравится вам или нет и идет ли вам на пользу то, что я делаю, меня не заботит».

Исходя из такой классификации, нынешнее Российское государство следует характеризовать как гибрид, сочетающий элементы второй и третьей модели, причем гибрид, на мой взгляд, абсолютно нежизнеспособный. Я не утверждаю, что гибриды всегда нежизнеспособны, но вот этот сформировавшийся в последние годы гибрид совершенно нежизнеспособен.

Поэтому самоизменение сегодняшнего Российского государства неизбежно. Поскольку мы уже определили состояние этого государства как состояние неустойчивой гибридности, то, подобно находящемуся в неустойчивом равновесии шарику на вершине параболы, оно непременно самопреобразуется либо в одном, либо в другом направлении. Иными словами, вероятность его самопреобразования – величина, близкая к 100 %. Неустойчивое равновесие тем и характеризуется, что даже небольшое давление выводит систему из равновесия. А такого

рода небольшое давление есть всегда, причем это могут быть одновременно и процессы внутри самого государства, и давление внешних обстоятельств.

Логика и вектор самопреобразования Российского государства

Каким же образом самопреобразование будет происходить?

Во-первых, оно уже происходит. Состояние максимальной неустойчивости постсоветского гибрида либерального и патерналистского типов государственности было достигнуто еще в период позднего Ельцина. Именно с той поры начались и преобразования этого государства. При определенном раскладе они могли бы осуществляться и в направлении либеральной модели. Я отнюдь не отношу себя к числу тех, кто говорит, что такое невозможно в принципе. Но у меня есть сомнения, что это реализуемо в краткосрочной перспективе, что либерализм способен прижиться в России в кратчайшие сроки. Впрочем, это тема отдельного разговора.

Итак, во что же тогда преобразуется Российское государство?

Оно преобразуется в направлении идеального типа второй модели, только идеал этот – где-то в самом конце пути, на который указывает нам вектор преобразования, и пока что мы продвинулись не так уж далеко. Потенциал самопреобразования, которым сегодня располагает Россия, формируется как под давлением обстоятельств (и внешних по отношению к стране в целом, и внутренних по отношению к стране, но внешних по отношению к властной структуре), так и в результате процессов, происходящих внутри самой власти. Это только кажется, что сегодня самая большая проблема людей, сидящих во власти, – куда девать бюджетные деньги. Вроде бы смертельно опасных врагов нет, латентная военно-террористическая угроза – этот бич современного мира, вроде ожирения, – висит над нами не больше, чем над другими. В стране все, казалось бы, стабильно. И тем не менее есть нарастающее – даже в недрах самих властных структур России – ощущение того, что созданная конструкция государства никуда не годится и нуждается в срочной трансформации.

Люди, находящиеся у власти, отнюдь не являются идиотами. Они озадачены ровно теми же вопросами, которые беспокоят участников нашей дискуссии. И многие из них ничуть не хуже ориентируются в происходящем и имеют ничуть не меньшую широту видения ситуации, чем мы, обладая к тому же намного большей информацией. Они ясно видят нежизнеспособность сформировавшейся модели государства, точнее, отсутствие в ее основе всякой последовательности и системности. Проще говоря, они видят, что нет никакой особой модели, а есть просто некое межеумочное состояние конфликтного сосуществования элементов двух различных моделей. Эта псевдомодель лишена и идейной, и логической цельности. У каждой из ее составляющих есть свои плюсы и свои минусы. Но то, что мы сегодня имеем, объединяет исключительно минусы и не объединяет ни одного из плюсов. Именно поэтому я и называю ее межеумочной. В отличие от цельной модели, которая одним очень нравится, а другим очень не нравится, наша нынешняя псевдомодель не нравится всем; может быть, не так сильно, но зато всем. Мнения и оценки участников дискуссии – еще одно тому подтверждение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.